

Санкт-Петербургское городское отделение Всероссийской
общественной организации «Всероссийское общество охраны
памятников истории и культуры» (ВООПИиК)

.....

ТРЕТЬИ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы конференции
28–29 октября 2016 года

Отв. ред. А. И. Чепель

.....

Санкт-Петербург
Издательский дом «Коло»
2018

УДК 719
ББК 72
Т66

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ООО «Научно-производственное и проектное объединение
„Союзстройреставрация“»

Организационный комитет конференции:
А. Е. Иванов (председатель), Б. М. Кириков, А. Д. Марголис,
М. С. Штиглиц, И. А. Мартыненко, Т. А. Цема

Т66 Третьи Тихоновские чтения материалы конференции : 22 ноября
2013 года / отв. ред. А. И. Чепель.— Санкт-Петербург : Коло, 2018.—
320 с. : ил.

ISBN 978-5-4462-0107-5

Сборник составлен по материалам очередной конференции, по-
священной памяти Льва Павловича Тихонова (1929—2010) — замести-
теля председателя ЛГО (СПб ГО) ВООПИиК.

На этот раз конференция была приурочена к полувековому юби-
лею ВООПИиК, Учредительный съезд которого состоялся в июне
1966 года, и в том же году стартовала работа Ленинградского (ныне
Санкт-Петербургского) городского отделения Общества.

В статьях отражен широкий круг проблем: от зарождения госу-
дарственных структур и общественных движений по охране памят-
ников до современных задач сохранения культурного наследия.

Издание предназначено для специалистов в области охраны па-
мятников, а также для всех, кто интересуется историей и культурой
Петербурга.

УДК 719
ББК 72

978-5-4462-0107-5

9 785446 201075

© Коллектив авторов. Текст, фото-
графии, 2018

© Оформление. ООО «Издательский
дом „Коло“», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение А. Г. Демидова, Председатель Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры	9
Предисловие	11
<i>А. Д. Марголис</i> Академик Д. С. Лихачев и охрана памятников истории и культуры	13
<i>В. В. Воронин</i> Формирование списка памятников истории и культуры Санкт-Петербурга — проблемы и перспективы	19
<i>Б. М. Кириков</i> Интерьеры неоклассицизма	29
<i>Б. М. Кириков</i> Как начиналась «мансардизация» Петербурга	43
<i>М. С. Штиглиц</i> Шедевры промышленной архитектуры ленинградского вангарда — номинанты Объекта всемирного наследия (упущенные возможности?)	49
<i>В. Г. Лисовский</i> Северный модерн: 50 лет изучения.	56
<i>Т. И. Николаева</i> Владимир Яковлевич Курбатов.	62
<i>И. Л. Тихонов</i> Частные археологические коллекции в Санкт-Петербурге конца XIX — начала XX века: собрание графа А. А. Бобринского	71

<i>И. А. Соболева</i>	
Да не порвется связь времен	79
<i>Л. В. Глушкова</i>	
Французское законодательство по охране памятников	92
<i>А. И. Капитонова</i>	
Что нам осталось от старого города? Актуальные проблемы сохранения исторического жилого фонда	96
<i>Ю. И. Кашаверская (Чуруксаева)</i>	
Ратоборцы Города муз	100
<i>В. И. Аксельрод</i>	
Отражение проблемы сохранения культурного наследия Петербурга в исследовательских работах юных краеведов	110
<i>А. В. Князькина</i>	
Мы вышли из ВООПИиК (25 лет Региональной общественной просветительской организации «Институт Петербурга»)	117
<i>Л. А. Кирикова</i>	
Д. И. Гримм или М. О. Микешин? К истории создания памятника Екатерине II в Петербурге	125
<i>И. А. Золотинкина</i>	133
К поискам «истинного национализма» в начале XX века: труды по истории русского искусства Николая Врангеля	133
<i>Микишатьев</i>	
Материалы к истории реставрации фасадов дома Троекурова на 6-й линии Васильевского острова	142
<i>В. А. Коренцвит</i>	
Священная роща Петербурга (А. Е. Ухналев о реставрации Летнего сада)	142

<i>А. Е. Ухналев</i>	
Реставрация Летнего сада на томограмме общественных оценок	150
<i>Д. В. Козлов</i>	
Деревья-памятники в историко-культурном ландшафте Мартышкина	156
<i>А. В. Голованова</i>	
Сень храма Воскресения Христова (Спаса на Крови): новые факты в истории создания	167
<i>М. О. Логунова</i>	
О вскрытии захоронения императора Александра III в Петропавловском соборе в 2015 г.	174
<i>Л. В. Семькина</i>	
Вокруг площади Старого Театра (к истории частновладельческой застройки Каменного острова)	182
<i>А. П. Векшин</i>	
Детскосельские парки по архивным документам Агрономического института в период 1918–1922 годов	201
<i>О. М. Кормильцева</i>	
Приспособление памятников архитектуры пригородов Петрограда для нового использования (1917–1927)	211
<i>А. И. Чепель</i>	
«Я очень активно врезался в постройку...»: к 150-летию со дня рождения архитектора А. Л. Лишневого	217
<i>А. Г. Груздева</i>	
Из истории краеведения города Пушкина. Евгений Маркович Головчинер	227
<i>Э. В. Трускинов</i>	
Деревянная быль и небыль Царского Села	235

Содержание

И. В. Руднева
Жемчужины петербургских коллекций. 242

А. Н. Журавская
Стрельнинское дворцово-парковое хозяйство.
Связь времен. 247

Е. В. Нестерук
Особняк Варвары Васильевны Долгоруковой
(Литейный пр., 14/1) 256

Е. В. Ролиг
Городские ворота Ораниенбаума 265

Л. Ю. Сапрыкина
Особняк Слепцова на Большой Конюшенной ул., 9 270

Н. Г. Кузьмина
Типография «Печатный двор»: история и современность. 277

Краткие Сведения об авторах 283
Список сокращений 286

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — город-музей, ныне насчитывающий 8961 объект культурного наследия, поэтому важно, чтобы жители Северной столицы болели за город душой. СПб ГО ВООПИиК состоит как раз из таких неравнодушных людей, активно борющихся за сохранение уникального исторического облика города на Неве.

Члены отделения — В. Г. Лисовский, М. С. Штиглиц, А. Д. Марголис, А. Е. Иванов, А. А. Кононов — собирают под эгидой общества сотни и тысячи неравнодушных к судьбе любимого города людей. Мощный заряд к активной деятельности нынешних защитников петербургского наследия дал их учитель и наставник — Лев Павлович Тихонов, один из основателей Общества охраны памятников и ярчайший представитель питерской интеллигенции. Видный музейщик и организатор экскурсионного дела, Лев Павлович всю жизнь служил своему городу, и во многом благодаря его усилиям СПб ГО ВООПИиК стало одним из лучших в России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2016 году в Петропавловской крепости городское отделение отмечало 50-летний юбилей ВООПИиК, и многие с теплотой вспоминали о Льве Павловиче Тихонове и его учениках, рассказывали об объектах культурного наследия, которые совместными усилиями удалось отстоять. Думаю, мы можем гордиться этой колоссальной подвижнической работой по сохранению родного Петербурга.

С благодарностью Санкт-Петербургскому отделению Общества за титаническую работу по спасению и защите любимого города, за активную просветительскую деятельность,

А. Г. Демидов,
Председатель Центрального Совета
Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры

ЮБИЛЕЙНАЯ конференция, приуроченная к 50-летию ВООПИиК, была важным звеном в серии проведенных СПб ГО ВООПИиК мероприятий, связанных с этой круглой датой. Конференция посвящалась памяти Льва Павловича Тихонова (1929–2010), который долгие годы был заместителем председателя Ленинградского (Санкт-Петербургского) городского отделения ВООПИиК.

В ходе конференции, которая проходила в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, в Петропавловской крепости, затрагивались различные аспекты истории и культуры Петербурга, прозвучали доклады о многоплановых проблемах сохранения и реставрации, изучения и пропаганды культурного наследия. Докладчики поведали об особенностях охраны и изучения памятников истории и культуры в разных странах и в разные исторические периоды; рассказали о просветительских проектах, способствующих формированию в обществе бережного отношения к историческим памятникам; поделились подробностями создания, реставрации, бытования, приспособления и современного состояния объектов культурного наследия — как рукотворных, так и природных; приоткрыли страницы биографий людей — известных и не очень, которые внесли и продолжают вносить свой посильный вклад в дело охраны, систематизации и популяризации памятников истории и культуры.

На этот раз работа конференции, на которой прозвучало более полусотни докладов, продолжалась два дня, что говорит о повышении интереса к этому научному и культурно-просветительскому мероприятию у жителей и гостей нашего города. Во время работы конференции в Петропавловской крепости была развернута выставка, отразившая деятельность Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИиК за весь период истории организации.

В ходе завершающей конференцию дискуссии было решено продолжать практику проведения Тихоновских чтений, вызывающих большой интерес выступающих с докладами участников и неравнодушных слушателей.

Оргкомитет конференции

А. Д. Марголис

АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Дмитрий Сергеевич Лихачев считал главным итогом своей многолетней деятельности «возрождение интереса к семи векам древнерусской литературы»*. Действительно, подобно Карамзину, открывшему для своих современников мир отечественной истории, Лихачев был открывателем средневековой русской литературы, он сделал культуру древней Руси достоянием общественного сознания.

Но замечательный исследователь древнерусской культуры никогда не замыкался в рамках своей научной темы, не ограничивался лишь академической деятельностью. Большое место в жизни и судьбе Лихачева занимало участие в сохранении культурного и природного наследия. Его взгляды на проблему защиты наследия изложены во множестве самых разнообразных текстов — от сугубо научных статей до публицистических выступлений на радио и телевидении в жанре интервью и открытых писем. Он сам высказывался об этом так: «Очень часто то, что я пишу, скорее письмо, а не научная статья. Письмо, в котором автор говорит пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт»**.

Трудно определить общее количество работ Лихачева, которые содержат суждения о культурном и природном наследии, их — многие десятки. Считается, что его первое выступление в защиту Наследия опубликовано в январе 1955 г. в «Литературной газете»***. Десять лет спустя, 10 июня 1965 г. в «Литературной газете» появилась статья Лихачева «Четвертое измерение», в которой он решительно выступил против высотного строительства в историческом

* Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 2002. С. 382.

** Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 615.

*** Лихачев Д. С. Нельзя так относиться к памятникам народного зодчества: Письмо в редакцию // Литературная газета. 15 января 1955 г.

центре Ленинграда. Статья «Экология культуры» — впервые была напечатана в 1979 г. в журнале «Москва». В дальнейшем эта работа неоднократно переиздавалась у нас и за рубежом и постепенно приобрела всемирную известность. В конце жизни Дмитрий Сергеевич вспоминал: «Я в свое время предложил осторожный термин для защиты человеческой культуры — экология культуры, встретивший первоначально некоторые возражения, но впоследствии принятый и распространившийся широко в мировой научной литературе и публицистической прессе»*.

В чем же заключается суть учения об экологии культуры? Лихачев полагал, что экологию, которая изучает мир как целое, нельзя ограничивать проблемами природной биологической среды. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение природы. Он не однократно и очень настойчиво утверждал, что и отношение к природе, и отношение к культуре требует общих правил нравственности, осознания человеком себя как неотъемлемой части природы и части культуры: «Экология — проблема нравственная»**.

Мысль о том, что необходимо брать под охрану не только архитектурные памятники, но и ландшафты, в наши дни выглядит тривиальной. Однако следует помнить, что к осознанию необходимости комплексной защиты Наследия человечество пришло очень поздно — только во второй половине XX в., после разрушительных мировых войн и катастрофического ухудшения природной среды в процессе форсированного индустриального развития. В статье «О природе для нас и о нас для природы» Лихачев обратил внимание на опыт Шотландии, где под охрану взяты не только памятники архитектуры, но и целые пейзажи. Он писал, что исторические ландшафты России должны быть учтены (каталогизированы) и тщательно оберегаемы, в том числе Плес на Волге, берега Волхова у Новгорода Великого, луга по Десне у Новгорода Северского, Куликово поле, Бородинское поле и т. д.***. Одним из первых он обратил внимание на то, что есть угрозы, которые в равной степени опасны и для памятников природы, и для памятников культуры. Например, в Летнем саду

* Лихачев Д. С. Русская культура. СПб., 2000. С. 92–93.

** Там же. С. 94.

*** Там же. С. 348–349.

в Петербурге кислотные дожди одинаково губительны и для вековых деревьев, и для мраморных статуй*.

Основные идеи «Экологии культуры» восходят к одной из важнейших философских работ Серебряного века — «Мир как органическое целое» Н. О. Лосского. Среди источников этой знаменитой статьи Лихачева следует назвать также «Оправдание добра» В. С. Соловьева и градovedческие работы И. М. Гревса.

Здесь уместно напомнить, что именно Дмитрий Сергеевич вкладывал в понятие «культурное наследие». Развернутый ответ на этот вопрос мы находим в его проекте «Декларации прав культуры», который был впервые обнародован в 1995 г. На первое место он уверенно ставил язык: «Язык является главной культурной ценностью народа»**. Наряду с языком, культурное наследие, по Лихачеву, включает традиции, обычаи, обряды, фольклор, народные промыслы и ремесла, архивные, музейные и библиотечные фонды, а также памятники археологии, архитектуры, памятные исторические места, уникальные ландшафтные зоны. Он предостерегал от свойственного нашему времени суженного представления о Наследии, сводимого лишь к памятникам архитектуры и градостроительства. Характерно, что к «экологическим бедствиям» XX столетия Лихачев относил и разрушение храмов, и обеднение лексики русского языка. Он писал, что «уменьшение общей стыдливости и снижение интереса к личной репутации в человеческом обществе, в результате чего исчезает чувство чести, — экологическое бедствие»***, что зоной экологического бедствия могут оказаться кино, театр, музыка и т. д.

«Экология культуры» Лихачева получила широкий отклик и всколыхнула общественное культурно-экологическое движение. Один из активистов «Совета по экологии культуры», возникшего в Ленинграде во второй половине 1980-х гг., Михаил Талалай вспоминает, что он и его товарищи воспринимали Лихачева как апостола и опирались на его авторитет в своей деятельности. Они занимались защитой приговоренных к сносу петербургских

* Лихачев Д. С. Экология — проблема нравственная // Наше наследие. 1991. № 1. С. 4.

** Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект идей) // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 30.

*** Лихачев Д. С. Русская культура. С. 94.

домов, сохранением гибнущих в результате комплексного капремонта интерьеров, восстановлением исторических названий улиц и площадей, благоустройством исторических кладбищ и заброшенных храмов. Наиболее яркими акциями, связанными с этим ленинградским движением эпохи перестройки, являются битвы за дом Дельвига (1986) и здание гостиницы «Англетер» (1987). Во всех подобных случаях Дмитрий Сергеевич без колебаний становился на сторону услышавшей его призыв молодежи.

Оценивая роль и место культурного наследия в жизни современного общества, Лихачев был зачастую аксиоматичен и формулировал свою позицию как символ веры — без доказательств (так и названа одна из последних его книг — «Без доказательств»). Вот некоторые безусловные для него истины:

«Культура представляет главный смысл и главную ценность как отдельных народов, так и государств»*.

«Сохранение и развитие культуры каждого народа должно стать делом всего мирового сообщества»**.

«Величие России не в военной славе, не в военных победах, не в количестве танков и орудий, величие России только в ее культуре»***.

«Культура любого народа одновременно является достоянием всего человечества»****.

«Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен и к своей стране»*.

Внучка академика Зинаида Курбатова вспоминает: «Каждое срубленное вековое дерево и снесенный старинный дом дед воспринимал как личную трагедию»*. Думаю, что в этом свидетельстве нет преувеличения. В своеобразном завещании Лихачева, в проекте «Декларации прав культуры» он утверждал: «Утрата любого элемента культурного наследия является невозполнимой

* Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. С. 29.

** Там же. С. 80.

*** Цит. по: Чирятьев М. Н., Фурсей Г. Н. «Величие России только в ее культуре» // Культура и время. 2006. № 4 (22). С. 241.

**** Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. С. 81.

* Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 11.

* Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 44.

утратой и ведет к духовному обеднению всей человеческой цивилизации»*. А между тем «запас памятников культуры, запас культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со всё прогрессирующей скоростью»**.

Лихачев обращал внимание на то, что памятники культуры более уязвимы по сравнению с природой: «Природа обладает способностью к самоочищению и восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань. Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невозможны, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно»***.

Для него было очевидно нравственное значение культурной среды, ее влияние, воздействие на человека: «Памятники старины воспитывают, как ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе»****. Это тесным образом связано с его убеждением в том, что «без памяти нет совести» (блаженный Августин). Забвение, отказ от памяти о том, что было с тобой, со страной, с человечеством, — вот что приводит к утрате совести и более всего разрушает человека. Укорененность человека в истории, в культурной среде Дмитрий Сергеевич называл «нравственной оседлостью», без которой, как он считал, люди не могут оставаться людьми.

Выбор его жизненного пути был связан именно с этим. Он рассказывал, что в 1923 г. начал заниматься древнерусской литературой потому, что «хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети». В другом месте Лихачев писал: «В юности я приехал в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения-на-Покровке конца XVII века. Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Я жил под впечатлением этой встречи и позже

* Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. С. 82.

** Лихачев Д. С. Экология культуры. С. 15–16.

*** Там же. С. 15.

**** Лихачев Д. С. Русская культура. С. 164.

стал заниматься древнерусской культурой именно под впечатлением толчка, полученного мной тогда»*.

Менее всего Лихачев был отвлеченным теоретиком «экологии культуры». Вовсе не обладая избыточным общественным темпераментом, он активно вмешивался в повседневную жизнь, играл большую, подчас решающую роль в практических делах защиты наследия. Его последний референт, И.А. Лобакова, вспоминает: «Большинством жителей нашей страны Дмитрий Сергеевич воспринимается как главный хранитель памятников культуры — и сколько людей приходило к нему с просьбой отстоять, спасти, сохранить храмы и музеи, парки и школы, дома и имена людей, улиц и городов!»**. Вспомним его роль в создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в середине 1960-х гг., многолетнее руководство изданием «Памятников литературы Древней Руси», вспомним, что рождение Фонда культуры в годы перестройки стало возможным именно благодаря Лихачеву, который возглавил Фонд в первые годы его существования, вспомним его роль в остановке чудовищного проекта поворота сибирских рек, вспомним, что заповедник «Парк Монрепо», дом-музей М.И. Цветаевой в Москве, Международный Центр Рерихов и множество других очагов культуры появились на свет благодаря его поддержке.

Его любовь к своей стране и к всемирному наследию никогда не была созерцательной. Это была любовь-действие. Многим он запомнился человеком с тихим голосом, впрочем, хорошо всем слышным. Зинаида Курбатова не соглашается: «У деда был довольно громкий голос, просто страна и мир по-настоящему услышали его, когда он был уже очень стар». В заповедях-наставлениях Дмитрия Сергеевича Лихачева, к счастью, бережно собранных и изданных в последние годы, мне особенно близка следующая: «Даже в ситуациях тупиковых, когда всё глухо, когда вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос»***.

* Лихачев Д.С. Экология культуры. С. 15.

** Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 120.

*** Там же. С. 383.

ФОРМИРОВАНИЕ СПИСКА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА — ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Государственный учет объектов культурного наследия является одной из основных задач органов охраны памятников. Списки объектов культурного наследия, состоящих под государственной охраной либо в том или ином статусе готовящихся к постановке под охрану, являются не только основным результатом этой работы, но и позволяют взглянуть на проблемы охраны культурного наследия под специфическим, но по-своему важным углом зрения.

Придание объекту статуса памятника всегда отражало как достигнутый на определенный момент уровень знаний об эпохе, его породившей, так и господствующую в обществе оценку этого исторического периода, эстетическую, и, зачастую, политическую.

Можно сказать, что принятие соответствующего решения всегда являлось результатом определенного консенсуса всего городского сообщества по вопросу значимости и ценности для города данного конкретного здания.

В этом смысле список охраняемых государством объектов культурного наследия на любом временном отрезке является довольно точным инструментом для определения глубины осмысления обществом своей истории, оценки им достижений предшествующих поколений, степени владения собственной исторической памятью.

Важнейшим фактором для претворения в реальную практику этих общих тенденций, безусловно, является уровень развития искусствоведческой и краеведческой науки.

Эффектное, хотя и немного публицистическое, утверждение Петербургской стратегии сохранения культурного наследия (2005 г.) о том, что для Санкт-Петербурга наследие имеет такое же значение, как для других регионов природные ресурсы, месторождения нефти и алмазов, находит свое прямое отражение в статистике.

По состоянию на конец 2016 г. на территории Санкт-Петербурга находится 600 объектов культурного наследия: 3761 объект федерального значения (851 учитываемая только ансамбли и отдельные памятники, не имеющие пообъектного состава), и 2244 объекта регионального значения (1479 учитываемая только ансамбли и отдельные памятники, не имеющие пообъектного состава).

Необходимо учитывать также выявленные объекты культурного наследия, подлежащие государственной охране наравне с памятниками. Их 2975.

Много это или мало? Вопрос, кажущийся риторическим, на самом деле требует осмысления и ответа.

Как в масштабах России, так и в сравнении с сопоставимыми с Петербургом европейскими мегаполисами это оказывается очень существенными цифрами. По России Петербург фактически делит с Москвой первое место по количеству недвижимых памятников (по данным Росстата за 2014 г. — 5833 и 5932 объекта культурного наследия соответственно). Доля петербургских памятников среди общего их числа в РФ составляет 6,4% (без учета памятников археологии).

В Париже (данные за 2012 г.) охраняется в обеих категориях, предусмотренных французским законодательством, 1816 памятников (434 monuments classe и 1382 monuments inscrits).

И здесь возникают следующие вопросы. Первый из них, опять же, касается количественного аспекта. До каких пределов должен расти список (а то, что он неизбежно должен вырасти количественно, очевидно, исходя из наличия на сегодняшний день почти трех тысяч выявленных объектов — официальных кандидатов на включение)? Какое количество памятников вообще может позволить себе Петербург?

Может ли прекратиться рост количества памятников в Петербурге, с тем, чтобы в дальнейшем список, который многим представителям предпринимательских кругов и практикующим архитекторам кажется уже сегодня чрезмерно разбухшим, пополнялся лишь точно, объектами, отсутствие у которых статуса памятника на сегодняшний день можно объяснить лишь недоразумением?

Или, беря иную крайность, конечной целью всей работы должно являться придание охранного статуса всей исторической

застройке города? Подобная точка зрения, не будучи сформулированной прямо, зачастую сквозит в действиях отдельных градозащитных групп.

Критерии отнесения объектов к числу памятников в общем сформулированы Федеральным законом «Об объектах культурного наследия» следующим образом: «объекты культурного наследия федерального значения — объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации, а также объекты археологического наследия; объекты культурного наследия регионального значения — объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры субъекта Российской Федерации».

Здесь важно отметить, что, наряду с традиционной пообъектной охраной, современное российское законодательство чрезвычайно большое внимание уделяет проблемам градостроительной охраны. В Петербурге (Ленинграде), первым в СССР внедрившим законодательно практику охранных зон памятников, эти вопросы регулируются в настоящее время с наибольшей детализацией и строгостью.

Развитие градостроительной охраны во всех ее аспектах уже сейчас привело к тому, что режим охраны исторического здания практически полностью обеспечивает сохранение основных ценностных характеристик любого памятника — подлинности его конструкций, исторически сложившегося облика, фасадов и габаритов.

Невозможно отрешиться и от того факта, что в современных условиях памятник, помимо прочих своих качеств, является еще и экономической категорией, его эксплуатация, ремонт и реставрация обходятся собственнику, независимо от того, является ли таковым государство, частная компания или физическое лицо, существенно дороже эксплуатации аналогичного объекта, лишённого этого статуса.

При придании зданию охранного статуса на порядок возрастают юридические обременения для собственника, количество ограничений в возможности распоряжаться своей собственностью.

Приведенные выше статистические данные сами по себе отражают огромный и сложный путь, который прошел наш город на протяжении последнего столетия в осмыслении ценности накопленного им на протяжении своей истории архитектурного наследия, его изучении и защите.

В определенном смысле, точкой отсчета здесь мог бы быть первый юридически значимый список памятников Ленинграда, утвержденный постановлением Президиума ВЦИК от 20 марта 1935 г. и насчитывавший 201 охраняемый государством объект*.

Правда, тут же надо отметить, что чисто количественное сравнение тут не подходит хотя бы потому, что на деле это число оказывалось на порядок большим. В качестве одного объекта здесь фигурируют, например, «Детскосельские дворцы» и «Петергоф — дворец с парком, фонтанами, парковыми сооружениями и всеми службами при дворце», в современных списках детализированные каждый до нескольких сотен отдельных объектов.

Важнее отметить другое — масштаб и значимость работы, проделанной научными сотрудниками отдела по охране памятников, функционировавшему в тот период в системе Наркомпроса, результатом которой стал этот список, включивший все основные элементы, формирующие универсальную ценность Петербурга, главные ансамбли исторического центра города и его главных пригородов, т. е. основу нашего наследия.

Ядро исторического наследия Петербурга — объекты, формирующие главное городское пространство, основные памятники и ансамбли петровского времени, барокко и классицизма получили охраненный статус уже тогда.

На этот «скелет» в дальнейшем и наращивалась масса остального охраняемого наследия.

При этом, как ни странно, фактически утверждение списка 1935 г. повлекло за собой существенное сокращение количества охраняемых государством памятников.

Дело в том, что параллельно с чрезвычайно затянувшейся подготовкой к изданию списков памятников на республиканском уровне на всем протяжении 1920-х гг. органами охраны, едва ли не ежегодно менявшим свои названия и подчиненность, разрабатывались

* НМИИС КГИОП. Фонд Н. Н. Белехова (в машинописной копии).

списки памятников, подлежащих государственной охране, и эта охрана по мере реальных возможностей времени осуществлялась.

Во всяком случае, по сохранившейся в архиве КГИОП переписке можно проследить рассылку списков охраняемых объектов по районным исполкомам, сопровождаемую указаниями на необходимость защиты этих объектов и проведения по ним противоаварийных работ.

Из этой же переписки видно и то обстоятельство, что при всей строгости тона этих предписаний сами списки носят неустоявшийся, фактически временный характер.

Так, в 1928 г. директор Государственной реставрационной мастерской Главнауки, выполнявшей на тот момент функции государственного органа охраны, А. Н. Удаленков сообщает в Управление недвижимых имуществ Откомхоза: «просим внести следующие изменения в находящемся у вас списке 1927 г. зданий Ленинграда (гражданское зодчество):

№ 134 — дом б. Струкова — исключается из списков зданий, находящихся под госохраной». Или:

«№ 212 — дом деревянный № 11 по Тихвинской улице — исключается из списков, остаются под госуд. охраной только 3 изразцовые печи, находящиеся в этом доме»*.

Любопытный момент — окончательно решен вопрос о статусе дома 23 по 2-й линии В. О. решен только в 2014 г., когда он все же был включен в реестр как «Дом П. Я. Бекеля».

В юридическом статусе памятников в 1920-е годы нетрудно провести определенную аналогию с выявленными объектами в том виде, в каком они существовали с момента своего появления в конце 1960-х гг. Орган охраны с большой оперативностью и гибкостью, руководствуясь чисто научными соображениями и без утверждения вышестоящими органами, включает эти объекты в число охраняемых, так же гибко при необходимости корректирует этот список. При этом правовой статус этих объектов настолько зыбок и неопределенен, что существовать вся эта конструкция может только в специфических условиях советской системы, во взаимоотношениях различных ветвей одной и той же государственной машины.

* НМИИС КГИОП. Фонд Н. Н. Белехова.

О точном количестве и пообъектном составе этих списков судить сейчас трудно, они нуждаются в дальнейшем изучении. Однако с уверенностью можно утверждать, что количественно он существенно превосходил список 1935 г.

Дальнейшее развитие списка происходит уже на основе постановления 1935 г.

Абсолютное преобладание памятников барокко и классицизма, отражающее не только реальную значимость этих периодов для оценки универсальной ценности Петербурга, но и, не в меньшей степени, эстетические предпочтения эпохи, сохраняется на протяжении 1940–1950-х гг.

В первом официально опубликованном ГИОП в 1954 г. перечне памятников архитектуры Ленинграда*, составленном на основании постановлений Совета Министров РСФСР 1947 и 1948 гг., повторно утвердивших и несколько расширивших список 1935 г., фигурирует 244 объекта охраны, а также 37 объектов, одобренных учетным советом ГИОП к постановке на охрану. Практически все предлагаемые объекты также относятся к периоду строгого классицизма, исключение составляют дворец Белосельских-Белозерских и вокзал в Новом Петергофе (фигурирующая здесь же Европейская гостиница, как можно предположить, попала в список из-за осуществлявшейся в этот же период и так не законченной реконструкции ее фасадов в классицистическом характере).

Однако уже с 1960 г., когда Советом Министров РСФСР утверждается новый официальный список памятников, заметно принципиальное расширение его состава, прежде всего, за счет памятников эпохи историзма. Под охрану берутся все великокняжеские дворцы середины — второй половины XIX века, наиболее известные особняки этого же периода — Половцова, Кельха, Нечаева-Мальцева, ансамбли в Сергиевке, Михайловке и Знаменке.

В 1960–1970-е гг. отражение в списках находит установившийся к тому времени в науке принципиально новый взгляд на архитектуру второй половины XIX — начала XX в.

Среди объектов культурного наследия оказываются дом Мертенса, дом Толстого, дом Лидваль и ряд домов других пе-

* Памятники архитектуры Ленинграда, состоящие под государственной охраной. Л., 1954.

риода модерна и неоклассики по Кировскому и Большому проспекту П. С., здание Мечети. Что принципиально важно, в число памятников попадают произведения советских архитекторов (в первую очередь неоклассические работы, во вторую — не самые радикальные образцы конструктивизма): вокзал и ансамбль привокзальной площади в Пушкине, жилой дом Л. А. Ильина на Московском проспекте, Кузнечный рынок, кинотеатр «Москва», Кировский райсовет, ДК Кирова, Кировский универмаг, административное здание на Литейном.

При этом показательно, что далеко не все из предлагаемых ГИОПом, одобренных городским отделением ВООПИиК и даже официально согласованных решением Ленгорисполкомом объектов утверждался Министерством культуры и в результате оказывался в списках. Так, предлагавшийся к включению в 1967 г. ансамбль Тракторной улицы смог стать памятником только в 1997 г.

Общественные процессы конца 1980-х гг., одним из катализаторов которых стал резко возросший интерес к защите культурного наследия (для Петербурга это было особенно характерно), бесспорно, отразились и на количественной стороне охраны этого наследия.

Наиболее ярким примером этого является возникновение в 1990 году самого крупного на тот момент объекта всемирного наследия «Исторический центр Ленинграда и связанные с ним группы памятников», объекта, появление которого в таком составе и в таких размерах было возможно, пожалуй, только в тот исторический момент.

Для 1990-е гг. характерен коренной сдвиг в формировании списка, как количественный, так и качественный. Происходит массовое включение в список памятников модерна. В 1993 г. памятниками многие знаковые объекты, отсутствие которых под охраной к тому времени часто воспринималось как недоразумение — Мариинский театр, Консерватория, Витебский вокзал, ансамбли Военно-Медицинской академии и Соляного городка, Пассаж, Европейская гостиница, Апраксин двор, Германское посольство и многие другие.

Очевидно, что существующий список не идеален. Помимо чисто фактических ошибок в отражении времени постройки, именах владельцев и т. п. и просто опечаток, вошедших

в нормативные документы, нуждается в совершенствовании и сам его состав.

Перегруженность списка историко-революционными объектами, домами, связанными с жизнью и деятельностью В. И. Ленина очевидна, при том, что в 1990-е гг. были предприняты существенные усилия в этом направлении.

С научно-методической точки зрения важно отметить отсутствие четкой градации между памятниками архитектуры и истории. Достаточно сказать, что такие важнейшие для российской истории объекты, как Зимний дворец и Петропавловская крепость тем не менее формально охраняются только как памятники архитектуры без учета их выдающегося историко-мемориального значения. Правда, это обстоятельство в силу действующего российского законодательства никак не отражается на практической работе по сохранению этих памятников.

А вот что касается дальнейшего расширения списка за счет объектов, не включенных в него в настоящее время по какому-либо виду, это является значительно более актуальной проблемой.

Формирование списка ведется в последние годы, пожалуй, не менее активно, чем в 1990-е гг. В 2015 г. включено в реестр 170 объектов — отдельных памятников и памятников в составе ансамблей.

Работа по решению вопроса о статусе выявленных объектов идет в настоящее время по нескольким основным направлениям.

Это объекты деревянной архитектуры, сосредоточенные в основном в пригородных районах. В 2014–2016 гг. в реестр внесено уже свыше 50 таких памятников.

Активно ведется работа в отношении шедевров советской архитектуры 1920–1950-х гг., прежде всего, памятников архитектуры авангарда. Приняты решения (либо вопрос находится в стадии рассмотрения экспертиз) по таким знаковым памятникам, как Дом политкаторжанна Троицкой площади (архитектор Г. А. Симонов), Комплекс жилых домов на Ивановской улице (архитектор Е. А. Левинсон), Здание фабрично-заводской школы в Лесном (архитектор А. С. Никольский), Кондратьевский, Бабуринский и Батенинский жилмассивы (архитектор Г. А. Симонов), Серафимовский городок, Рабочий городок при ГРЭС «Красный Октябрь», Жилмассив для рабочих-текстильщиков на ул. Ткачей.

Важнейшим источником пополнения списка памятников остается промышленная архитектура Петербурга. В отличие от многих других видов наследия, этот его пласт до настоящего времени в основном пребывает в статусе выявленных объектов. В текущем году поставлены под охрану элеваторы мукомольного завода им. В. И. Ленина на Обводном канале, будет решен вопрос о статусе таких знаковых объектов, как ансамбль товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник», корпуса завода «Красное знамя» и фабрики Керстена на Петроградской стороне.

Говоря о роли общества и его влиянии на формирование списка памятников нельзя не упомянуть о законодательной новации, появившейся в законодательстве в 2015 г. и ставшей своеобразным откликом законодателя на интерес общественности к этой проблеме. Речь идет о подробно прописанной теперь в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия» процедуре включения объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов. Благодаря предоставленной статьей 16.1 Закона возможности, любой гражданин вправе представить в орган охраны свои предложения (конечно, не голословные, а подкрепленные результатами определенной исследовательской работы) по включению интересующего его здания или сооружения в реестр.

Любопытные результаты дает анализ таких предложений, за полтора прошедших года поступившие в ГИОП. Сразу надо сказать, что существенную часть их составляют предложения, продиктованные соображениями, далекими от охраны наследия, когда, например, жильцы дома рассчитывают с помощью придания ему охранного статуса решить каких-либо проблемы эксплуатации своего дома.

Но даже и с учетом этих предложений выявляется характерный срез общественного мнения, отражающий подход к сохранению наследия как консервации всего существующего на текущий момент, совершенно независимо от культурной значимости и тем более от художественных достоинств той или иной постройки.

При этом в качестве наследия, как правило, воспринимается только то, что может быть отнесено, часто с большой натяжкой, к историческим стилям. Крайняя редкость обращений по поводу

авангардной архитектуры и полное отсутствие обращений по поводу построек 1960–1970-х гг., на мой взгляд, ярко отражает господствующее в обществе отношение к оценке разных периодов развития отечественной архитектуры XX в.

Исходя из сказанного, можно попытаться в самом общем виде сформулировать критерии отнесения в настоящих условиях здания к числу объектов культурного наследия следующим образом:

1. Особое значение объекта в истории и культуре Петербурга,
2. Невозможность сохранения всех ценностных параметров объекта режимом зоны охраны, на территории которой он расположен,
3. Наличие подлинного консенсуса городского сообщества по поводу значимости этого объекта для города.

Б. М. Кириков

ИНТЕРЬЕРЫ НЕОКЛАССИЦИЗМА

Осовый тип объектов петербургского неоклассицизма составляют интерьеры, расположенные в зданиях иного стиливого характера. Эти объекты делятся на две основные группы.

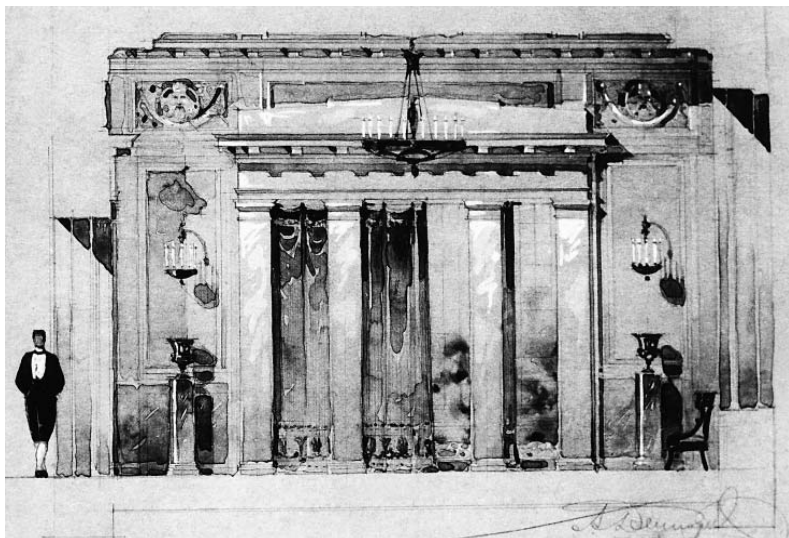
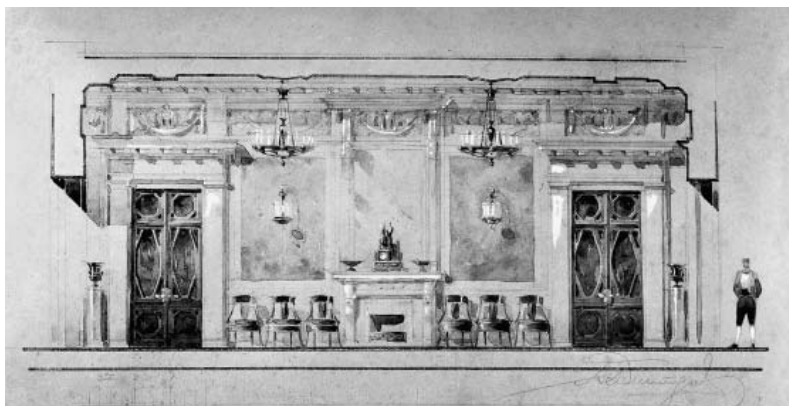
Первую группу составляют неоклассические интерьеры, изначально включенные в структуру зданий, решенных преимущественно в приемах модерна. Они являются неотъемлемой частью единого авторского замысла. Во вторую группу входят неоклассические интерьеры, встроенные в существовавшие здания. Оформление этих помещений, как правило, отличается от общего композиционно-стилистического строя зданий, в которых они расположены.

Рассмотрим сначала объекты первой группы.

Особняк балерины М. Ф. Кшесинской (Кронверкский пр., 1–3) — хрестоматийный памятник петербургского модерна. Здание построено в 1904–1906 гг. архитектором А. И. фон Гогеном, воплотившем в этом произведении глубинные формообразующие принципы нового стиля*. Здание имеет расчлененный асимметричный план. Динамическая разнообъемная композиция со свободной ритмикой разных по размерам и конфигурации окон ясно отображает состав и индивидуальные особенности помещений. Одноэтажное крыло, заключающее в себе парадные анфилады, словно прорастает сквозь двухэтажный массив — жилую часть. Главную анфиладу образуют вестибюль, аванзал, зал и зимний сад, соединенные широкими порталами. Она представляет собой непрерывное перетекающее пространство, которое раскрывается сквозь большие стеклянные поверхности во внешнюю среду.

Внутренняя организация особняка определилась в результате соавторства архитектора и заказчицы. Знаменитая прима-

* Подробнее см.: Бобров В. Д., Кириков Б. М. Особняк Кшесинской. СПб., 1996. С. 5–33; Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2017. С. 113–129.

А. И. Дмитриев. Зал в особняке М. Ф. Кшесинской

балерина вспоминала: «Перед составлением плана мы вместе обсуждали с ним расположение комнат в соответствии с моими желаниями и условиями моей жизни»*.

* Кшесинская Матильда. Воспоминания. М., 1992. С. 104.

Интерьеры особняка, в отличие от его внешнего облика, не были стилистически однородными. В этом проявилась и пресловутая воля заказчика и инерция эклектического мышления (не чуждого А. И. фон Гогену, мастеру старой школы). «Внутреннюю отделку комнат я наметила сама,— писала Кшесинская.— Зал должен был быть выдержан в стиле русского ампира, маленький угловой салон— в стиле Людовика XVI, а остальные комнаты я предоставила вкусу архитектора <...> Некоторые комнаты, как столовая и соседний с нею салон, были в стиле модерн»*.

Стены вестибюля расчленены пилястрами и поясом меандра. Широкая беломраморная лестница ведет в аванзал, решенный в суховатых классицистических формах. При квадратном плане и плоских перекрытиях в нем достигнута иллюзия купольной ротонды за счет ловких архитектурных «обманок». Кессонированный потолок в виде круга нарисован как бы в сильном перспективном сокращении, внутренние углы закруглены. Колонны довершают впечатление ротонды.

Центральное звено анфилады—зал для приемов и репетиций балерины—А. И. фон Гоген доверил спроектировать младшему коллеге А. И. Дмитриеву**, который следовал формам стиля ампир. Портки с торцевых сторон, разделка стен, облицованных светлым искусственным мрамором, порталы дверей и беломраморный камин, все детали, вплоть до дверных ручек, были выдержаны в едином стилевом ключе (впрочем, в целостную композицию интерьера не вписывалась наружная стена с высокими окнами характерных для модерна пропорций). Отделкой зала занималась 1-я Санкт-Петербургская артель скульптурно-лепного производства при участии известного впоследствии модельщика А. Е. Громова. (Оформление зала воссоздано в 1987 г.)

Неоклассический строй главной анфилады отвечал ее парадной, репрезентативной роли. Представительность устойчиво ассоциировалась с традиционными монументальными стилями.

* Там же.

** Чертежи зала и других помещений, хранящиеся в ГМИ СПб., атрибутированы автором. Впервые опубликованы в ст.: Кириков Б. М. Образец стиля модерн. Новые материалы об интерьерах памятника архитектуры // Строительство и архитектура Ленинграда. 1976. № 6. С. 38–41.

Особняк инженера путей сообщения С. Н. Чаева (ул. Рентгена, 9) принадлежит к шедеврам петербургского модерна*. Здание построено в 1906–1907 гг. по проекту военного инженера и архитектора В. П. Апышкова, автора диссертации «Рациональное в новейшей архитектуре» (1905).

Дом Чаева имеет немало общих черт с особняком Кшесинской — особенно в группировке и форме окон, контрастном сочетании гранитной и кирпичной облицовки. Отличает его четкая компактность плана и объемной структуры. Исключительно оригинальна внутренняя организация дома — на диагональную пространственную ось нанизаны три последовательно увеличивающихся цилиндрических объема: тамбур, центральный зал и зимний сад. Новаторскую композицию здания можно считать предвосхищением приемов авангарда.

В оформлении особняка мотивы венского сецессиона сочетаются с антикизирующими рельефами, которые схематично воспроизводят фризы и метопы афинского Парфенона. Некоторые интерьеры Апышкова, вслед за фон Гогеном, спроектировал в формах неоклассицизма. Гостиная и будуар носили оттенок стиля Людовика XVI, а спальня — ампира. Подобный симбиоз модерна и неоклассики представлялся заказчику и архитектору допустимым и непротиворечивым. Так, выбор стиля для гостиной рационалист Апышков безмятежно объяснял соответствием имевшейся у владельца мебели**. Это еще раз показывает, что классицистические мотивы или аллюзии легко входили в собственный арсенал модерна.

Показательны в этом плане также особняк М. В. Зива, сооруженный в 1905–1907 гг. Б. И. Гиршовичем (Рижский пр., 29)***. Фасады его трактованы в характере северного модерна и скомпонованы под влиянием раннего произведения Ф. И. Лидваля — доходного дома семьи Лидваля на Каменноостровском пр., 1–3 (окончен в 1904 г.). Парадная лестница особняка декорирована

* Подробнее см.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. С. 145–155.

** Дом особняк С. Н. Чаева в Петербурге // Зодчий. 1908. № 48. С. 441.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5727; Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. С. 139–143.

стилизованными классицистическими деталями. А зал с парой каннелированных колонн трактован в духе неорококо.

Таким образом, в пору расцвета модерна репрезентативные функции по традиции связывались с историческими стилевыми формами. Это, с одной стороны, размывало границы модерна. С другой, свидетельствовало о его гибкости и широте, свободе от условных ограничений.

К той же группе относится особняк жены генерал-майора Н. В. Безобразовой (Моховая ул., 34). Здание строилось с 1902 по 1907 г. по проекту Ю. Ю. Бенуа* и А. И. Владовского** гражданским инженером К. И. Стрегулиным*** (в ходе работ, в 1903 г., произошел обвал части железобетонных конструкций системы Геннебика****). В решении его фасада с асимметричным эркером задают тон мотивы неоготики, сконцентрированные в эффектной силуэте завершения. В противовес готикизирующим внешним формам парадная лестница, зал библиотеки первого этажа и другие помещения носят характерные неоклассические черты. Колонны в библиотеке в процессе строительства были заменены металлическими.

В доходные дома периода модерна также нередко вносились классицистические фрагменты. Обычно они включались в оформление входных зон и богатых квартир.

В доме Г. Г. Блокка (Невский пр., 65) стены парадной лестницы обработаны пилястрами. При этом фасад здания, возведенного в 1902–1904 гг. архитектором Л. Л. Фуфаевским, носит характер поздней, перегруженной вычурными деталями эклектики с неявным оттенком модерна. Запоздалым примером эклектики является и представительный дом И. И. Дернова (Таврическая ул., 35/1) — постройка М. Н. Кондратьева 1903–1905 гг. Вход в него отличается богатым классицистическим оформлением, включая медальоны с горельефами.

Признаки модерна отчетливее проявились в доме В. Г. и О. М. Чубаковых, сооруженном в 1909–1910 гг. В. И. Ван-дер-

* Зодчий. 1902. № 29. С. 334; 1905. Л. 42.

** Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. VIII. СПб., 1913. С. 64.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4275.

**** Зодчий. 1904. № 9. С. 103–105; № 10. С. 115–119.

Гюхтом (Большой пр. П. С., 5/2). За его фасадами скрыты неоклассические вестибюли и выдержанная в той же стилистике отделка некоторых комнат. Оформление вестибюлей лепными гирляндами и кессонированными плафонами встречаем в доме Е. К. Барсовой (Кронверкский пр., 23), который принадлежит к интереснейшим образцам северного модерна*. Гражданский инженер Е. Л. Морозов — автор этого здания, датируемого 1911–1912 гг., как бы отдал дань нараставшему в то время неоклассическому движению. К северной вариации модерна относится также дом Л. И. Бреше — 1910 г., архитектор И. Б. Калиберда (10-я линия В. О., 25). Если на его фасаде из классицистического ассортимента взяты только мелкие детали, то вестибюль представляет целостную неоклассическую композицию с парными пилястрами, кессонированным сводом, лепными гирляндами и маскаронами.

Другую группу составляют неоклассические интерьеры, встроенные в уже существовавшие здания. В этих случаях новые интерьеры чаще всего не сопрягались со стилевым контекстом этих зданий. Законченные сами по себе, как «вещь в себе», они вносили элемент разностилья в их среду, оказываясь подчас чужеродным вторжением, в архитектуру иных периодов.

Одним из ранних примеров можно считать оформление фойе Эрмитажного театра, созданное в 1902–1903 гг. архитектором Л. Н. Бенуа**. Зодчий представил два варианта: в «стиле Людовика XVI» и в формах рококо; второй из них и был выбран к исполнению. Лепные работы выполнил мастер Козлов, разные двери — Р. Ф. Мельцер. Изысканная утонченная отделка восходит не только к французской, но и к петербургской традиции: она напоминает, в скромном масштабе, великолепные интерьеры пригородных дворцов. Сам автор отмечал: «Орнаментика фойе удалась, как и вообще весь ансамбль отделки»***.

* Подробнее см.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. С. 499–505.

** См.: Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1990. С. 391, 398–399; Лисовский В. Г. Леонтий Бенуа. СПб., 2003. С. 170–171; Он же. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. СПб., 2006. С. 196–198.

*** Бенуа Л. Н. Записки о моей деятельности / публ. В. А. Фролова // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1993. С. 53.

Л. Н. Бенуа. Зал заседаний Государственного совета в Мариинском дворце. Фотография начала XX в.

Между тем, этот интерьер был включен в здание Эрмитажного театра Д. Кваренги — выдающегося памятника строгого классицизма с амфитеатром по типу театра А. Палладио в Виченце. Несоответствие стилей не смутило ни заказчиков, ни архитектора.

Иным путем пошел Л. Н. Бенуа при устройстве нового зала общих заседаний Государственного совета в Мариинском дворце. Сооруженный в 1839–1844 гг. А. И. Штакеншнейдером этот дворец стал этапным произведением постклассицизма, переходным к эклектике. В его парадных интерьерах преобладали переработанные мотивы античной архитектуры. От них и отталкивался Бенуа.

Конкурсный проект был разработан архитектором в феврале-марте 1907 г., окончательный принят к исполнению в июне. Торжественная закладка зала состоялась 21 июля. Работы велись безостановочно всю осень и зиму вплоть до полного окончания их 15 октября 1908 г.* В проектировании и строительстве нового зала принимал участие М. М. Перетяткович.

* РГИА. Ф. 1207. Оп. 16. Д. 1. Ч. 1; Новый зал для общего собрания Государственного совета в Мариинском дворце. 15 октября 1908 г. СПб., 1908.

Из двух вариантов — с арочными ложами во втором ярусе и с колоннадами — был выбран последний по совету Г. И. Котова. Автор проекта очень тактично подошел к стилю штанкеншнейдеровской постройки. Как отмечал А. Н. Померанцев, «требование, чтобы новый зал отвечал общему характеру обработки (Мариинского дворца...) исключительно достигнуто только г. Бенуа»*. Зал, пристроенный со двора, на месте зимнего сада, завершил анфиладу помещений, нанизанных на поперечную ось здания.

Зал был рассчитан на 220 мест для членов Совета, а также мест для почетных гостей, публики, прессы и т. п. Ряды располагались дугообразно, а пол имел повышение к последним рядам. Особенностью нового зала было широкое и разнообразное применение железобетонных и металлических конструкций. Железобетонными делались перекрытия почти всех прилегающих к главному залу помещений, а также амфитеатр, окаймляющие его колонны со стенами и карнизами, трибуны для публики и прессы, стены, переборки, лестницы. Здесь нашли себе применение многие типы конструкций, встречающихся в гражданских зданиях; все перекрытия были устроены по системе Геннебика. Они были выполнены Черноморским строительным обществом (инженер И. Г. Троцкий).

Окружающие главный зал двенадцать железобетонных колонн поддерживают как перекрытия над трибунами, так и лежащие над ними двойные железобетонные стены, образующие карнизы. Цилиндрические перекрытия сконструированы из двух частей: несущей и подвешенной к ней декоративной. Однако столь широкое использование нового строительного материала не сопровождалось глубоким осмыслением его конструктивных и художественных свойств. Архитекторы видели в применении железобетона лишь возможность «почти совершенно не стесняться конструктивной стороной дела и руководствоваться при проектировании исключительно художественными задачами», они «стремились использовать легкую приспособляемость железобетона к всевозможным архитектурным формам»**. Новый кон-

* РГИА. Ф. 1207. Оп. 16. Д. 1. Ч. 1. Л. 63. В конкурсе участвовали также А. Л. Гун, П. И. Шестов, А. С. Хренов.

** Троцкий И. Г. Железобетонные конструкции в новом зале общих собраний Государственного совета // Зодчий. 1909. № 21. С. 221–222.

структивный материал подчинен здесь задаче имитации классических форм.

Зал имеет верхний свет. Основой железобетонного зенитного фонаря служат пять основных металлических ферм. Конструкции изготовлены по собственному проекту С. Петербургским Металлическим заводом. Стены и колонны облицованы полированным искусственным мрамором. В интерьер была включена знаменитая картина И. Е. Репина «Заседание Государственного Совета» (1901–1903)*.

Просторный зал с кессонированным потолком, глубокими лоджиями и поднятой сценой президиума отличается монументальностью и в то же время изяществом. Определяющую роль в композиции играет ордер — каннелированные колонны и пилястры коринфского ордера. Они соответствуют ордерному строю соседних залов Штакеншнейдера, прежде всего Ротонды, где ранее проходили собрания Государственного Совета. Таким образом, здесь новый зал стал органичным продолжением системы интерьеров бывшего дворца.

Более негативной оценки заслуживает сооружение зала заседаний Государственной Думы в Таврическом дворце. Шедевр строгого классицизма, созданному И. Е. Старовым в 1783–1789 гг., реконструкция нанесла существенный ущерб. Новое помещение, также встроенное на месте обширного зимнего сада, наглухо замкнуло грандиозную анфиладу с открытыми колоннадами**.

К работам приступили в 1905 г., когда была образована Государственная Дума. Сквозная колоннада между Большой галереей и зимним садом была заложена глухой железобетонной стеной, отделившей зал заседаний. Неоклассическая композиция зала с колоннадами ионического ордера вторила основным частям анфилады, но была изолирована от них. Нижние части колонн как бы отрезаны рядами амфитеатра и президиумом. Устройством зала занимался архитектор А. Р. Бах при участии П. И. Шестова.

* См.: Малахьева А. Ю. История строительства и особенности зала заседаний Государственного Совета в Мариинском дворце // Леонтий Бенуа и его время. Мат.-лы конф., 16–17 октября 2006 г. СПб., 2008. С. 216–235.

** См.: Зодчий. 1906. № 15. С. 143–145.

2 марта 1907 г. в помещении обрушился потолок*. В 1910 г. проведена замена перекрытий под руководством архитектора А. А. Бруни и военного инженера Н. В. Смирнова. Металлические фермы и каркас высокого светового фонаря изготовлены на С.Петербургском Металлическом заводе, остекление — торговым домом М. и А. Франков. Железобетонные потолки и стена, отделившая зал от полукруглого выступа в глубине, сооружены шведской фирмой «Три короны»**. Роспись падул ампириного характера исполнена, видимо, художником В. И. Аллегри. В этом зале классицистические формы также сочетаются с новейшими конструкциями, подчиняя их традиционной стилистике.

Камерным масштабом отличается Памятный зал вел. кн. Владимира Александровича в Академии художеств, созданный в 1914–1915 гг. по проекту В. А. Щуко (открыт 8 ноября 1915 г.)***. Помещение является самостоятельным, замкнутым в себе звеном в анфиладе библиотеки. Стены желтого искусственного мрамора со старинным гобеленом, строгая и тонкая прорисовка деталей, мебель красного дерева и великолепная роспись плафона в технике гризайль работы Е. Е. Лансере — все выдержано в едином стиле. Щуко «рисовал все детали на стенах в натуральную величину, после чего делались макеты из гипса»****. Памятный зал принадлежит к лучшим интерьерам петербургского неоклассицизма.

Неоклассические общественные помещения становились дополнительными частями старых зданий, состоявших из разновременных и разностильных слоев. Гостиница «Европейская», основанная в период позднего классицизма, была перестроена в пышных эклектических формах архитектором Л. Ф. Фонтана (1873–1874), ее главный ресторан сооружен в стиле модерн К. Э. Маккензеном (1905), а в 1908–1910 гг. здание реконструировано Ф. И. Лидвалем^{5*}.

* Зодчий. 1907. № 18. С. 185–186; № 28. С. 299.

** Смирнов Н. В. Перестройка перекрытий зала заседаний Государственной Думы и прилегающих к нему помещений в Таврическом дворце // Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911. С. 138–153.

*** Зодчий. 1915. № 46. С. 472. Первая публикация: Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. X. СПб., 1915. С. 63–66, 140–141.

**** Славина Т. А. Владимир Щуко. Л., 1978. С. 59.

^{5*} См.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. Кн. первая. СПб., 2016. С. 532–552.

Созданные Лидвалем гостиничные интерьеры выделяются элегантностью и утонченностью стилизованных классицистических мотивов, отмеченных явной печатью модерна. Уплощенные пилястры и кессоны введены в композицию верхнего ресторана с витражным потолком. В том же характере решена парадная лестница, пространство которой раскрыто в разные стороны. Более традиционна трактовка вестибюля с колоннами тосканского ордера.

Многokrратно реконструированный доходный дом, в прошлом гостиница «Демут» (Б. Конюшенная ул., 27) в очередной раз подвергся переделкам в 1910-х гг. по проектам архитектора Н. И. Алексеева*. В 1914 г. он расширил находившийся здесь ресторан «Медведь» новым залом с двумя арками на колоннах и вестибюлем с изящной тройной аркой. Эти помещения скомпонованы по мотивам классицизма и ренессанса. Они обогатили старинное здание чертами неоклассики в ее ретроспективном варианте.

Наряду с новыми интерьерами «Медведя» Г. К. Лукомский относил «к числу удачных»** ресторан I С. Петербургского общества официантов (Садовая ул., 22/2). Главный зал этого ресторана сооружен в 1910–1911 гг. в капитально перестроенном дворе флигеле гражданским инженером Г. С. Гавриловым***. Помещение прекрасно освещено высокими окнами продольных стен и стеклянным потолком под зенитным фонарем. По концам зала установлены пары ионических колонн искусственного мрамора (работа мастерской «Бр. Аксерио»). Фризы с изображением вакхических плясок выполнены по медалям скульптора А. И. Лапина.

Показательно, что Г. К. Лукомский высоко оценивал примеры неоклассических интерьеров. «Зато внутренняя обработка помещений, т. е. зал, лестничных клеток, столовых, гостиных, есть отличная, образцовая и представляющая примеры, почти равные образцам начала XIX столетия»****.

В жилых домах особой разновидностью искусства интерьера стало оформление отдельных квартир вне связи с архитектурой существующих зданий в целом. В этой специфической сфере

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3346, 3347.

** Лукомский Г. К. Современный Петербург. СПб., 2002. (Переиздание книги 1917 г.). С. 25.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9873.

**** Лукомский Г. К. Указ. соч. С. 25.

плодотворно работал И. А. Фомин, создавший законченные произведения неоклассицизма, выдающиеся чистотой стиля и близостью памятникам старины. Отметим, что они зачастую расходились по характеру с фасадами и другими помещениями домов, в которые встраивались.

Фоминим созданы интерьеры в доме М. А. Шаховской (1909–1911; наб. р. Фонтанки, 27), домах В. А. Ратькова-Рожнова и Я. В. Ратькова-Рожнова (1912–1913; Дворцовая наб., 8 и наб. р. Мойки, 86), особняка Л. В. Голубева (1912–1913; Большой пр. В. О., 10), особняка Д. Б. Нейдгардта (1912–1913; Захарьевская ул., 31), особняка И. И. Воронцова-Дашкова (1913–1914; Моховая ул., 10). Они относятся к началу 1910-х гг., когда неоклассицизм занимал господствующее положение в архитектуре Петербурга, а подражание старине стало модным поветрием.

Творчество И. А. Фомина основательно изучено, описаны и его интерьерные работы*. Поэтому здесь мы опускаем их характеристику.

Своего рода встроенный особняк внутри доходного дома представляла собой квартира банкира И. П. Мануса (ул. Чайковского, 31). Она была заново скомпонована в 1916 г. архитектором М. И. Рославлевым (Рабиновичем)**. Неоклассическое оформление охватывало нижнюю часть парадной лестницы до второго этажа, где находилась эта квартира. Таким образом входящие в этот эклектический дом с фасадом 1873 г. внутри сразу погружались в окружение классицистических форм.

Зал с портиками ионического ордера носил черты строгого классицизма. Одна из комнат решена в виде ротонды тяжеловесного дорического ордера с кессонированным сводом. В столовой над камином с парными витыми колонками было вмонтировано большое панно («Морская торговля?»), написанное в 1917 г. Е. Е. Лансере***. Квартира Мануса принадлежит к числу лучших неоклассицистических интерьеров чисто ретроспективного характера.

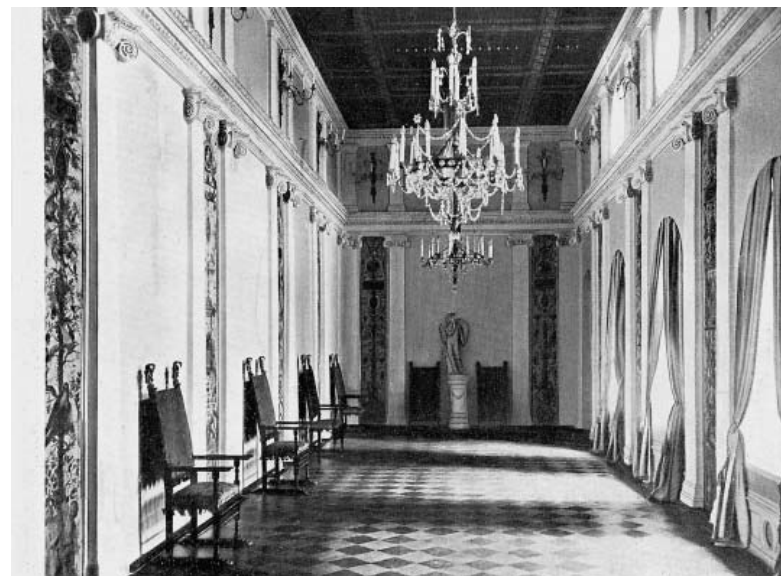
* См.: Минкус М., Пекарева Н. Фомин. М., 1953; Лисовский В. Г. И. А. Фомин. Л., 1979; Он же. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики. СПб., 2008.

** Ежегодник Общества архитекторов-строителей. Вып. XI. СПб., 1916. С. 85, 86.

*** Советское монументальное искусство' 73. М., 1975. С. 129, 130. Чертеж столовой хранится в ГМИ СПб.

М. И. Рославлев. Зал в квартире И. П. Мануса

И. А. Фомин. Столовая в особняке Я. В. Ратькова-Рожнова.
Фотография начала 1913 г.

А. П. Вайтенс. Гостиная в Юсуповском дворце

Талантливым мастером интерьера был архитектор А. Я. Белобородов. В 1915 г. он создал образцовые примеры неоклассицизма: библиотеку в старом особняке Г. Г. Черткова (Дворцовая наб., 22) и Парадный зал при Кабинете ЕИВ (Невский пр., 39). Главные свои работы он выполнил в великолепном старинном дворце Юсуповых на Мойке.

Еще в 1910–1912 гг. ряд помещений на первом этаже дворца оформил архитектор А. П. Вайтенс. В 1914–1917 гг. реконструировалась жилая часть четы Юсуповых. Новые интерьеры создавались здесь Белобородовым в строгом соответствии с приемами русского классицизма. Вместе с ним работали живописцы С. В. Чехонин, Н. А. Тырса, В. М. Коншечев*.

В Юсуповском дворце непосредственно воссоединились подлинники интерьеры позднего классицизма, созданные в 1830-х гг. зодчим А. А. Михайловым (вторым) и неоклассические вариации архитекторов 1910-х гг. Здесь буквально воплотилась установка ретроспективизма на преемственное продолжение старопетербургских художественных традиций.

* См.: Юсуповский дворец / авт. колл.: Г. Н. Свешникова, О. В. Уточкина, Н. Н. Федорова. СПб., 2003.

КАК НАЧИНАЛАСЬ «МАНСАРДИЗАЦИЯ» ПЕТЕРБУРГА

Мансарды вошли в архитектурную среду нашего города только на рубеже XIX–XX вв. Во все предшествующие периоды — за исключением раннего барокко — они были несвойственны Петербургу. В первой трети XVIII в. многие постройки завершались высокими крышами с переломами, обогащавшими живописный силуэт города. Но уже в зрелом барокко середины XVIII в. подобные приемы не использовались и были надолго выведены из архитектурного арсенала.

Для русского классицизма — в отличие от французского — мансарды оказались чужеродными. Геометрически четкие объемы зданий очерчивались карнизами, фронтонами или аттиками, не допуская дополнительных наслоений. Мансарды не были по-настоящему востребованы и в эпоху эклектики, несмотря на разнообразие ее форм и тягу к активизации силуэта застройки.

Редчайшим примером устройства полноценной мансарды французского типа можно считать доходный дом И. О. Утина на Конногвардейском бульваре, 17, возведенный в конце 1850-х гг. архитектором Р. И. Кузьминым. Намного позднее, в 1894 г., А. Ф. Красовский при перестройке дома П. П. фон Дервиза на Большой Конюшенной улице, 27, создал эффектную группу «богатых мансардных покрытий»* с окнами-люкарнами и чешуйчатой кровлей. Такое завершение воспринималось новым словом в петербургской архитектуре.

Тем временем застройка Петербурга неуклонно росла вверх. Во второй половине XIX в. все чаще сооружались пятиэтажные здания, в начале XX века — шестиэтажные. Дома достигали предельных габаритов высоты — 11 сажень (23,5 метра) до нижней отметки крыши. Этот законодательно утвержденный высотный регламент соблюдался беспрекословно, его не могли преодолеть никакой капитал, никакие связи. В этих условиях возникла практическая необходимость освоения пространств под кровлями домов.

* Неделя строителя. 1894. № 38. С. 194.

Р. И. Кузьмин. Дом И. О. Утина

П. Ю. Сюзор. Здание акционерного общества «Зингер и К^о»

Вопрос об устройстве мансард не был четко прописан ни в Уставе строительном, ни в постановлении Городской думы 1882 г. Законом допускалась свобода выбора типа, конфигурации и использования крыш и чердаков. Они, как и элементы венчания фасадов, могли превышать установленный лимит. Получалось, что сооружение мансард не воспрещалось правилами, но противоречивость их формулировок оставляла люфт в законодательстве*.

Показательный прецедент, вызвавший разбирательство во властных структурах, произошел в 1900 г. при окончании реконструкции доходного дома виноторговцев братьев Шталь на Малой Морской улице, 14. Кардинальную перестройку осуществил архитектор И. Ф. Шлуп с использованием проекта А. П. Максимова. Фасад шестиэтажного здания, как во многих сооружениях поздней эклектики, завершался шатром. Нарушение обязательных норм техническо-полицейский надзор усмотрел в устройстве мансард на дворовых корпусах**.

Разгорелся общегородской скандал. Дом братьев Шталь оказался в эпицентре разногласий о допустимости мансард на постройках максимальной высоты. Городская дума признала их подлежащими разрешению. Противоположное заключение вынесло Особое по городским делам присутствие. Разбирательство дошло до Правительствующего Сената. Учитывая, что ограниченный высоты кровель не установлено, а использование чердачных помещений под жилье не запрещено, Сенат отменил постановление Особого присутствия. Таким образом, размещение мансард на уровне выше 11 саженей было легитимизировано***. Это послужило толчком к их быстрому распространению.

Члены Петербургского общества архитекторов попытались внести свою лепту в разрешение проблем «мансардизации» столицы. Для этого они еще в 1895 г. организовали специальную комиссию, но ее деятельность не принесла весомых результатов. В январе 1903 г. архитектор А. И. Дмитриев сообщал: «Комиссия пришла к заключению, что для Петербурга развитие и распространение мансардных помещений имеет особенно важное

* Равич Г. Беседы строителя // Строитель. 1901. Январь. Стб. 39–66.

** Дом Бр. Шталь, в С.-Петербурге // Строитель. 1904. № 3–4. Стб. 95–102.

*** О возведении мансардных построек // Строитель. 1902. № 13–18. Стб. 692–693.

значение, вследствие высокого стояния уровня грунтовых вод в городе, частых наводнений и многих других причин, делающих нежелательными жилые подвальные помещения. Одним из средств дать возможно более широкое распространение и развитие жилых мансард комиссия признала объявление конкурса на составление специальной брошюры по этому вопросу*.

Отметим принципиальный момент: мансарды считались тогда альтернативой населенным подвалам.

Через два года на собрании того же Общества вернулись к рассмотрению актуальной темы. Маститый зодчий, граф П. Ю. Сюзор подчеркивал важность разъяснения ее юридических аспектов. Он посетовал на некорректность владельцев, допускающих иногда «рубку целого деревянного дома на чердаке пятиэтажного каменного»**.

Архитектор П. П. Марсеру также высказался за регламентирование устройства мансард. Его удивляло «столь необъяснимое стеснение обывателя, желающего поселиться в мансарде и вынужденного вместо этого переполнять подвалы. Само собою разумеется, что при этом не следует доходить до крайностей, повторяя пример Парижа, где почти нет домов без мансард, и последние строятся двойными, причем верхняя их часть, в которой окна заменены подобием каких-то люков, отводится обыкновенно для жилья прислуги»***.

Модерн, новый стиль начала XX в., раскрепостил архитекторов от следования классицистическим нормам. С этим стилем связан короткий расцвет петербургского мансардостроительства. Одну из первых стильных мансард создал П. Ю. Сюзор, органично включив ее в архитектурно-художественный строй здания компании «Зингер» (1902–1904).

Ту же тему развивали В. В. Шауб, А. С. Хренов, А. Ф. Барановский и другие представители модерна. Особой экспрессии живописно-пластическая разработка мансард достигла в постройках И. А. Претро и А. Ф. Бубыря, в проектах Н. В. Васильева. Однако если здания носили классицизирующий оттенок, то даже у такого мастера, как Ф. И. Лидваль мансарды выглядели утилитарны-

* Строитель. 1903. № 1–2. Стб. 55.

** Зодчий. 1904. № 46. С. 522.

*** Там же.

ми придатками, не согласованными с архитектурной фасадом (знаменитый дом М. П. Толстого на Фонтанке, гостиница «Астория»).

Неоклассика, потеснившая модерн в 1910-х гг., опиралась преимущественно на наследие русского классицизма и итальянского ренессанса. Мансарды не соответствовали такой стилистике, но их продолжали строить в погоне за доходностью. Архитекторы находили компромиссные решения: мансарды часто ставились с отступом и даже маскировались. Так, М. М. Перетяткович, строитель дома и банка М. И. Вавельберга на Невском

И. А. Претро.
Дом Т. Н. Путиловой

Ф. И. Лидваль.
Дом М. П. Толстого

А. Ф. Бубырь. Дом С. А. Визлер (А. Ф. Бубыря)

проспекте, 7–9, прикрыл мансарду балюстрадой. Схожий прием применил А. Е. Белогруд в домах К. И. Розенштейна на Большой проспекте П. С., 75 и 77, дополнив фасады в одном случае балюстрадой, а в другом — крупной аркадой со скульптурами.

Строительный опыт начала XX в. оставил разные варианты решения мансард. Чаще всего они служили второстепенными, нейтральными элементами. Реже становились острохарактерными приметами модерна. В зданиях ретроспективной ориентации они, наоборот, исключались по возможности из сферы визуального восприятия.

В советскую эпоху эстетика конструктивизма, советской неоклассики и неофункционализма отторгала мансарды. Сегодня волна «мансардизации» захлестнула исторические районы Петербурга. Жилые постройки производятся где попало, без учета сложившейся среды и композиционно-стилевых особенностей зданий. Постоянно множится число некорректных, даже вопиющих примеров. Эта эпидемия превратилась в стихийное эстетическое бедствие. Для выправления опасной ситуации необходима правовая регламентация мансардостроительства и, главное, индивидуальный подход к выбору объектов разных эпох и стилей.

М. С. Штиглиц

ШЕДЕВРЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО АВАНГАРДА — НОМИНАНТЫ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ (УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?)

ПЕТЕРБУРГ — один из ведущих промышленных центров страны — обладает многочисленными материальными свидетельствами своей богатой истории. Огромный потенциал невосковой столицы отражает все периоды отечественной индустриальной истории, начиная с XVIII в. С точки зрения истории архитектуры наибольший интерес представляет период промышленного строительства Ленинграда с середины 1920-х до середины 1930-х гг., совпадающий с расцветом конструктивизма.

С сожалением можно констатировать, что эта часть нашего наследия не пользуется таким трепетным к себе отношением, как шедевры классицизма и барокко. Петербург — всемирно известный классический город, поэтому архитектура конструктивизма находится в тени высоких стилей и градостроительных ансамблей и не пользуется популярностью — не только у населения, но и у администрации.

На фоне роскошных особняков, дворцов, ансамблей эта архитектура — без декора, выразительность которой достигнута пластикой и контрастом крупных форм, выглядит не так репрезентативно. Техническое состояние этих зданий, выполненных не всегда качественно, оставляет желать лучшего, да и воспринимаются они в нашем климате совсем не так, как светлые стены построек «Белого города» в стиле конструктивизма в Тель-Авиве, включенные в список объектов Всемирного наследия.

По закону Санкт-Петербурга все исторические здания до 1917 г. признаны неоспоримой ценностью. А как обстоит дело с охраной архитектуры 1920-х — 1930-х гг. в нашем городе? Эти шедевры, сыгравшие огромную роль в становлении мировой архитектуры, остались за чертой пристального внимания.

Ленинградские памятники архитектуры авангарда были включены в 2001 г. в Список вновь выявленных объектов культурного наследия. И теперь они пользуются всеми правами

памятников: фактически их нельзя сносить и искажать. От этого судьба их чуть-чуть улучшилась, но не настолько, как хотелось бы. В наиболее угрожающем состоянии находятся промышленные объекты эпохи авангарда. Тем не менее, здания и комплексы этого направления внесли острые и выразительные акценты в городской пейзаж.

Стремление выразить мощь техники и динамизм эпохи, тяга к подчеркнутой образности сообщали постройкам сильный экспрессионистский оттенок. Специфические, полные брутальной экспрессии архитектурные образы созданы чисто утилитарными средствами, самой конструкцией.

Пафос индустриализации, ее возвышенная, героико-романтическая окраска определяли в те годы художественные поиски в различных видах искусства. Истоки этого явления были заложены в Петербурге еще на рубеже веков, в основном в промышленных сооружениях предреволюционного периода, обладавших признаками конструктивизма. Эстетическое осмысление свойств железобетона открывало перспективу создания чисто «конструктивного стиля».

В сооружениях ленинградского авангарда прослеживается сильное влияние выдающегося немецкого архитектора Э. Мендельсона и, в частности его Трикотажной фабрики «Красное Знамя» (1926–1937). Новаторский проект выдающегося немецкого архитектора осуществлялся в обстановке противодействия со стороны некоторых ленинградских коллег и с искажением авторского замысла. Расположенные по периметру квартала четырехэтажные производственные корпуса решены в жестких функционалистских формах на основе железобетонного каркаса. Три цеха внутри двора должны были завершаться высокими вентиляционными шахтами наподобие корпусов шляпной фабрики, построенной ранее Мендельсоном в Люккенвальде. Не все идеи автора нашли воплощение, только силовая станция, поставленная на остром углу квартала, полностью соответствует проекту. В ее прямоугольный блок всечены с торца три закругленных объема водонапорной башни, имеющие разный диаметр. Смелая по пластике, полная движения композиция убедительно соединяет черты экспрессионизма и функционализма и воплощает постулат автора «функция плюс динамика».

Этот уникальный памятник архитектуры периода авангарда до сих пор не имеет единого охранного статуса и находится под угрозой реконструкции с частичным сносом строений.

На территории бывшей фабрики с весны 2016 г. компанией «СитиСтрой» ведется строительство многоквартирного жилого комплекса, значительно превышающего по высоте расположенную поблизости Силовую станцию (ТЭЦ) — историческую доминанту ансамбля. Силовая станция Э. Мендельсона, объект международного уровня, до сих пор имеет статус памятника регионального значения, а остальные сооружения с 2001 г. остаются вновь выявленными объектами культурного наследия.

В настоящее время территория памятника разделена на две части между двумя застройщиками, действующими независимо один из другого. Все обращения в защиту цельности комплекса и корректировке проекта не получили должного результата*.

Эксперты настаивали на обязательном рассмотрении всего комплекса в целом, а также на необходимости решения вопросов реставрации и использования исторических зданий.

К выдающимся сооружениям ленинградского конструктивизма относится комплекс построек Мясокомбината имени С. М. Кирова (Московское шоссе, 13), сооруженный группой инженеров и архитекторов в 1931–1933 гг. под руководством Н. А. Троцкого. В этой постройке, как и во многих других ленинградских сооружениях, прослеживается сильное влияние Э. Мендельсона и, в частности его фабрики «Красное знамя». «Стиль конструктивный толкнул меня, может быть случайно, а, может быть, (в этом) была логика, на промышленное строительство», — писал выдающийся ленинградский зодчий Н. А. Троцкий. Стремление выразить мощь техники и динамизм эпохи, тяга к подчеркнутой образности сообщали постройкам

* Письмо общего собрания РААСН от 04.04.2016; Обращение участников международного симпозиума «От авангарда до модернизма» от 19.07.2016; резолюция Международной архитектурной конференции «Архитектурное наследие XX века» от 19.08.2016; совместное письмо Национальных комитетов ИКОМОС России и Германии от 01.09.2016; обращение Президента национального Комитета ИКОМОС РФ А. П. Кудрявцева; письмо директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского; письмо СПб ГО ВООПИиК, и другие.

сильный экспрессионистский оттенок. Здания и комплексы этого направления внесли острые и выразительные акценты в городской пейзаж.

Каждое звено производственного цикла выделено в самостоятельный геометрически четкий объем. Вместе с тем, все они связаны в единую композиционно-технологическую систему. Конструкции корпусов выполнены из монолитного железобетона. Главным опознавательным знаком комплекса служит 42-метровая башня, динамично врезанная в основное здание. Она как бы составлена из двух всеченных друг в друга вертикальных пластин. Башня сообщает строго конструктивистской архитектуре предприятия ярко выраженный экспрессионистский оттенок.

Построенный на южной окраине города, мясокомбинат с его запоминающимся силуэтом является доминантой, воспринимающейся издали при въезде в город. За инженерные и архитектурные достоинства он был отмечен «Гран-при» на Парижской международной выставке 1937 г. Однако до сих пор не принято превентивных мер, направленных на содержание этого объекта, его реабилитацию и консервацию. В настоящее время пока проводится экспертиза на включение в реестр памятников, эти здания — пустые и не отапливаемые, не законсервированные, приходят в аварийное состояние.

Автор другого замечательного сооружения, архитектор, художник, педагог и теоретик Яков Чернихов, снискал международную известность как автор блестящих архитектурных фантазий, в которых воплотились творческие принципы Авангарда и пафос машинных форм. Ведущего мастера бумажной архитектуры, создателя графических серий, изданных несколькими книгами, называли «советским Пиранези».

В книге «Конструкция архитектурных и машинных форм» Чернихов определяет конструктивизм как явление, присущее природе и организованной жизни вообще, раскрывая средствами графики своеобразную панораму конструктивизма. Именно в Ленинграде были опубликованы книги архитектурных фантазий, принесших ему мировую известность. В 1933 г. по указанию Кирова была развернута выставка графических работ Чернихова. Среди многих его работ в области промышленного строительства осуществлена лишь одна постройка — Водонапорная башня с ка-

натным цехом завода «Красный гвоздильщик» (1930–1931, 25-я линия, 8).

Динамичная композиция построена на остром контрасте легкой вертикали водонапорной башни и протяженного канатного цеха. В обнаженной конструкции башни полностью выявлены и реализованы формообразующие возможности железобетона. Узкий высокий ствол возносит вверх объем водонапорного бака, скругленный выступ которого опирается на тонкие столбы. Резкое столкновение жестких прямолинейных и плавных криволинейных форм усиливает пластическую экспрессию лаконичной композиции. Силуэт башни эффектно воспринимается в перспективе улиц промышленной зоны Васильевского острова.

Левашовский механизированный хлебозавод на Барочной ул., 4, который вошел в строй в 1933 г. Круглая форма многоэтажного здания органично связана с вертикально-кольцевым циклом приготовления хлеба. Эта новая оригинальная технология индустриального хлебопечения была разработана и внедрена талантливым инженером Г. П. Марсаковым. Строительство двух круглых хлебозаводов по технологии Марсакова в Ленинграде (Левашовского и Кушелевского) осуществлено архитектором П. Д. Бункиным. Аналогичные заводы сооружены в Москве. Согласно концепции Марсакова, основанной на теории машин, структура здания не только вытекает из технологии, но и образует с ней единое целое. При этом он считал универсальным принцип построения круглых форм, предлагая его распространить на промышленные сооружения, общественные здания и даже градостроительные образования.

Основу композиции ленинградских хлебозаводов составляет цельный цилиндрический объем с примыкающими по концам диаметра вертикальными параллелепипедами лестниц. В главный круглый массив основного здания вращается еще один цилиндр с котельной, перекрытый пологим куполом. Сочленения этих частей создает эффект ступенчатого нарастания криволинейных форм. В центре здания установлена круглая вращающаяся печь. С верхних этажей хлеб поступает по круговой автоматизированной линии в складские помещения и зону отгрузки. Одноэтажное звено здания, предназначенное для отпуска хлеба, завершается дугообразным консольным козырьком. В этих сооружениях

полностью достигнута искомая цель исканий авангарда — синтез функциональных, конструктивных и художественных новаций.

Здание Ленполиграфмаш построено в 1929—1930-е гг. по проекту архитектора Н. Е. Лансере. Четырехэтажный корпус огибает заводской квартал, плавной дугой выходя на небольшую предместную площадь. Здание выполнено из монолитного железобетона с наружными кирпичными стенами. Экспрессия композиции достигается за счет контраста основного протяженного дугообразного объема и вертикали лестничной клетки. Живописные изгибы реки и пластичность жилого дома Ленсовета образуют целую симфонию дуг.

Несмотря на утраченное первенство в формообразовании, конструктивизм еще сохранял некоторую устойчивость именно в промышленном строительстве на протяжении всего предвоенного периода, завершившего «золотой век» промышленного зодчества Петербурга — Петрограда — Ленинграда. В последующие десятилетия она уже никогда не поднималась до прежнего уровня. Эпоха подъема промышленной архитектуры города на Неве, связанная со становлением и развитием капитализма в России, а затем — с индустриализацией СССР, охватывает ровно столетие — 1830—1930-е гг.

Современное состояние памятников промышленной архитектуры ленинградского авангарда оставляет желать лучшего. Несмотря на то, что здания имеют охранный статус, частные владельцы, в чьих руках они находятся, не осознают подлинной ценности этих шедевров.

Именно самые яркие образцы этой архитектуры находятся в наиболее угрожающем состоянии: мясокомбинат им. С. М. Кирова, Канатный цех «Красного гвоздильщика» с водонапорной башней, трикотажная фабрика «Красное знамя». Они включены в список охраняемых объектов, но пока проводятся экспертизы и разрабатываются проекты приспособления, эти здания — пустые и не отапливаемые, не законсервированные, приходят в аварийное состояние.

Сбалансированное развитие Списка Всемирного наследия предполагает включение объектов, самых разнообразных по функциональному назначению, в том числе «некоторые исключительно промышленные и технологические памятники».

С середины 1990-х гг. Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТICСIН) разрабатывает предложения по включению наиболее ценных памятников науки и техники в Список объектов Всемирного наследия. Среди них фабрика-музей Ван-Нелле в Роттердаме, открытое вагонное депо с коллекцией исторических локомотивов и вагонов в Чили, исторические промышленные сооружения Остравы, фабрика Фагуса в Альфельде, «Электрополис Берлин», и другие.

Номинация Петербурга как Объекта Всемирного Наследия включает: «исторический центр с бывшими царскими резиденциями», то есть предполагает центральную часть города, ограниченную охранной зоной.

В существующие границы этой зоны не входят территории промышленного характера, они находятся в так называемых лакунах. Тем не менее, в отличие от классических построек, по сути своей вторичных, возведенных русскими и европейскими зодчими по образу и подобию античных образцов, архитектура советского авангарда была первична, ее новаторская стилиобразующая роль признается специалистами во всем мире. По основным критериям ленинградские произведения 1920-х — 1930-х гг. (среди которых упомянутые промышленные), пользующиеся международной известностью, могут и должны быть включены в состав Объектов Всемирного наследия.

В. Г. Лисовский

СЕВЕРНЫЙ МОДЕРН: 50 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ

В истории искусства редко бывает так, что начало систематического изучения той или иной темы удается датировать достаточно определенно. Однако в отношении того явления в истории зодчества XX в., которое ныне именуется «северным модерном», можно, пожалуй, сделать исключение. Дело в том, что возможность впервые серьезно заняться этой темой (дотоле не привлекавшей сколько-нибудь заметного внимания историков) автор настоящей публикации получил в середине 1960-х гг. в бытность свою студентом заочного отделения искусствоведческого факультета Института имени И. Е. Репина. Занятия эти, осуществлявшиеся по инициативе и под руководством тогда еще ассистента, а ныне широко известного профессора Андрея Львовича Пунина, вылились в 1966 г. в создание дипломной работы, получившей весьма громоздкое название — «Некоторые архитектурно-художественные аспекты проблемы „нового стиля“ в архитектуре России начала XX в. (к вопросу о «северном модерне» в русской архитектуре)». Защита дипломного сочинения прошла успешно, что и позволило автору, завершив работу по прежней специальности инженера-кораблестроителя, переключиться на деятельность профессионального искусствоведа. Таким образом, как раз 50 лет назад появление темы «северного модерна» было зафиксировано хотя еще и не в профессиональной публикации, но все же в таком, как принято теперь говорить, «формате», который мог рассчитывать на некоторую известность.

Надо признать, что план дипломной работы, о которой идет речь (она хранится в Научно-библиографическом архиве Российской академии художеств), был построен в целом грамотно, что дало возможность ясно обозначить основные аспекты темы. Во введении и первой главе, тоже выполнявшей функцию вводной, была предпринята попытка вскрыть суть проблемы стиля в архитектуре начала XX в. При этом автор исходил из

«идеологически правильного» положения о противостоянии «реакционного» и «прогрессивного» романтизма. Первый олицетворялся, как тогда считали, «так называемым стилем модерн», представлявшимся упадочным и буржуазным, а второй ассоциировался со «здоровыми национальными традициями», питавшими специфическое «национально-романтическое» направление. А поскольку это направление появилось практически одновременно с модерном и наиболее ярко заявило о себе в искусстве Финляндии и других стран Северной Европы, его в дипломной работе предлагалось называть не только «национальным», но и «северным» модерном. Впрочем, достаточно определенные признаки «национального романтизма» студент-дипломник справедливо усмотрел также в произведениях рожденного эклектикой «русского стиля», в течение длительного времени претендовавшего на гегемонию в архитектуре России.

Логично, что два параграфа второй главы дипломной работы были посвящены как национально-романтическим тенденциям, развивавшимся в русском искусстве, так и «северному модерну», утвердившемуся в архитектуре Финляндии. Нетрудно понять, что изучение последнего (нередко именовавшегося в русских журналах «финляндским стилем») в 1960-х гг. представлялось возможным главным образом с помощью тех изображений памятников и их описаний, которые содержались в сравнительно немногочисленных иностранных публикациях по данной теме, отыскиваемых в библиотеках.

Третья глава дипломной работы давала возможность оценить персональный вклад в развитие «северного модерна» ряда отечественных (в основном, петербургских) архитекторов. В центре внимания автора здесь оказались три мастера — Ф. И. Лидваль, Н. В. Васильев и А. Ф. Бубырь, до настоящего времени безоговорочно признаваемые лидерами этой версии «нового стиля». Для того чтобы полнее обрисовать на страницах работы творческие портреты упомянутых мастеров, оказалось необходимым провести достаточно кропотливые изыскания в архивах. Разумеется, одновременно понадобились также натурные обследования построек и систематизация разнообразных фактических данных из числа публиковавшихся в дореволюционной периодической печати. Следует подчеркнуть, что если некоторые

сведения о Лидвале вошли в раритетный ныне альбом, изданный А. А. Олем в 1914 г., то о двух других названных выше архитекторах ни в дореволюционных, ни в советских книжных изданиях практически никаких достоверных данных найти было невозможно. В процессе изучения проектов и построек Н. В. Васильева нами впервые было обращено внимание на такой очень характерный памятник «северного модерна», как жилой дом на Стремянной улице в Петербурге (д. № 11), проект которого в 1906–1907 гг. создавался совместно с А. Ф. Бубырем. Это здание и сейчас считается «эталонным» для национально-романтического направления. Сведения о нем вместе с фотографией портала, декорированного необычайно экспрессивными каменными деталями, были в первый раз опубликованы в докладе автора о творчестве Васильева и Бубыря, сделанного на XXVII научной конференции ЛИСИ, проходившей в начале февраля 1969 г. Еще одна публикация на ту же тему состоялась в еженедельной газете «Строительный рабочий» (от 1 февраля того же года). В третью главу дипломной работы вошли тоже не публиковавшиеся ранее сведения о постройках А. Ф. Бубыря и некоторых других архитекторов, в той или иной степени оказавшихся связанными с национально-романтическим направлением. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что именно на страницах дипломной работы 1966 г. было впервые высказано предположение об участии Н. В. Васильева и А. Ф. Бубыря в проектировании крупного комплекса «Бассейного кооператива», генеральный план которого разрабатывали Э. Ф. Виррих и А. И. Зазерский. Позднее это предположение тоже было обнародовано в «Строительном рабочем» (№ 35 от 28 августа 1971 г.), а в настоящее время указанную атрибуцию признают все историки зодчества эпохи модерна.

В заключении дипломной работы 1966 г., как это всегда делается в подобных случаях, подводились некоторые итоги и делались выводы. Главным из них автору представлялось мнение о том, что «северный модерн» отличается от модерна обычного, «интернационального», присутствием такого качества, которое было названо «рациональной декоративностью». Проявление этого качества связывалось со стремлением освоить прежде всего соответствующий опыт национального, и главным образом деревянного зодчества, в котором принцип «рациональной декоратив-

ности» выявляется особенно последовательно. Кроме того, отмечалось, что мастеров «северного модерна» очень интересовала задача разработки особых приемов, направленных на усиление пластической выразительности архитектурной композиции, или проблема «архитектурных масс». Наконец, образная специфика «северного модерна», как утверждалось в заключении, сильно зависела и от того, в какой степени в архитектурной композиции удавалось раскрыть художественные возможности применявшихся

Н. В. Васильев, А. Ф. Бубырь. Дом № 11 на Стремянной ул. в Петербурге. 1906–1907. Фрагмент фасада (вверху). А. Ф. Бубырь. Дом № 23 в Ковенском пер. в Петербурге. 1911–1912. Фрагмент (внизу)

в строительстве традиционных материалов (в том числе природного камня из северных месторождений и дерева, ставшего основой «бревенчатого модерна»), а также охарактеризовать условия их работы.

Сейчас, оглядываясь назад с высоты прожитого времени, следует с некоторым удивлением признать, что в той самой дипломной работе уже довольно отчетливо распознавались те направления, по которым в действительности стали развиваться исследо-

вания последующих лет. В них приняли участие специалисты, принадлежащие разным поколениям, но одинаково увлеченные

Комплекс «Бассейного кооператива» в Петербурге. 1912–1914.
Угловая часть корпуса по Бассейной (Некрасова) ул. (слева).
Вид курдонера с Греческого пр. (внизу)

своей работой. В намеченную первоначально только эскизно гипотетическую картину «северного модерна» им удалось внести немало уточнений и дополнений, в результате чего наши объективные знания о том историческом материале, который относится к интересующему нас архитектурному феномену, сейчас уже нельзя назвать неполными. Уточнения коснулись и терминологии. Со временем исследователи, кажется, сошлись в том мнении, что термин «северный модерн» следует связывать в основном с отечественным (и в первую очередь, петербургским) наследием. А для обозначения аналогичных явлений, характерных для северо-европейских стран (оказавших при этом заметное влияние на русскую архитектуру) лучше применять словосочетание «национальный романтизм» — самоназвание, появившееся на рубеже XIX и XX вв. одновременно с тем стилистическим направлением, с которым оно исторически и было связано. Закономерным следует признать определенно наметившееся в последнее время постепенное усиление внимания отечественных исследователей к зарубежному опыту в области архитектуры модерна. Это дает возможность полнее и лучше сопоставлять национальные и региональные варианты модерна в надежде раскрыть его тайны, остающиеся еще весьма многочисленными.

Т. И. Николаева

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ КУРБАТОВ

Владимир Яковлевич Курбатов известен как ученый, историк искусства, историк архитектуры Петербурга, химик, инженер-технолог, коллекционер. Еще многое в его наследи требует пристального изучения. Основой для данной публикации стали материалы фонда 858 Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук, который начал формироваться в 1956 г. документами, поступившими от самого ученого. Через год фонд пополнился материалами, переданными его сыном, а в 1961 г. документами, собранными профессором В. В. Разумовским. Инициатива обращения к уникальной коллекции принадлежала моему учителю Борису Александровичу Розадеву (1909–1984), работавшему с послевоенного времени в Государственной инспекции по охране памятников. Старейший сотрудник ГИОП, замечательный архитектор оставил заметный след в деле сохранения и изучения наследия нашего города.

Владимир Курбатов родился 24 января (ст. ст.) 1878 г. в Петербурге. Его отец, Я. И. Курбатов был сыном прачки Мариинской больницы, Ефросиньи Петровны Ниловой. Он окончил курс канцелярского училища и дослужился в канцелярии Министерства юстиции до ордена, дававшего право на дворянство. Впоследствии это отразилось на судьбе сына. НКВД вспомнил о недолгом личном дворянстве отца и тестя Владимира Яковлевича, когда его арестовали 22 октября 1938 г. Следствие по делу прекратили через полгода, освободив ученого и общественного деятеля 9 апреля 1939 г.

Когда умер отец, мальчику исполнилось три года. Мама осталась с тремя детьми и пенсией в 65 рублей. Дачу в Павловске пришлось продать из-за долгов. Мальчик воспитывался у тетки, учительницы городского училища. Он вспоминал: «...Еще 11 лет, попав в Эрмитаж увлекся изучением искусства и истории народов настолько, что будучи в 5-м классе гимназии составлял рефераты...»*. В 14 лет он начал давать уроки, а с 18 лет мог не только

* Архив РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 161.

себя содержать, но и помогать матери. В 1896 г. юноша окончил с золотой медалью 7 Петербургскую мужскую гимназию, находившуюся на Кирилловской ул., 11. Через четыре года завершилось его обучение на естественном отделении Петербургского университета, где он был «оставлен для приготовления к профессорскому званию»*.

Во время учебы Курбатов начал самостоятельное изучение истории искусства по книгам в Публичной библиотеке и Эрмитажным каталогам. «Все попытки найти в читальном зале Публичной библиотеки ответы на интересовавшие меня переходы от искусства XVII в. к XIX в., особенно к Павловским и Царскосельским дворцам и паркам, которые я хорошо знал с детства, привели к попыткам подбора снимков в хронологическом порядке, чтобы составить историю искусств. С 15 лет, после первого самостоятельного путешествия по Волге до Нижнего Новгорода и из Ярославля в Москву, стал искать указания по истории русского искусства, преимущественно XVI–XVII в., тогда как в книгах описывались памятники искусства не позднее 1600 г. Конечно, поиски были в общем неудачными, но громадный материал, особенно фотографии, выставленные в то время в Музее Штигица, был пересмотрен»**. Обладая способностями к рисунку, он скопировал большинство экспонатов из коллекции скульптуры музея Академии художеств. В 1899 г. Курбатов, которому исполнился двадцать один год, построил по своему проекту с расчетом всех конструкций большой каменный двухэтажный дом в имении Псковской губернии. В качестве руководства он пользовался книгой М. Е. Романовича «Гражданская архитектура»***. В этом же году Владимир Яковлевич познакомился с художниками: В. Серовым, А. Бенуа, К. Сомовым, Л. Бакстом, И. Левитаном, М. Врубелем, А. Остроумовой и др. Он стал внимательно изучать малоисследованные и новейшие течения искусства. Его увлекли подлинные памятники русского искусства XIII–XX вв., французского XV–XVIII вв., особенности культуры Дальнего Востока, а также садово-паркового и декорационного искусства. Знакомству с древнерусским искусством и пониманию

* Архив РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 24.

** Там же. Л. 161–162.

*** Там же. Л. 45.

значимости национального достояния способствовали поездки в Новгород (1897), Ярославль, Ростов, Романов, Борисоглебск, Кострому, Владимир, Суздаль, Нижний Новгород (1898). Через пять лет Владимир Курбатов начинает изучение зарубежного искусства. Большое влияние на него оказали путешествия в Австрию, Италию, Швейцарию, Германию, Польшу. Через два года его покорило знакомство с Парижем, готические города Сен-Ли, Лион, Реймс, Бове, Шартр. Впечатления усилила поездка в Лондон, особый интерес вызвал Виндзор и Оксфорд. География открытий расширялась. В 1906 г. он ездил в Италию, Англию, Бельгию, Голландию, посетив еще раз Париж. Через два года изучение искусства продолжилось в Германии, Италии, Австрии. В 1909 г. у него появилась потребность глубже приобщиться к художественному миру Москвы, Киева и к вековым историческим событиям с ними связанными. На следующий год Владимира Курбатова привлекли многочисленные памятники Южной Италии. Познание культуры и традиций Южной Германии, размышления над природой искусства Северной Италии открыли ему во время путешествий в 1913 г. удивительный мир сокровищ этих стран*. Безусловно, зарубежные поездки сыграли для него роль подлинных «университетов» в понимании и оценках художественного творчества.

Работая лаборантом на кафедре физической химии в Технологическом институте, в 1902 г. он вошел в Попечительский комитет о сестрах Красного Креста и начинает свою деятельность в Общине св. Евгении. Она располагалась в доме на Старорусской улице, 3, недалеко от гимназии, где учился юноша. В 1905 г. в связи с финансовым кризисом Владимир Курбатов принял участие в организации художественных изданий видовых открыток. Многие снимки нашего города и окрестностей были сделаны им специально для Евгеньевской Общины. Приобретая опыт издательской деятельности, продолжая изучать произведения русского искусства, через пять лет Курбатов уже участвовал в организации журнала «Художественные сокровища России», был деятельным сотрудником журнала «Старые годы», его давно привлекала идея создания Института истории искусств как центра

* Архив РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 56.

изучения культурного наследия. С 1913 г. он энергично занимался организацией института, а затем читал в нем лекции. На переломе эпох, после разрушительных революций, на рубеже мировой и гражданской войн началось объединение усилий деятелей культуры и искусства. Владимир Яковлевич вспоминал: «В декабре 1917 г. ко мне позвонил Дмитрий Ильич Лещенко, мой однокашник по Университету и большевик с 1900 г. (о чем, конечно, я не знал) и просил меня приехать в Зимний к А. В. Луначарскому, т. к. только я мог дать сведения о художественных сокровищах Петербурга, находящихся вне музеев. Луначарский кратко рассказал мне о программе и планах большевистской партии, и я был поражен той рациональностью и размахом, научностью постановки задач, какой я не видел у остальных политических партий, так как все последние только стремились к захвату власти, но не к коренной реформе всей жизни народа, как большевики»*. Сорокалетний Курбатов явно идеалистично оценивал сложившуюся ситуацию и принял в реформах инициативное участие**. Организованная Временным правительством в 1917 г. Художественно-историческая комиссия загородных дворцов-музеев была упразднена. Опасаясь невосполнимых потерь, при Народном комиссариате просвещения, возглавляемым А. В. Луначарским, создали группу руководителей (хранителей) по дворцам и музеям, а также садово-парковый отдел. С этого же времени в Петрограде начинает работать комиссия по охране и регистрации памятников искусства и старины, перед которой стояла задача учета и сохранения наследия в связи с угрозой его уничтожения.

Курбатов выступает в числе инициаторов создания Музея города с важными отделами — «искусство в жизни города» и «садово-парковый». Кроме изучения наследия перед Музеем города ставили просветительскую задачу — помочь работникам коммунального хозяйства, обеспечивающим жизнеспособность города. Он вспоминал: «В апреле 1918 г. на заседании Совета Наркомпроса нужно было решать судьбу Аничкова дворца, причем я предложил на его усадьбе устроить Музей Города, чтобы при помощи

* Архив РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 190.

** Там же. Л. 56–58.

наглядных материалов новые хозяева города могли быстро ознакомиться с основами городского дела. Это предложение было принято Совнаркомом, во главе рабочей комиссии была поставлена В. Р. Меньжинская, через месяц был готов проект и музей начал работать. Я заведовал в нем садово-парковым отделом и позже отделом Старого Петербурга»*.

В этом же году по просьбе Гатчинского Совета рабочих и солдатских депутатов Владимиру Яковлевичу пришлось возглавить (после ареста двух директоров) созданный в течение марта-мая того же года Дворец-музей в Гатчине, уникальный памятник художественной культуры и быта XVIII–XIX вв. России. Одновременно предстояло спешно готовить экскурсоводов. Музей открыли 5 мая 1918 г. в парадных залах, расположенных в бельэтаже главного корпуса Большого дворца. В остальных помещениях были сложены многочисленные ящики с личными вещами Александра III, Марии Федоровны и великого князя Михаила Александровича. Занятый в Петрограде, Курбатов не мог уделять достаточно времени гатчинскому музею, и июне его сменил на этом посту В. К. Макаров**.

Много внимания Владимир Яковлевич уделял организации школы русской драмы петроградских государственных академических театров. Перед школой стояла задача научно-художественной и практической подготовки деятелей русских драматических театров. В её составе был учебный, научный и просветительский отделы.

В 1919 г. он организовал курсы коммунального хозяйства, которые впоследствии получили статус института. В этом же году создается музей при Фототехническом институте, где уже по его предложению функционировал художественный факультет. Его деканом была художница А. П. Остроумова-Лебедева. Институт способствовал развитию фотографического, фототехнического и печатного дела, впоследствии став Санкт-Петербургским государственным институтом кино и телевидения.

Большое внимание Курбатов уделял неотъемлемой части исторического ландшафта, зеленым пространствам — садам, пар-

* Архив РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 191.

** Макаров В., Петров А. Гатчина. Л. 1974. С. 16.

В. Я. Курбатов. 1921 г.

кам, скверам, бульварам, для сохранения и содержания которых он инициирует в 1920 г. организацию садово-паркового отдела Губоткомхоза. Он писал: «Задача управления садами и парками Петербурга его окрестностей при полусотне объектов и 3000 служителей (в летнее время) была вовсе непростой»*. По его предложению потребность в специалистах ландшафтного искусства получила разрешение в создании садово-паркового факультета в Агрономическом институте. Через четыре года он сосредоточился «на правильной постановке дела» в парках Тригорского и Михайловского.

Живой отклик в душе ученого нашла организация в течение 1920–1921 гг. Общества «Старый Петербург».

В 1925 г. Курбатов, поддерживая работу Института истории искусств, занимался здесь формированием секции нового русского искусства. Она включила в себя подсекции: столичное искусство, влияние Запада на русское искусство, провинциальное искусство, камерное искусство, портретное искусство.

Опыт его выставочной деятельности начал формироваться с организации Исторической выставки портретов в Таврическом дворце в 1905 г. Затем через год состоялась международная выставка в Париже, где Владимир Курбатов принял участие в создании отдела кустарного искусства. Об интересе к наследию

* Архив РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 191.

прошлого свидетельствовала организационная работа Владимира Яковлевича на Исторической выставке в Царском селе, состоявшейся в 1911 г. Через два года во время работы съезда по вопросам Народного образования он занимался организацией выставки «Искусство в народной школе». Выставки видов Петербурга (1919), Москвы и провинции (1920) в Музее города приобрели особое значение в творческой деятельности Курбатова. В качестве главного консультанта авторитет знатока садового искусства проявился при устройстве в Москве в 1923 г. Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Через четыре года Владимира Яковлевича избрали членом комиссии по созданию выставки Театрально-декорационного искусства. Вместе с тем в журналах и газетах он помещает статьи по различным направлениям искусства. Успех изданной в 1910 г. брошюры «Павловск» заставил его взяться за составление книги «Павловск». Подробно изучая архивные документы, ученый обнаруживает за шкафами городского управления несколько сот подлинных чертежей великих зодчих Ч. Камерона, А. Воронихина, К. Росси, Тома де Томона, Д. Кваренги и спасает их от уничтожения*.

В 1912 г. Курбатов высказал на основе стилистического анализа утверждение, что главные залы дворца в Павловске отделаны по проекту Ч. Камерона и А. Воронихина. В то время такая точка зрения не совпадала с мнением большинства знатоков. Почти через десять лет исследовательницей А. Сапожниковой в архиве дворца были найдены документы, подтверждающие выдвинутое им предположение**. Своими работами как историка архитектуры Владимир Яковлевич выявил исключительное значение творчества архитектора В. И. Баженова в русском искусстве конца XVIII в.

Владимир Яковлевич Курбатов определил роль Петербурга как столицы европейского искусства с 1782 по 1835 г. Об этом свидетельствует книга «Петербург», изданная в 1913 г. Она стала результатом изучения самого города и его архивов. Излагая историю архитектуры Петербурга, он рассматривает неогреческое направление классицизма (Ч. Камерон, А. Воронихин), неоримское

* Архив РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 152.

** Там же. Л. 46.

(Д. Кваренги). «Французский ложно-классицизм» по его определению представлен работами Тома де Томона. «Стиль русской империи» характеризуется в творчестве А. Захарова, К. Росси, В. Стасова.

Исследования Курбатова позволили ему создать полную историю ландшафтного искусства, подготовив в 1916 г. «энциклопедию» «Сады и парки». Им было обобщено и дано определение «садового искусства», выявлены различия между понятиями «архитектурный сад», «декорационный и пейзажный парк». Для создания этого труда он изучал архивы Петербурга, Павловска, Царского Села, Петергофа, использовал обширную литературу и осмотрел почти все сады и парки Европы. Книга в шестьсот страниц с таким же количеством рисунков скоро стала библиографической редкостью.

Он стремился к полноценной характеристике развития всех видов творчества, выделив малоизученное декорационное искусство XVI–XVII вв. в самостоятельный вид и отметив притязания художников на зрелищную декоративность.

С 1905 г. мастер написал в архитектурных журналах много статей по истории искусства, имевших широкий резонанс. Заметка в журнале «Зодчий» в 1907 г. «Еще о перестройке Чернышева моста» спасла от нанесения ущерба этот ценный памятник. Веским словом Курбатова был спасен от грозивших искажений Инженерный замок. В своих публикациях он активно препятствовал сложившейся между 1910 и 1915 гг. неблагоприятной тенденции исчезновения садов в Петербурге. Статья «Один из блестящих проектов обезображивания Петербурга» предотвратила реализацию утвержденного проекта застройки площади перед Инженерным замком. Первой попыткой выявить значимость великого зодчего стала публикация в том же журнале «Значение гр. Бартоломео Растрелли в истории русского зодчества». Если обозначить только темы его статей, то получится масштабная картина развития истории искусств. Ее обогатило под его пером описание древней скульптуры, шедевров итальянской, французской, фламандской живописи в Эрмитаже, лучших картин музея Александра III, очерки по истории русской архитектуры с определением стилистических особенностей, публикации о мостах, набережных, решетках, о защите памятников от сноса и перестроек.

Могила В. Я. Курбатова
на Шуваловском кладбище

Дополнительные краски были внесены обращением к культуре и быту предместий Петербурга. В «Руководстве к собиранию данных об усадьбах», изданном в 1927 г., им был составлен вопросник, позволявший описывать предметы старины неподготовленному любителю, что позволяло расширять круг защитников наследия. В журнале «Старина и искусство» 1932 г. Курбатов раскрыл в статье «Чиппендейль и его мебель» стилистические особенности мебели второй половины XVIII в., сочетающей элементы французского рококо, английской готики и экзотические восточные мотивы. Одна из крупнейших английских мебельных фирм поставляла свои изделия и в Россию. Исследователем написано более ста трудов по истории искусства, а также значительные работы по химии.

Под сенью Петербурга у Владимира Яковлевича Курбатова проявилось через живую энергию, волю и стремления важнейшее качество служения великому искусству — преданность.

И. Л. Тихонов

ЧАСТНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: СОБРАНИЕ ГРАФА А. А. БОБРИНСКОГО

Одно из крупнейших в России археологических собраний принадлежало графу Алексею Александровичу Бобринскому (1852–1927) — крупному археологу и историку, возглавлявшему с 1886 г. Императорскую Археологическую комиссию*. Собрание графа Бобринского объединяло в одно целое древности первобытной эпохи, найденные на территории России и Западной Европы, памятники античной, восточной и русской культуры. В отличие от большинства эклектических коллекций аристократии, археологические материалы составляли главную часть собрания Бобринского; они сложились в связи с научной деятельностью графа, отразили ее специфику и являлись ценным материалом для научных исследований.

Основным источником, позволяющим воссоздать состав коллекции Бобринского, является рукописный каталог, созданный самим графом. По имеющимся там сведениям, в его огромном собрании насчитывалось более 600 памятников только античной эпохи. Почти все они были найдены в Северном Причерноморье, в частности в Керчи. В этом каталоге, составленном для домашнего пользования, он подробно описал около 130 античных терракот из Керчи. Это, прежде всего, целая галерея образов девушек, «тихо идущих», гуляющих или задумчиво сидящих на скале, задрапированных в одежды или обнаженных, несущих животных и фрукты. Интересны сюжетами группы: девушка у гермы Диониса с Эротами, мужчина и женщина на ложе. Гротескный характер носили фигурки рабов, старика с сатирической маской

* О нем см.: Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2003. С. 95–117; Он же. Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог. Граф А. А. Бобринский // Знаменитые универсальности. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 1. СПб., 2002. С. 72–88.

на лице, мужчины с большим животом, варвара. Среди изображений божеств выделялись 3 статуэтки Венеры, выходящей из двустворчатой раковины, в одном случае богиню сопровождает Эрот. Образы мифологии представляли также Марсий, играющий на флейте, и Нике. Особая группа включала 17 изображений Эрота. Крылатый бог любви показан в борьбе с другими Эротами, опирающимся на большой щит, стоящим рядом с гермой (например, Диониса), едущим на коне или дельфине, улыбающимся или прикладываящим палец к губам. Отдельную коллекцию составляли около 40 терракотовых светильников из Керчи с росписью и рельефами (растительным орнаментом и др.). Несколько светильников имели форму голубя, человеческой головы со свиными ушами или головы свиньи. В коллекцию коропластики также входили фигурки животных и игрушки, в частности несколько кукол, разные головки, трагические и комические театральные маски, рельеф и ряд раскрашенных плакеток с изображением Горгоны*.

Значительную часть собрания антиков составляли около 200 керамических ваз из Керчи — чернофигурные и краснофигурные амфоры, килики, лекифы, ойнохои, алабастры, кувшинчики, аскосы, арибаллы, ольпы, леканы, тарелочки, флаконы и другие сосуды. Некоторые лекифы были украшены простым геометрическим орнаментом и пальметками. В росписях преобладали изображения человеческих фигур в простых позах, головок людей и животных. На многих вазах показаны сцены борьбы — греков с варварами и каким-то зверем, амазонок с грифонами. Вазописцы запечатлели разные моменты из жизни греков: ездку на колеснице, жертвоприношение, игру в мяч, туалет женщины. Герои многих росписей — Дионис, сатиры и вакханки. Оригинальной формой отличались лебес с ручкой в виде зверя, амфоры и другие сосуды в виде раковины, головы рогатого сатира и ноги, обутой в сандалию (последний одновременно служил и светильником). Встречались мифологические образы: крылатая Нике, Сфинкс и Эрот. Кроме керченских, имелось 27 чернолаковых ваз из Ольвии: лебесы (низкие чашки без ручек), канфары, скифосы. Граф собирал не только целые сосуды, но и фрагмен-

* НА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 127. Л. 90–101, 108–127.

ты расписных ваз*. Дополняли коллекцию античной керамики 25 амфор из Керчи. Столь же богатая коллекция керченского стекла включала около 190 сосудов разных форм и размеров: слезницы, вазочки, амфоры, алабастры, кувшины и ойнохои, чашечки и килики, флаконы, бутылочки, стаканы и бокалы. Их украшали цветные полоски, спирали, пятна, зигзаги.

Античное ювелирное искусство в собрании представляли изделия из золота: нашивные бляшки с чеканными изображениями (в частности Эротов), несколько витых браслетов с львиными головками, венки из листьев сельдерея, цепочки, ожерелья, кольца, фибулы, серьги с подвесками в виде фигурок Эротов, амфор и масок. Некоторые перстни украшены резными камнями. Среди золотых украшений выделялись ожерелье с 40 привесками и пояс с 453 бляшками, найденный в Керчи**.

Бобринской привел описания многих находок — принадлежавших ему памятников древности в своей трехтомной монографии***. В собрание также входили археологические находки из разных районов России: бронзовые изделия из Лужского уезда и Сибири, Виленской, Казанской, Астраханской губерний, изделия из кости северных губерний.

Обширная коллекция памятников древности Северного Кавказа, насчитывала более 1000 предметов из могильников Терской области — бронзовые зеркала, золотые и бронзовые украшения, бусы из пасты, изделия из глины и железа. Многие предметы относились к богатой шедеврами прикладного искусства кобанской культуре бронзового века. Бобринского интересовало не только древнее, но и более позднее прикладное искусство Кавказа, например изделия из стекла и сосуды****.

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 398. Л. 99 об.

** Бильвина О.Л. Граф А.А. Бобринской как коллекционер памятников античного искусства // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: материалы науч.-практ. конф. Одесса, 2008. С. 382–393.

*** Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1–3. СПб., 1887–1901.

**** Тихонов И.Л., Бильвина О.Л. Частное коллекционирование археологических предметов: история и проблемы // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. VII: Н.К. Рерих. Творимая легенда. Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путьяных, Боткиных. СПб., 2011. С. 126–152.

Помимо отечественных древностей, в собрании графа были бронзы из Болоньи, фрагменты стеклянных изделий из Швейцарии, с о. Капри, из Страсбурга. Первобытную культуру в собрании также характеризовали более 30 каменных орудий и множество мелких предметов из бронзы, в том числе нитки бус, стрелы, наконечники копий и несколько мечей, железные предметы из Ведени, изделия из камня, кости и рога. Всего в собрании Бобринского находилось свыше 1500 наконечников стрел*.

Бобринской обладал и богатой коллекцией средневековых русских предметов. Особенно выделялась собрание икон, насчитывающее около 200 произведений и других предметов церковного обихода (брачные венцы, церковная мебель, медные образки, иконы, выгравированные на камне, а также резные деревянные, медные и каменные кресты, в т. ч. нательные). Небольшую коллекцию перегородчатых эмалей составляли образа, кресты, перстни, украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Старинное русское ювелирное искусство характеризовали пуговицы (около 190 штук), застежки, перстни и серьги.

Бобринской пополнял археологическое собрание не только за счет собственных раскопок, многие памятники он приобретал у торговцев древностями. Так, А.Ф. Эльтерман, владелец часового и нумизматического магазина в Петербурге, узнав от своих клиентов, что граф «собирает древности», предложил ему купить античные монеты, терракоты, геммы, перстни и «прочие археологические вещи»**. Во время своего первого посещения Керчи в 1886 г. граф, по словам торговца древностями А.И. Иванова, купил у него изделия из золота за 215 р. и у Е.Р. Запорожского — древности на сумму 150 р. В 1891 г. Запорожский выслал ему античные керамику, изделия из золота и серебра***. Бобринской переписывался и с известным торговцем из Очакова Л. Гохманом, перепродававшим ему археологические находки. Гохман в 1893 г. предлагал графу расписные вазы, стекло золотые украшения, камни с надписями, резную кость, бусы и другое****. Иванов ин-

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 398. Л. 99–99 об; НА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 11. Л. 28–29.

** НА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 226. Л. 38.

*** Там же. Д. 168. Л. 1 об.

**** Там же. Д. 155. Л. 1.

формировал Бобринского о действительной стоимости древностей и предостерегал его от приобретения в Керчи поддельных терракот. Собрание пополнялось и случайными находками: одну из статуэток граф нашел на берегу моря.

Много случайных находок было куплено у окрестных крестьян, хорошо знавших об увлечениях и щедрости графа, и поэтому приносивших их в смелянскую усадьбу. Сын впоследствии так описывал один эпизод: «Помню, раз выходит отец к ожидавшему его крестьянину и берет в руки какой-то блестящий предмет. Он нашел его в своем огороде, километрах в двадцати от Смелы. По лицу моего отца было видно, что эта вещь его заинтересовала. „Сколько ты хочешь за эту вещь?“ ласково спросил крестьянина мой отец. Крестьянин, видимо не решался сказать слишком большую цену, думая, что отец тогда ее не купит. «Ну — что ж, восемьдесят рублей пожалуйста» — сказал крестьянин нерешительно. Мой отец ответил: «Это цена слишком низкая, я тебе дам сто рублей». Крестьянин просиял и не верил такой щедрости отца. Когда отец протянул ему сторублевую бумажку, крестьянин сказал: «Позвольте теперь с Вашей милости попросить три рубля на радостях». Отец рассмеялся и дал ему еще три рубля. Их можно будет пропить, а сто отложить в сберегательную кассу на черный день. Предмет этот оказался, к сожалению не цельным, а только частью золотого обруча-браслета со следами византийской эмали вероятно десятого века. Где и как пропала его другая часть, никто, конечно, не знал и не узнает. Впоследствии отец хранил эту вещь рядом с другими византийскими эмалями своей коллекции в витрине в петербургском доме*.

Несколько памятников Бобринскому подарил знаменитый археолог Генрих Шлиман. Среди них — «тройские камни», обломок жертвенного стола и чашечка из толстого желтого стекла**.

Некоторые предметы археологической коллекции помещались на специальных стендах в кабинете графа. Многие из них хранились в жилых и парадных комнатах (в витрине Белой гостиной) и просто украшали интерьер, как предметы восточного

* Бобринской А.А. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце / подг. к публ., предисл. и примеч. И.Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. 4. С. 512.

** НА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 11. Л. 29.

и европейского прикладного искусства из бронзы, например акваманы в виде животных. Некоторые сосуды хранились в оружейной комнате, старинные котлы — в Белой и Зеленой гостиных, а бронзовая ступа конца XVII в. — в кабинете*. В мае 1916 г. графом была сделана опись вещей в столовой, где находилось несколько предметов китайского декоративно-прикладного искусства. Золотые ювелирные изделия, в том числе и античные и греко-скифские, хранились в кабинете графа и в Белой гостиной. В инвентарной описи вещей 1923 г. упомянуты маски в комнате «З», глиняные сосуды в комнате «И»**. Персидская бронзовая посуда XII–XIII вв. украшала столовую. В одной из витрин хранились византийские эмали. В особой «иконной» комнате все стены были заняты старинными иконами.

Алексей Александрович нередко демонстрировал свои коллекции, например, на выставке VI-го Археологического съезда в Одессе в 1884 г., на мюнхенской выставке восточного искусства в 1910 г., а к Международному конгрессу по доисторической археологии и антропологии, прошедшему в Москве в 1892 г., был издан на французском языке специальный каталог демонстрировавшейся там коллекции каменных орудий из «Малороссии»***.

В 1902–1908 гг. граф пожертвовал Киевскому музею древностей и искусств множество каменных и костяных орудий, керамики, предметов бронзового века и бронзовых изделий скифской эпохи. Среди них были очень красивый акинак, 18 зеркал, 10 топоров, наконечники копий, браслеты, фибулы. Журнал «Киевская старина» сообщал по этому поводу своим читателям: «Коллекция эта, на соби́рание которой в течение нескольких десятилетий потрачено много труда и средств, находится в образцовом порядке и представляет собой крупный вклад в сокровища киевского музея»****. Значительные коллекции Бобринской также пожертвовал Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

* Там же. Л. 31; Д. 127. Л. 52–70.

** ЦГАЛИ СПб Ф. 36. Оп. 1. Д. 368. Л. 169, 169 об.

*** Antiquités de la Petite-Russie. Collection du Comte Alexis Bobrinsky. St.-Petersbourg, 1892.

**** Древности из собрания графа А. А. Бобринского // Киевская старина. 1910. № 10. Отд. 2. С. 30–31.

В ноябре 1917 г., уже после Октябрьского переворота, А.А. Бобринской, обеспокоенный судьбой своих коллекций, находящихся во дворце на Галерной улице, вернулся в революционный Петроград, приступив к выполнению своих обязанностей председателя Археологической комиссии и сотрудничая с Петроградской комиссией по охране памятников старины и искусства*. Некоторые коллекции Бобринского, в том числе и археологические, переданные им Археологической комиссии, были в апреле 1918 г. под его наблюдением перевезены из особняка на Галерной в помещения Археологического института на Фонтанку, 22. В 150 ящиках временно хранились среди картин и рисунков, гравюр и серебра, керченские древности: терракоты и стекло. В марте 1919 г. Археологический институт обратился в Отдел охраны и учета памятников старины с просьбой доставить ему остальные древности из особняка Бобринского**.

После реорганизации Археологической комиссии в Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК), в августе 1920 г. коллекции перевезли в помещение Академии в Мраморном дворце, и они поступили в организованный ею Музей истории материальной культуры. В 1920 г. Академия ходатайствовала о передаче всех археологических коллекций А.А. Бобринского с целью комплектования этого музея***. Впоследствии, на протяжении 1920-х гг., из РАИМК — ГАИМК в Эрмитаж поступили: коллекция бронз из 186 предметов (со склада древностей Академии в 1925 г., 197 художественно-бытовых предметов, разные предметы древности, в том числе краснофигурный кратер****. Но многие предметы, прежде входившие в коллекции графа, еще оставались в его доме. Библиотека Бобринского с 1919 г. находилась в ведении Музейного отдела, в 1920 г. была передана РАИМК, а затем Русскому музею. Охранная грамота на особняк Бобринского была получена еще летом 1918 г., благодаря чему удалось спасти от разграбления большую часть его обстановки. Согласно декрету Совнаркома, опубликованному в газете

* Тихонов И.А. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринской. С. 101.

** НА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 111. Л. 4, 6 об., 14; Д. 398. Л. 14.

*** ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 398. Л. 7.

**** Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 447/1. Л. 101–112.

«Северная коммуна», в 1918 г. было решено устроить во дворце Бобринского музей. 1 августа 1918 г. дворец-музей Бобринского, как ценный художественно-архитектурный памятник, содержащий собрания предметов художественно-исторического значения, был объявлен национальной собственностью, числящейся по Комиссариату народного просвещения, и передан в ведение Художественной комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины. В 1919 г. некоторые предметы, например медали, были «изъяты» из особняка для передачи в Эрмитаж. Часть книг по археологии из библиотеки графа, по соглашению с РАИМК, была в 1920 г. передана Самарскому университету, нуждавшемуся в таких изданиях*.

В конце 1922 г. постановлением Совета по делам музеев особняк Бобринского был передан Историко-бытовому отделу Русского музея уже не как памятник культуры, а как музейное помещение. Сотрудники Русского музея стремились восстановить его обстановку, характерную для быта русской аристократии второй половины XIX в. Там были развернуты несколько выставок, демонстрирующих коллекции фарфора и бисера. Предметы русского быта остались в особняке, а богатые археологические коллекции Бобринского (3150 предметов) в декабре 1922 г. были переданы в РАИМК. Впоследствии большая часть коллекции поступила в Эрмитаж, но некоторые вещи оказались разрозненными по различным музеям, и попали даже в Омск**.

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 398 б. Л. 6, 9, 16.

** Там же. Д. 368. Л. 98–100, 101; Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1015/1. Ч. 1. Л. 29; Кунина Н. З., Спирина И. В. Античное художественное ремесло в собрании Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Каталог. Омск, 1999. № 51.

И. А. Соболева

ДА НЕ ПОРВЕТСЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Первому председателю Ленинградского городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры академику Борису Борисовичу Пиотровскому посвящается

Он жил без суеты, последовательно воплощая две добродетели — нестяжание и служение.

«Общая газета»

Из ящика своего огромного письменного стола он вынул книгу. Молча протянул мне. Книга скромная, невзрачная. Серый бумажный переплет. Пожелтевшие от времени страницы. Первая книга будущего академика Бориса Пиотровского. И первое, сенсационное научное открытие: легендарное Ванское царство — неведомая прежде цивилизация — стала исторической реальностью. Молодой ученый явил миру из тьмы веков древнее государство Урарту — появилось новое направление в науке, урартоведение. Сейчас в любом учебнике истории, в любой стране есть глава о трудолюбивых и воинственных урартах. Трудно вообразить, что всего несколько десятилетий назад об этом народе не было известно ничего. Открытие принесло Борису Борисовичу мировую славу.

А книга... Первая книга — всегда событие. Незабываемое. Но эта — особенная. В ней — ключ к пониманию характера автора, а значит — его судьбы. С одной стороны — глубокое проникновение в тайны древнего мира, свойство не просто редкое, уникальное, давшее право одному из величайших мировых политиков нового времени Индире Ганди на церемонии вручения русскому археологу диплома почетного доктора Делийского университета восхищенно сказать: «Он наделен поразительной способностью видеть сквозь века». Книга эту способность

убедительно подтверждает. Но на титульном ее листе напечатано: «Светлой памяти моих товарищей, молодых ученых, павших при защите Ленинграда, посвящаю эту книгу». Пронзительные слова — из другой жизни, к судьбам древних цивилизаций отношения не имеющей. Вот в этом кажущемся противоречии на самом деле — сложное, всеобъемлющее, неразрывное единство интересов, смыслов, целей человека, чуть больше четверти века возглавлявшего Эрмитаж, и чуть меньше четверти века — Общество охраны памятников истории и культуры города, который принято называть культурной столицей России. Он так трепетно относился к памятникам прошлого, так знал и любил родной город, что мысль назначить его председателем Общества охраны памятников Ленинграда можно наверняка счесть одной из самых мудрых и продуктивных. Думается, именно это безошибочное назначение во многом определило и успехи организации, и ее безупречную репутацию.

Умеющий видеть сквозь века, он никогда не отводил взгляда от того, что происходит здесь и сейчас. В годы войны имел реальную возможность уклониться от бед и тревог своих соотечественников. Нет, не просто ради собственного покоя и безопасности, но во имя высокой цели — открытия человечеству затерянных страниц прошлого. Не захотел. Не смог. Разделил со своей страной всё, что выпало ей пережить. В первые дни войны пошел в военкомат, выстоял длинную очередь из тех, кто рвался в армию. Не по призыву, добровольно. На фронт его не отпустили. Объяснили: работа, которой он занят, должна быть завершена. Во славу отечественной науки.

Он писал свою первую книгу в самую страшную блокадную зиму, писал в часы, свободные от оборонных работ. При свече, в холодном и темном подвале Эрмитажа. Писал о битвах, отгремевших тысячелетия назад, а рядом каждый день умирали близкие, друзья и те, с кем не был знаком, но связан был самым прочным, кровным родством — они ведь тоже блокадники-ленинградцы. Может быть, завтра его черед... Значит нужно работать, нужно отказаться от отдыха — нужно успеть. Так он понимал свой долг. Хотя в душе-то был уверен: его место в солдатском окопе. Книгу он написал. Резонанс она имела ошеломляющий — на западе увидели: страна, залитая кровью, находит силы иссле-

довать далекое прошлое. Это удивляло, восхищало, а кое-кого и пугало... Но всем было понятно: у такой страны есть будущее.

«Мое обращение к Урарту, в общем-то, случайно. Николай Яковлевич Марр не просто посоветовал мне заняться поисками следов Ванского царства, а буквально заставил. Это он умел...», — рассказывал Борис Борисович. У академика Марра было безошибочное чутье на талант. Он поверил: этому юноше по силам задача, которую пока не удавалось решить самым маститым археологам. Поверил: его, упорного, целеустремленного, не остановит неустроенный быт экспедиций (годами), не испугают неизбежные неудачи. И еще понял: молодой ученый наделен научной интуицией, способен не только найти, но осмыслить и объяснить найденное; способен продолжить дело русских ученых, превративших археологию из охотницы за ценными предметами в науку о прошлом человечества. Пиотровский обойдет всю Армению. Будут вырыты сотни шурфов. Неудачи будут преследовать его. Многие, кто поначалу шли рядом, не выдержат. Он сделает свое открытие через 9 лет безуспешных поисков. Он откроет древний город Тайшенбаини, последний оплот урартского царства. Откроет страницу истории человечества, казалось, навсегда погребенную под восьмиметровым слоем земли.

Сейчас в зале Эрмитажа, где выставлены находки урартских экспедиций Пиотровского, установлена мемориальная доска в память об отце урартоведения, а когда он был жив, когда был директором музея, даже фамилия его не упоминалась, было написано только одно: «Найдено экспедицией Академии наук СССР». И в зале, где выставлены его египетские находки, свое имя упоминать запретил — воспользовался властью директора. Думается, это говорит о Борисе Борисовиче больше, чем самые красивые (и самые справедливые) слова о его скромности. Мне случилось в дорогих его сердцу местах, на склонах Красного холма Кармир-Блура встречаться и долго беседовать с его учениками, участниками урартских экспедиций. Ни один не скрывал восхищения учителем, каждый вспоминал какой-то его поступок, это восхищение питавший. В 1935 г. он несколько месяцев провел в тюрьме. Говорить об этом не любил. В отличие от многих, кто подобными фактами своей биографии в конце 1980-х — начале 1990-х охотно бравировал. Экспедиции в какой-то мере избавляли

его от назойливого внимания соответствующих органов. Уже познавший, что такое лишение свободы, он, казалось, должен быть если не напуган, то хотя бы научен разумной осмотрительности. А он принимал на работу в своей экспедиции людей, которым угрожал арест,— прятал их в труднодоступном горном лагере, спасал. Он прекрасно знал, чем ему это грозит... И еще один штрих к портрету. Когда в 1988 г. случилось страшное землетрясение в Спитаке, он немедленно отдал свою квартиру в Ереване людям, оставшимся без крова. Не друзьям. Не знакомым. Просто тем, кто больше других нуждался.

К сожалению, академик Марр не дожил до триумфального открытия, сделанного его любимым учеником. А ученик, уже ставший академиком, уже познавший мировую славу, всегда (!), когда речь заходила об Урарту, подчеркивал, что главная заслуга в этом открытии принадлежит академику Марру, который отправил молодого археолога на поиски исчезнувшей древней цивилизации. Вообще отношение к учителям — едва ли не главная черта, свидетельствующая о подлинной интеллигентности и душевном благородстве или об их отсутствии. Мне выпало не раз и не два разговаривать с Борисом Борисовичем о том, как он «дошел до жизни такой». И всегда (!) он не с благодарностью даже, а с благоговением говорил об учителях. И не только о равновеликих: академиков Н. Я. Марре, И. А. Орбели, И. И. Мещанинове, не только о людях, известных всему миру (А. Ф. Кони, В. Э. Мейерхольде, П. К. Козлове), которые когда-то приходили проводить занятия в школу, где он учился. Постоянно повторял: «Не мешало бы нам вернуться к этой традиции...». И сумел убедить многих членов президиума Общества охраны памятников, выдающихся ученых, выступать перед школьниками. Он утверждал (и подтверждал делом), что воспитание молодых — гражданский долг каждого, кто любит свою страну, свой город, а не только тех, кто занимается воспитанием в силу служебных обязанностей. Шел 1922 год. Известный египтолог Н. Д. Флитнер пришла в школу, чтобы рассказать подросткам о раскопках гробницы Тутанхамона. Ее поразила недетская глубина вопросов, задаваемых одним из слушателей. Она подошла к мальчику, предложила: «Приходите ко мне в Эрмитаж. Если хотите, буду заниматься с вами древнеегипетским языком». Боре Пиотровскому было 14 лет. Судьба его была решена...

С трепетом открывая высокие двери служебного подъезда музея, он осмеливался только мечтать: когда-нибудь — если докажет, что достоин — ему позволят стать сторожем в этих священных стенах. А ему (уже признанному во всем мире археологу и египтологу) предложили стать директором Эрмитажа. Сопrotивлялся упорно: понимал, такая работа, такая ответственность просто не оставят времени для занятий главным делом жизни — наукой. К тому же был уверен: администрирование — занятие неинтересное, складу его характера чуждое. Легенда гласит: сдался Пиотровский после того, как в очередной раз вызвав его в свой кабинет в Смольном, глава ленинградского обкома воскликнул с возмущением и обидой: «Что, мне перед вами на колени что ли встать прикажете!?!». Ему стало неловко, и он согласился... Жалел ли об этом согласии хотя бы иногда? «Каторга, каторга...», — приговаривал время от времени. Но это вовсе не значило, что готов был попроситься на волю: Эрмитаж он любил преданно и страстно. А любимых, как известно, не предают, с ними не расстаются. Единственное, что могло бы заставить его по своей воле уйти из Эрмитажа — осознание, что не достоин занимать свой пост: превратился в чиновника, не занимается главным — наукой. Чиновником он стал не по духу, а исключительно по табели о рангах. Наукой занимался до конца. И, как всегда, плодотворно.

Высочайший уровень его работ по археологии и египтологии уже никого не способен был поразить. Этот уровень — норма. Личная норма Пиотровского. Этой норме в полной мере соответствовали и, на первый взгляд, далекие от его основных научных интересов исследования, которыми он предвещал эрмитажные выставки шедевров мирового искусства. На самом деле, круг его интересов, его эрудиция не знали границ. И если его работы по археологии были в значительной части адресованы специалистам, то, обращаясь к темам историко-искусствоведческим, он выполнял одну из главных функций возглавляемого им Общества: просветительскую. Его выступления (и лекции, и статьи) доходчиво и ярко объясняли, что такое памятники, почему, для чего их необходимо оберегать и хранить. И именно от Общества зависело, чтобы на эрмитажных выставках побывало как можно больше народа, а уж члены Общества — непременно. Приобщение

к чужой истории и культуре заставляло еще внимательнее приглядываться к тому, что тебя окружает, по достоинству оценивать еще недавно казавшееся привычным. О такой переоценке ценностей, о том, что знакомство с чужим открывало глаза на свое, я слышала не раз. А все возрастающий интерес к своему, родному умело и высокопрофессионально поддерживал организованные Обществом лектории «Памятники архитектуры Ленинграда», «Выдающиеся зодчие нашего города XVIII–XIX веков», клубы знатоков города, университеты культуры, экскурсии. Сам Борис Борисович выступал не очень часто, но темы лекций, характер оценок и конкретные предложения о судьбах памятников с ним обсуждали обязательно. Кстати, о его лекциях. Мало кто знал: он с детства заикался так, что едва мог говорить, а уж о том, чтобы читать лекции, и помыслить было невозможно. Он вылечил себя сам. Иногда между словами он произносил странное «вхт». В этом было что-то загадочное и это еще усиливало его неотразимое обаяние. А методикой он охотно делился со всеми, кто страдал заиканием. Он вообще всегда щедро, бескорыстно одарял идеями, знаниями, опытом любого, кто в этом нуждался. Все ли помнят об этом?..

Память вообще-то охотно и долго хранит добро. Но, случается, напоминает о том, что хотелось бы забыть, зачеркнуть, в чем чувствуешь свою непоправимую вину: промолчала, не сделала того, что могла бы... Вот и сейчас — воспоминание вовсе не юбилейное. Давным-давно, лет 30 назад по городу поползли слухи: против ленинградских памятников — зловещий заговор, а Общество охраны памятников не только не встает на их защиту, не просто бездействует, а полмиллиона в год — наши взносы — тратит на зарплату своих сотрудников, на премии и еще неизвестно на какие темные цели. Слухи. Как в большинстве случаев — злобные, глупые, подлые. Наверное (наверняка!) нужно было кричать, знакомить всех с реальным положением вещей. Нужно было всем вместе встать на защиту человека, который всю жизнь защищал других. Не встали... Не потому, что боялись. Просто он казался таким самодостаточным, таким недоступным для грязи...

Я сидела в кабинете, где обыкновенно бывало захватывающе интересно (хозяин — блистательный рассказчик), но — главное — удивительно тепло: расположение и искренний интерес к тому,

что волнует посетителя (гостя), помогал успокоиться ли, принять ли важное решение, да просто без лени и равнодушия взяться за дело, которое до визита сюда казалось непосильным. В тот день Борис Борисович был непривычно замкнут. В глазах, не просто уставших, а каких-то потухших, даже не обида, нет, — недоумение. Ему, разумеется, о гнусных слухах доложили. Мог бы отмахнуться: к самым нелепым сплетням привык. Мог бы выступить по телевидению с отповедью злопыхателям. Ему бы дали слово, не посмели бы отказать директору Эрмитажа, академику, Герою Социалистического Труда. Тем более что располагал всеми документами, опровергающими мерзкие слухи. Ему предлагали. Он — отказался. Из вполне понятного чувства брезгливости: ничего кроме презрения источник слухов не заслуживал (его тогда удалось определить без особых усилий). Он устал и, главное, — был растерян: его пытались убедить, что слухи исходят из «Группы спасения историко-культурных памятников Ленинграда» — объединения молодых защитников памятников родного города. А ведь ему так по душе были их горячность, отвага, бескомпромиссность. Да, расхождения с ними были. И немалые. Но больше — в методах борьбы. А цели-то добивались общей: отстоять, спасти бесценные памятники — спасти Ленинград. Бороться с теми, с кем надеялся сотрудничать? Употребить свой авторитет, свои звания против молодых, которые так привлекали юношеской целеустремленностью? Нет. Это было не для него. Гласность — если она не просто модное слово — могла бы легко расставить многое по своим местам. Помню, какая эйфория охватила всех, кому безразлична судьба нашего города, когда стало известно о решении Горисполкома по поводу домов, связанных с жизнью Ф. М. Достоевского. О том, что защищать национальную историческую святыню взялась группа «Спасение», узнал весь город. И голос молодежи был услышан. Это была победа. Не так уж важно, кто ее одержал, — важен результат. И всё же едва ли следует забывать о тех, кто начинал борьбу. А начал спасать дом по улице Гоголя, 23/8 Б. Б. Пиотровский. Были хождения по инстанциям, были просьбы, требования. Много было... К сожалению, во все времена нашей жизни это далеко не всегда приносит успех. К тому же никто не знал о попытках Общества спасти мемориальное здание. И еще подобный, тоже

многими не забытый случай. 11 сентября 1986 г. после тревожного звонка поэта Ильи Фоянкова (одного из активистов Общества): «Собираются сносить дом Дельвига!» Пиотровский собрал заседание президиума. Написали резкое, безупречно аргументированное письмо в Горисполком. 19 октября (заметьте, через месяц и 8 дней) в защиту дома Дельвига выступила молодежь. К этому дню работы по сносу были уже приостановлены. Но о действиях Общества знали только заинтересованные организации. О выступлениях молодежи, о бурных митингах узнали все... Как-то Борис Борисович напомнил мне Маяковского (блестяще его знал и любил): «Сочтемся славою — ведь мы свои же люди...». Наверняка Обществу следовало хоть как-то внятно и доходчиво рекламировать себя, а то ведь о его большой работе широкой публике было практически ничего не известно. Но время было другое. Считалось: нужно делать полезные дела (и делали постоянно), а рассказывать о них (похваляться) — занятие для интеллигентных людей даже не просто недостойное — непристойное.

Что же касается «корыстолюбия» сотрудников Общества, дело обстояло так: административный аппарат городского отделения — 4 человека, кроме них в штате 5 консультантов и по одному ответственному секретарю в каждом районе. Средняя зарплата — 140 рублей. Председатели районных отделений материального вознаграждения за свою деятельность не получают. О председателе городского отделения нечего и говорить: за 24 года Борис Борисович не получил за работу в Обществе ни рубля. Более того, он отказался от зарплаты директора Эрмитажа! Говорил: мне платят за членство в Академии наук, этого достаточно. Тех немногих, кто об этом знал (были их единицы), его бескорыстие тогда восхищало. Сейчас, когда деньги для большинства стали единственным кумиром, вызывает разве что недоумение, а то и нескрываемое раздражение. Я знаю еще только одного человека, отказавшегося от вознаграждения за свой труд. Это был великий князь Константин Константинович Романов (поэт К. Р.). 26 лет возглавлял он Императорскую Академию наук. Полагающейся по должности оплаты не получил ни разу. Так что компания у Бориса Борисовича более чем достойная. Трудно даже представить, как воспринял академик Пиотровский слухи о том, что возглавляемое им Общество растрчивает взносы сво-

их членов на собственные нужды. Оправдываться он с понятной брезгливостью отказался. Отказался и выяснять отношения с появившимся в Эрмитаже в начале перестройки советом трудового коллектива, посчитавшим себя вправе взять под контроль всю жизнь музея. Вошли в тот совет по большей части люди в науке не состоявшиеся, почитавшие себя непризнанными гениями и в этом непризнании обвинявшие, естественно, не себя, любимых, а других — успешных и признанных. Самым виноватым был, разумеется, директор. Он и сам считал себя виноватым. Но не в том, в чем они его пытались обвинять. В другом: слишком доверял всем, наивно верил, раз эрмитажник, значит — единомышленник, значит — фанатичный патриот музея, значит — органически не способен совершить ничего во вред музею, во вред родному городу. Он прожил долгую жизнь, но так и остался романтиком... А ведь очень хорошо помнил 1920-ые годы, когда к власти пришли швондеры и шариковы. Тогда их удалось победить. Но тогда он был молод...

Та наша последняя встреча была в начале июня рокового 1990 года... Возможно, для него не было тайной, что уже готова резолюция митинга, который через несколько дней организует во дворе музея совет трудового коллектива. Возможно, он знал: его попытаются оклеветать, да еще и унижить... Я, понятно, об этом не знала. Но осмелилась сказать (тогда казнила себя за бестактность, теперь именно эта бестактность дает право говорить о его отношении к Обществу охраны памятников): «Ни один нормальный человек этим гадостям не верит. Но Вам-то зачем такая нервотрепка. У Вас и так хлопот и обязанностей сверх меры. Откажитесь от Общества...». Куда девалась его усталость, его отрешенность! Глаза вспыхнули привычной готовностью к действию: «Не дождутся! Пусть у меня заберут все общественные нагрузки! Общество — не отдам! С ним и с Эрмитажем останусь до конца». Так и случилось. Но сначала был тот митинг, разрушивший казавшееся незыблемым благородство эрмитажных традиций, покусившийся на достоинство человека, служившего Эрмитажу бескорыстно и блистательно всю свою жизнь.

Через несколько дней он заболел. Инсульт. Увезли в больницу Академии наук. Лето 1990 года было тяжелое, жаркое, все мечтали вырваться из душного города. В больнице начинался

долгожданный коллективный отпуск. Сотрудники отделения, на которое положили академика Пиотровского, от отпуска отказались (к слову, в большинстве были они членами Общества охраны памятников). Врачи, сестры милосердия делали всё... Он скончался 15 октября 1990 г., не дожив всего 4 месяцев до 83 лет. Эрмитажем руководил 26 лет. Обществом охраны памятников — 24 года.

К концу жизни Бориса Борисовича в городском отделении Общества состояло без малого полмиллиона ленинградцев (сейчас — около тысячи жителей Санкт-Петербурга). Кое-кто до сих пор пытается объяснить тогдашний огромный охват горожан тем, что Общество якобы было чисто советской государственной структурой, и вступали в него по указанию «сверху». Нельзя не признать, в определенной мере злопыхатели были правы — иногда руководителям рекомендовали: было бы неплохо, если бы сотрудники вашего предприятия стали коллективным членом Общества охраны памятников. Но даже в таких случаях никого не заставляли вступать в Общество насильно. Да в этом и не было нужды. Вступали в организацию, цель которой видели в спасении города, охотно и вполне сознательно. Но даже если членом Общества становился человек, которому впервые объяснили, в чем непреходящая ценность того, что его окружает, он уже не мог позволить себе быть варваром в собственном городе.

Борис Борисович видел главную, реально выполнимую задачу Общества именно в просвещении. Археологу легко стать пессимистом. От него не скрыты причины и смысл трагических катаклизмов прошлого. Он-то знает: из тысячелетия в тысячелетие самые прекрасные творения человеческих рук гибли в пламени войн, их разрушало и беспощадное время, и безумие вандалов, в том числе и обычных граждан, которые уничтожают памятники просто мимоходом, не осознавая, что творят. Музей городской скульптуры ежегодно составляет «смету на вандализм». На реставрацию выделяют огромные средства, но нередко уже на следующий день реставраторы вынуждены снова вести восстановительные работы. Именно так обстоит дело с конями Клодта на Аничковом мосту, скульптурами львов на Адмиралтейской набережной, грифонами на Банковском мосту. Между тем в Ленинграде случаи вандализма были большой редкостью. Лишь однажды варвары

попытались сбросить с постаментов мраморные скульптуры в Летнем саду. Но тогда был потрясен весь город, а поиском вандалов занимались лучшие профессионалы. О ходе расследования сообщали председателю Общества охраны памятников. Правда, при жизни Бориса Борисовича случился самый чудовищный акт вандализма: 15 июня 1985 г. психически больной литовец Бронюс Майгис облил рембрандтову Даная серной кислотой и нанес ей два удара ножом. Потом, уже выйдя на свободу в ставшей самостоятельной Литве, он заявил, что ничуть не сожалеет о содеянном: «Значит, ее плохо охраняли и берегли...». Никогда не забуду лица директора Эрмитажа, когда он увидел, что стало с одним из величайших шедевров мирового искусства. Мне показалось тогда, что вместо, да, пусть не молодого уже, но такого привычно бодрого, подтянутого, энергичного человека передо мной глубокий старик. Он сумел это преодолеть, но шрам на душе остался. Еще за несколько лет до случившегося, вернувшись из Москвы, он с горечью рассказывал, что его очередная попытка добиться, чтобы хотя бы несколько картин, самых-самых, были закрыты специальным бронированным стеклом, снова оказалась безуспешной. Среди этих картин была и «Даная», и «Блудный сын», и «Мадонна Литга». Других, к сожалению, не помню. Ему отказали: слишком дорого. Просветительская деятельность Общества охраны памятников и председателя его Ленинградского отделения на высокое начальство не распространялась... А он чувствовал себя виноватым в том, что случилось. Нелепо, незаслуженно, несправедливо, но...

Что же касается его стремления привлечь в Общество как можно больше людей, то сама его причастность к работе организации была притягательна. От многих друзей и знакомых, в том числе и весьма скептически настроенных по отношению к любым массовым движениям, я слышала: раз там во главе сам Пиотровский, есть надежда, что дело по-настоящему стоящее. Гипноз его имени значил очень много. А со временем вокруг него собрались не просто единомышленники (что само по себе дорогого стоит), но подвижники, готовые самоотверженно служить родному городу. Каждый — личность уникальная, профессионал самой высокой пробы. В этот блистательный круг входили профессор Валентин Михайлович Ковальчук (он многие годы руководил

исторической секцией), тогдашний директор музея истории города Людмила Николаевна Белова, доктор архитектуры Сергей Владимирович Семенцов, профессор Виктор Иванович Муштуков, выдающийся знаток петербургской архитектуры профессор Юрий Михайлович Денисов, директор Русского музея Василий Алексеевич Пушкарев, генеральный директор заповедника «Царское Село» Иван Петрович Саутов, архитекторы Василий Никифорович Питанин и Валериан Дмитриевич Кирхоглани, председатель клуба знатоков Ленинграда Густав Александрович Богуславский, кандидат искусствоведения Борис Михайлович Кириков, директор заповедника «Петродворец» Вадим Валентинович Знаменов. Список сподвижников академика Пиотровского можно было бы продолжить. Каждый из этих людей достоин отдельного рассказа, так много сделали они для родного города. Но расскажу, пусть и совсем кратко, только об одном, о заместителе председателя Общества Льве Павловиче Тихонове, человеке достойнейшем, потомственном ленинградском интеллигенте, блестящем эрудите, признанном знатоке истории города, его архитектуры, авторе интереснейших книг о ленинградских музеях. Как в любой общественной организации, должность председателя в основном почетная. Правда, Борис Борисович никогда не чуждался практических дел, но повседневная организационная и хозяйственная работа ложилась на плечи штатного заместителя и его немногочисленных помощников: руководителя секции памятников архитектуры, организатора и руководителя секции коллекционеров, известного искусствоведа Ирины Владимировны Рудневой, руководителя секции молодежи, клубов знатоков и кинолюбителей Ирэны Александровны Мартыненко, и, конечно же, бессменного в течение почти тридцати лет ответственного секретаря Общества Валентины Ивановны Васильевой. Все эти годы она была и для Тихонова, и для Пиотровского надежной поддержкой и опорой. Работать вместе им было легко: Лев Павлович уважал Пиотровского безгранично, признавался, что преклоняется перед ним. Борис Борисович своему заместителю доверял абсолютно. И не только в вопросах профессиональных, но и когда дело касалось приема на работу новых сотрудников. Он всегда задавал своему заместителю вопрос: «А человек он хороший?». Коллектив в Обществе

был небольшой, и именно это — «А человек он хороший?» помогало подобрать людей не только знающих и любящих дело, которым им предстояло заниматься, но верных долгу и бескорыстных. Обстановка в Обществе была дружеской, доброжелательной, при том, что требования к сотрудникам были очень высоки.

После ухода Бориса Борисовича председателем Общества избрали Владимира Григорьевича Лисовского, выдающегося искусствоведа, профессора кафедры истории и теории архитектуры института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Он долго отказывался. Не потому, что работа требовала слишком много времени и сил. Просто был уверен: заменить Пиотровского невозможно. Это ведь только самоуверенные посредственности считают, что незаменимых людей нет...

Когда прохожу мимо окон его кабинета на Дворцовой набережной, мимо дома на Мойке, мимо храма Всех Скорбящих Радости, где долгие годы работало Общество охраны памятников, которому он отдал едва ли намного меньшую частицу своей души, чем Эрмитажу, с особенной остротой понимаю: незаменимые люди есть. После его смерти прошло 26 лет. А печаль сиротства не прошла. И всё же, всё же, всё же... Пока живет о человеке благодарная память, смерть над ним не властна.

Л. В. Глушкова

ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ

Идеи Охраны памятников истории и культуры получили распространение в эпоху Возрождения вместе с интересом к античному искусству и развитием коллекционирования. В период Великой Французской революции декретами Комитета по охране собственности памятники истории и культуры Франции впервые были объявлены всенародным достоянием, были национализированы частные коллекции (Декрет о создании музея Лувра. 1791). В 1795 г. во Франции возникла государственная служба охраны памятников. В XIX—начале XX в. с ростом национального самосознания народов Европы во многих государствах памятники истории и культуры берутся под государственную опеку (Закон о запрете вывоза памятников искусства, издан в Греции в 1834 г.), создаются государственные инспекции (во Франции— в 1830 г., в Пруссии— 1843 г.), издаются Положения (во Франции— 1887 г., дополнено в 1962 г.), в Италии— в 1902 и 1909 гг., дополнено в 1939 г.), в Польше— в 1918 и 1928 гг.) и законы об охране памятников, начинаются работы по их научной систематизации, каталогизации, консервации и реставрации. После Второй мировой войны 1939–1945 гг., в ходе которой фашистами были варварски разрушены города и памятники, в конце 1940–1950-х гг. была активизирована работа по охране памятников истории и культуры. Положения по охране памятников были изданы в Польше (1945 г., обновлено в 1962 г.), в Японии (1950 г.), в Египте (1951 г.), в ГДР (1952 г., обновлено 1962 г.), в Чехословакии (1958 г.), в Югославии (1959 г.), проведены огромные работы по восстановлению и реставрации памятников, пострадавших во время войны.

По инициативе ЮНЕСКО на Гаагской конференции 1954 г. были приняты Международная конвенция и протокол «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». Вопросами охраны памятников занимаются Международный совет музеев (1946 г.), Международный исследовательский

центр по охране и реставрации культурных ценностей (1959 г.), Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест (1965 г.).

В России меры по охране отдельных памятников старины впервые были приняты Петром I (1722 г.). В соответствии с Указами 1836 и 1839 гг. была утверждена государственная опека над памятниками и начата работа по их учету и каталогизации. Большой вклад в организацию этой работы внесли Императорская археологическая комиссия (основана в 1859 г.) и Московское археологическое общество (1864 г.). В XIX в. в российском обществе под влиянием романтических идей Франции и Италии, которые стали идеалом в области охраны старины. В обществе складывается общественное движение сохранения исторических памятников. Яркими представителями этого движения были Андрей Петрович Аплаксин, русский архитектор, гражданский инженер, художник, археолог, реставратор, историк русской архитектуры; литератор и Алексей Николаевич Апухтин, поэт и правовед. Древняя русская архитектура и иконопись воспринимались как предмет культа. В этот же период во Франции Проспер Меримэ и Стендаль (Марй-Анри Бейль) впервые в Европе стали создавать опись исторических памятников.

Современная организация охраны памятников во Франции очень сложна и непрямолинейна, а в таком богатом исторически и культурными достопримечательностями городе, как Париж, она представляет собой разветвленную многоуровневую сеть. Во Франции все вопросы охраны культурного наследия находятся в ведении Министерства культуры и коммуникации. Охрана осуществляется одновременно на нескольких уровнях, в ходе международного сотрудничества, в рамках государственной охраны и в практической деятельности органов муниципального управления.

«Исторический памятник» во Франции— это объект, получивший юридический статус. Исторические памятники имеют один из двух уровней охраны: памятники, представляющие национальный интерес, вносятся в реестр культурного наследия и называются «классифицированные» (classes), памятники, значимые на региональном уровне, регистрируются в дополнительном списке и называются «внесенные в опись» («inscris»). По отношению

к классифицированным памятникам применяются более строгие меры по охране и сохранению. Охрана может касаться как всего здания, так и отдельных его частей, внутреннего его убранства или окружающей его территории. Согласно принципам децентрализации власти, в каждом регионе и в каждом департаменте существуют местные представительства Министерства двух уровней: региональный и департаментский. Например, регион Иль-де-Франс состоит из 8 департаментов, в том числе город Париж, в котором действует Территориальная служба архитектуры и наследия Парижа и который разделен на зоны по округам, в ведении отдельных архитекторов, архитектора по наследию и главного архитектора. Французское законодательство вводит особые Охранные зоны архитектурного, городского и пейзажного наследия, а также принцип «одновременной видимости» («*covisibilite*»), 500-метровой охранной зоны вокруг классифицированных зданий, которые отмечаются особым знаком прообразом его стало изображение лабиринта Реймского собора. В состав парижской мэрии входят организации, отвечающие за охрану исторических памятников: Департамент истории архитектуры и археологии Парижа, Комиссия Старого Парижа, Департамент исторических и культовых зданий. В 1905 г. во Франции был принят закон о разделении церквей и государства, согласно которому культовые здания, построенные после принятия закона, принадлежат религиозным ассоциациям. В 2006 г. был введен новый самый нижний уровень охраны — муниципальная охрана памятников, что предполагает 3 вида охраны: «охрана города Парижа» (здания, находящиеся под этим видом охраны не могут быть разрушены); «особый морфологический режим», который допускает частичные перестройки, и «режим описания», который обращает внимание на особый интерес к зданию.

Все памятники истории и культуры всех уровней охраны сведены в единый Общий атлас Местных градостроительных планов, который является одним из важнейших документов в области охраны памятников во Франции. На каждом плане классифицированное здание обозначено «розовыми звездочками», памятники, записанные в опись, — «черными звездочками», а памятники, находящиеся под муниципальной охраной, помечены штриховкой. Одной из особенностью Местного плана градостроительства яв-

ляются так называемые «веретёна защиты ландшафтов Парижа» (дословно) — свод законов, охраняющих выдающиеся виды, панорамы (например, площадь Шарля де Голля, холм Монмартр, парк БютШомон), видовые площадки (например, Эйфелева башня, Триумфальная арка и церковь Сен Сюльпис) и зрительные ансамбли и видовые лучи (например, Отель инвалидов, Сакре Керр и Пантеон).

В 1996 г. была создана Комиссия по сохранению произведений религиозного и гражданского искусства. Она участвует в популяризации исторического наследия города Парижа, представляя объекты на различных выставках, и в течение многих лет участвует в проведении Дней Наследия (третьи выходные сентября).

Можно с уверенностью сказать, что идеи сохранения памятников истории и культуры во Франции и России исторически были связаны. Анализ современного французского законодательства дает возможность заключить, что можно опираться на положительный опыт в этой области.

Список использованной литературы

1. О мерах по сохранению историко-культурного наследия народов Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2009. № 5 (372). URL: http://www.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25834/.
2. Охрана и использование памятников истории и культуры: сб. документов. Алма-Ата, 1979.
3. Охрана памятников культуры в Европе: Франция. URL: https://ria.ru/save_moscow/20081009/152846172.html.
4. Léon P. La vie des monuments français: Destruction, restauration. Paris, 1951.

А. И. Капитонова

ЧТО НАМ ОСТАЛОСЬ ОТ СТАРОГО ГОРОДА? АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖИЛОГО ФОНДА

Дом для каждого из нас понятие важное и трепетное. Квартира, ее планировка и отделка много скажет о ее хозяине, его привычках, а также о характерных чертах эпохи, ее нормах жизни и быта. С этой точки зрения дореволюционный, исторический жилой фонд является неоценимым источником сведений о повседневной жизни петербуржцев столетие назад. Большая часть старого фонда — это квартиры с неповторимой атмосферой духа времени: лепной отделкой, каминами и печами, которые имеют, помимо исторической, художественную ценность.

Сколько его, действительно, осталось, нетронутого, подлинного дореволюционного жилого фонда? К сожалению, судить об этом мы можем только приблизительно.

Из первых статистических справочников Ленинграда известно, что площадь жилого фонда к 1917 г. составляла 17 млн кв. м. За время революции и Гражданской войны, «вследствие нехозяйственного отношения и отсутствия пополнения жилого фонда» (в действительности же скорее всего за счет разборки деревянных барачных и массового заселения барских квартир) к 1923 г. произошла убыль площади жилого фонда на более чем 3 с половиной миллиона кв. м. Далее к потерям можно отнести уничтожения и сильные разрушения жилых зданий в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, а также площадь жилого фонда, прошедшего советский комплексный капитальный ремонт: 4 млн и 2,3 млн кв. м. соответственно. Таким образом получается, что чуть более 7 млн кв. м. подлинного исторического жилого фонда сохранилось в Петербурге к началу 1990-х гг., что составляет около 40% от первоначальной его площади.

Что из себя представляет как таковой подлинный исторический жилой фонд, дошедший до нас в нетронутом виде? Большая его часть это многокомнатные коммунальные квартиры. В настоящее время в Петербурге насчитывается около 85 тыс.

коммунальных квартир, которые расположены в основном в историческом центре города (Центральном, Адмиралтейском, Василеостровском и Петроградском районах).

Как правило, до революции такие квартиры сдавались внаем зажиточным хозяевам, а с приходом советской власти были экспропрированы и уплотнены. В то время для очень многих комната в коммунальной квартире стала улучшением жилищных условий, позволила переселиться из углов и подвалов, и в целом соответствовала представлениям о быте советского гражданина. Однако на сегодняшний день такие условия не соответствуют современным требованиям комфорта жилья. Расселение коммуналок началось еще с периода послевоенного типового массового строительства, в 1990-х гг. этот процесс значительно усилился. Сейчас в Петербурге действует государственная программа по расселению коммуналок, которая помогает приобрести отдельное жилье.

Но что происходит в наше время с расселенными, опустевшими коммунальными квартирами? В большинстве случаев вариантов всего два: либо квартира целиком переходит к новому хозяину, который имеет средства, чтобы выкупить ее полностью или участвовал в расселении квартиры, то есть становиться, как и в прежние времена, «барской», однако такое случается нечасто. Второй, более распространенный вариант, когда в такой квартире размещаются офисы или мини-отели, с переводом помещений в нежилой фонд. Таким образом, центр города становится всё менее жилым и всё более только деловым.

Теме соотношения деловых и жилых зон в историческом городе посвящены работы архитекторов конструкторских бюро, проводивших реконструкцию жилого фонда в позднесоветское время. Так, М. М. Калинин в труде «Основы преобразования жилой застройки» 1987 г. отмечает, что чрезмерное сокращение населения и жилого фонда в центрах городов вызывает нежелательные изменения, а именно: увеличение и неравномерность нагрузок на транспортную сеть, инженерные системы, системы культурно-бытового обслуживания. Незначительное количество постоянно населения в центре ограничивает выбор видов использования самой исторической среды. Пустующие по вечерам районы становятся малопривлекательными.

В современной действительности «старый фонд» стремительно движется по пути увеличения доли нежилой зоны, что является очень опасной тенденцией. Если не найти ключ к решению данной проблемы, у исторически «жилого» Петербурга при современных требованиях нет будущего. Петербург продолжает оставаться городом «для богатых», которые могут позволить себе многокомнатные апартаменты в центре, либо его удел перестать быть жилым, а значит живым в прямом смысле этого слова.

Вторая большая проблема сохранения исторического жилого фонда это утрата его подлинности. Попадая в руки новых хозяев, отдающих предпочтение современным «свободным» планировкам, квартиры поддаются нещадной перепланировке, сносу стен и перегородок. При этом, как правило, утрачивается декор, отделка комнат, лепнина. Старинные печи и камины стремительно становятся артефактами: никогда не топившие печей и не признающие в них эстетической ценности, люди отдают их на слом, чтобы освободить место для шкафа или холодильника. На сайте «Авито» можно встретить сейчас более 5 старинных печей и каминов «на самовывоз» за неделю. Снимают с петель старые двери (как входные, так и межкомнатные), заменяют окна, часто с чудом уцелевшей за столетие латунной фурнитурой, шпингалетами и витражами. Всё это идет на помойку или в металлолом.

К сожалению, ситуацию сложно контролировать даже в домах-памятниках, где ценные интерьеры находятся под охраной. После обращения по поводу несанкционированного «ремонта» или перепланировки, КГИОП начинает сбор всех необходимых бумаг для организации проверки, это занимает очень длительное время, что делает, в результате, эти мероприятия бессмысленными. Почти невозможно проверить сохранность находящихся на учете интерьеров, а также поставить на учет неучтенные в ходе проведения историко-культурных экспертиз: жильцы имеют право отказать в осмотре убранства квартиры. При включении здания в реестр эксперты стали обосновывать отсутствие в предмете охраны интерьеров, прямо ссылаясь на статью Конституции о неприкосновенности частной жизни.

По мнению «охотников за артефактами» наилучшая сохранность внутреннего убранства остается как раз в коммунальных

квартирах, где в ожидании расселения, никто не берется делать ремонт.

Что можно предложить, чтобы попытаться сохранить исторический жилой фонд в современных условиях? Параллельно с расселением коммунальных квартир, необходимо разработать методы их щадящей перепланировки путем разделения их на квартиры меньшего метража, для дальнейшего повторного заселения. Планировка старинных квартир вполне позволяет это сделать: в основном они имеют два, а то и больше выходов на лестницы, соответственно, парадную и «черную».

Что касается проблемы сохранения внутреннего убранства старых домов, необходимо совершенствование механизмов охраны аутентичных элементов старины, разработка таких механизмов для планировочной структуры домов, и, возможно даже, введение режимов ограничения права собственности для обеспечения контроля за соблюдением закона.

Ю. И. Какашерская (Чуруксаева)

РАТОБОРЦЫ ГОРОДА МУЗ

Памяти Чуруксаевых,
отца и брата

РАТОБОРЦЫ — это редкое и забытое слово, употреблявшееся в России в XVIII–XIX вв. и обозначавшее ревностных защитников, поборников чего-либо. Однако и в наше время это определение очень подходит людям, ратовавшим за сохранение нашей культуры и истории.

Как известно, Царское Село, ранее Сарская мыза, сейчас город Пушкин, было излюбленным местом отдыха многих поколений царской семьи Романовых. Возводились дворцы, усадьбы, общественные здания. На раннем этапе чаще строились деревянные здания, тем не менее, элементы декора напоминали архитектуру каменных сооружений. Преобладавшие в городской застройке, деревянные здания требовали особой заботы для их сохранения.

В советское время вопросом охраны, изучения и пропаганды памятников в Царском Селе занималось Пушкинское отделение ВООПИИК, образованное в 1968 г. Первым ответственным секретарем стала Вера Константиновна Ежова, через два года ее сменила Нина Леонидовна Шелищ, а с 1972 г. — Вилора Петровна Крылова*.

В районе работало несколько секций, в том числе архитектурно-градостроительная, которую в 1970 г. возглавил Чуруксаев Сергей Иванович, в то время заместитель директора Павловского дворца-музея.

Пушкинское отделение ВООПИИК курировало работу первичных организаций жилищно-эксплуатационных контор (ЖЭК), учебные заведения, библиотеки. Трудно представить, чтобы в наше время при ЖЭС (б. ЖЭК) была группа людей, занимающихся памятниками.

С 1968 г. председателем первичной организации ЖЭК-6 стал Иван Иннокентьевич Чуруксаев. Затем он возглавил архитек-

* Николаева Т. И. Созидатели, ревнители и подвижники // Вторые Тихоновские чтения. Материалы конференции 22 ноября 2013 г. СПб., 2016. С. 75, 78.

турную секцию Пушкинского Районного отделения ВООПИИК, а с 1970 г. работал в архитектурной секции ЛГО ВООПИИК, в дальнейшем принимал участие в работе Комиссии по охране памятников Союза архитекторов.

В семье Чуруксаевых была прекрасная библиотека, и Иван Иннокентьевич еще в детские годы познакомился по дореволюционным изданиям с памятниками архитектуры. Он сопереживал утраченным либо перестроенным с нарушениями авторского замысла зданиям. Позже приобретенные знания он передал сыну и дочери.

Свою деятельность Иван Иннокентьевич начинал в 1937 г., будучи репрессированным, в заполярном городе Воркуте, где оказался по окончании Томского института инженеров транспорта. После пяти лет заключения жил на поселении. Опытный инженер-строитель, он занимался и научной деятельностью, имел многочисленные печатные труды и был известен, в том числе за рубежом, как крупный специалист по мерзлотоведению. Производственную деятельность совмещал с преподавательской: читал лекции в Горном техникуме г. Воркуты, был председателем Государственной квалификационной комиссии этого же техникума и деканом строительного факультета Общественного университета экономических, инженерных и политических знаний.

За многолетнюю активную творческую работу Иван Иннокентьевич был награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»; Шахтерской славы III степени, кроме того — отмечен знаками отличия и званием «ветеран г. Воркуты».

В 1968 г., выйдя на заслуженный отдых, переехал к семье в г. Пушкин, где продолжил общественную деятельность.

И. И. Чуруксаев

Как опытный инженер, И. И. Чуруксаев участвовал в обследовании исторических памятников архитектуры Пушкина и Павловска.

С его участием в 1970 г. были обследованы здания и сооружения, находящиеся на территории Екатерининского и Александровского парков. При этом отмечено, что многие дорожки в аллеях не расчищены и заросли, что в запущенном состоянии находятся все парковые мосты; гранитные и паромные пристани разрушены; старинные парковые скамейки художественного рисунка, выполненные в XVIII в. на Сестрорецком оружейном заводе, без ведома научного отдела дворца сняты и вывезены на свалку.

Комиссия обнаружила лишь три поломанные, требующие ремонта скамейки, лежавшие в бурьяне.

При осмотре фасадов Екатерининского дворца большие участки стен были повреждены сыростью с разрушением лепки и скульптур. Также имелись большие утраты орнаментов Центральных ворот парадной площади. Не в лучшем состоянии находились памятники Александровского парка. Китайский театр не был законсервирован и продолжал разрушаться. Часть кирпичных столбов-колонн Башни Шапель рухнула. Полуразрушенные своды центрального зала Арсенала на грани катастрофы. Руины Белой Башни и бастион были подготовлены к взрыву, и лишь вмешательство общественности остановило уничтожение уникального памятника*.

Кроме того, были обследованы 46 домов в городе, при этом выяснилось, что некоторые подлежат сносу. Среди них дом № 1 по Пушкинской улице, в котором жил А. Н. Оленин — президент Академии художеств, а в 1921 г. — Анна Ахматова; дома 2, 4, и 5 на ул. Просвещения в Павловске, являющиеся первыми постройками города. Члены комиссии составили справки и обосновали необходимость сохранения этих построек. В результате такой работы здания были спасены**.

В отчете о работе Пушкинского районного отделения за 1970 г. отмечалось, что комиссия под руководством

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 229. Оп. 1. Д. 44. Л. 30–52.

** Там же. Д. 40. Л. 109–115.

Анатолия Михайловича Кучумова составила акт об объектах Екатерининского и Александровского парков, павильонов, Екатерининского дворца. Причем этот акт в то же время служил заданием для устранения всех недостатков. Обращалось внимание и на сотрудничество с редакцией газеты «Вперед». Почти в каждом номере печатались материалы по краеведению, критические статьи. Члены общества проводили экскурсии в парках, читали лекции*.

После обсуждения на городской архитектурной секции градостроительных ошибок, утрат ценных зданий при капитальном ремонте и рассмотрения перспективного плана застройки г. Пушкина, комиссия составила документ, в котором предлагалось ускорить разработки и утверждение проекта охранных зон и зон регулирования застройки города. Этот документ передали в ГлавАПУ.

Члены секции составили список на 25 зданий, которые следовало взять под охрану как памятники архитектуры. Список, сопровождавшийся фотофиксацией и историческими справками на эти объекты, был одобрен Государственной инспекцией по охране памятников истории и культуры (ГИОП)**.

Решением Пушкинского Исполкома в 1972–1973 гг. определялись к сносу несколько домов, имеющих историко-культурное значение: дом № 38 на ул. Революции, в котором жил художник-декоратор А. Я. Головин; старые здания дворцового садоводства, построенные во 2-й половине XVIII в. и составляющие ансамбль Комсомольской улицы; дома бывшей колонии «Фриденталь», архитектора В. П. Стасова, являющиеся редким образцом русской деревянной архитектуры первой четверти XIX в., дающие представление о старой городской застройке Царского Села, и т. д.***.

В 1971 г. комиссия в составе представителей ГИОП, ЛГО ВООПИиК, РО ВООПИиК, микологов ЛИСИ, Пушкинского РЖУ обследовала дом № 16 на ул. Маяковского (бывший особняк Вяземского) и пришла к заключению, что здание находится в аварийном состоянии, несущие деревянные конструкции утратили прочность — так что сохранение дома нецелесообразно.

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 229. Оп. 1. Д. 41. Л. 108–110.

** Там же. Д. 88. Л. 25.

*** Архив КГИОП. П. 226. П-1026. Л. 74–76.

Софийский собор.
Фотография 1974 г.
Картотека

Художественную ценность представляют лишь резьба по дереву, деревянный герб и металлический флюгер — эти элементы желательно сохранить. Эта же комиссия обращалась в ГИОП с предложением включить в список охраняемых объектов здание бывшей дачи Юсуповой, построенное в 1850-х гг. архитектором И. А. Монигетти. Особенно волновала судьба дома № 16 на Московском шоссе, принадлежавшего Абраму Кемперу — первому старосте колонии Фриденталь. Дом удалось сохранить, и в 1975 г. он получил статус памятника архитектуры. Тогда же дача Юсуповой вошла в перечень комплексов, находящихся под государственной охраной*.

На IV отчетно-выборной конференции, состоявшейся в 1974 г., выступил И. И. Чуруксаев. Он отметил, что в течение года было обследовано 52 здания. По четырем неблагополучным памятникам — Московские ворота, Софийский собор, Казанская церковь и Крымская колонна — пришлось обратиться к председателю Исполкома тов. А. Л. Беляеву. В этом же году Иван Иннокентьевич закончил составление картотеки на Екатерининский и Александровский дворцы и парковые сооружения, а также на архитектурные памятники Пушкина и Павловска. В каждой карточке указывались датировка и автор-

* Архив КГИОП. П. 226. П-1026. Л. 102–103, 105–107; П. 226-Г-8. Инв. № 1312 п.

Обследование
Таицкого водовода.
Слева И. И. Чуруксаев

ство памятника, состояние после Великой Отечественной войны, использование сооружения в те годы с приложением авторских фотографий на момент написания карточки*.

Члены Совета обследовали и провели фотофиксацию 60-ти домов, подлежащих сносу. Наряду с этим они подготовили материал по бывшей усадьбе А. П. Брюллова в г. Павловске, с ходатайством перед Академией художеств СССР о ее реставрации и создания музея**.

Неоднократно поднимался вопрос о судьбе Софийского собора в г. Пушкине.

И. И. Чуруксаев составил список 75 объектов, состоящих под государственной охраной и не имеющих охранных договоров. Все материалы он передал в ГИОП***.

Долгие годы не решался вопрос о сохранении Таицкого водовода, сооруженного во 2-й половине XVIII в. инженерами-гидротехниками Ф. В. Бауэром, Э. Карбонье, И. К. Герардом и П. Поздеевым. Водовод начинался от бассейна на Таицких ключах, проходил вдоль границы Баболовского парка и заканчивался круглым гранитным бассейном перед площадью у Гатчинских ворот. Уникальная гидротехническая система Таицкого водовода охватывала парки Царского Села и Павловска и с ее помощью осуществлялось водоснабжение городского населения****. Поэтому

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 229. Оп. 1. Д. 102. Л. 151, 152.

** Там же. Д. 205. Л. 139–140.

*** Там же. Д. 359. Л. 21.

**** Семенова Г. В. Царское Село знакомое и незнакомое. М.; СПб., 2010.

Таицкий водовод

Иван Иннокентьевич и Сергей Иванович Чуруксаевы организовали обследование Таицкого водовода, с участием сотрудников научного отдела ГИОП.

По данным Пушкинского Объединения жилищного хозяйства ветхий жилой фонд города Пушкина на 1984 г. составлял 61 зда-

С. 127, 209.

ние, в том числе 38 деревянных. Комиссия в составе Давыдова — ответственного секретаря и И. И. Чуруксаева обследовала эти здания и пришла к выводу, что из 38 деревянных домов необходимо сохранить 22, которые являются связующими архитектурными звеньями в исторически сложившейся застройке. Это же относится к каменным зданиям и зданиям смешанного типа. Особое внимание они предложили обратить на удачно вписавшиеся в ландшафт деревянные дома на улице Маяковского д. 30 (дача С. А. Томи и сестры В. А. Данини, построенная в 1900-е гг. архитектором С. А. Данини) и на ул. Маяковского, д. 32 (дача С. М. Дейчмана, возведенная в 1912 г. С. А. Данини на фундаментах старого дома Сверчковых). Комиссии предлагала для создания детского учреждения санаторного типа объединить их с бывшей дачей С. А. Данини (д. 28) 1899 г. и дачей О. Е. Шухт (д. 26), построенной в 1860-е годы архитектором А. Ф. Видовым с последующими изменениями по его же проекту в 1895 г.*

Иван Иннокентьевич занимался и научной деятельностью, публикуя свои материалы в газете «Вперед». Были напечатаны статьи: «Нужно сохранить»; «Точность прежде всего»; «Архитектурный почерк Монигетти»; «Продумать всё до мелочей»**.

В защите архитектурного наследия немалую роль сыграл Сергей Иванович. Учась в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, он был направлен на практику в качестве преподавателя физики в школу № 462 Пушкинского района. Там он организовал классные часы, на которых рассказывал детям историю строительства Царского Села, о его архитектурных памятниках с показом слайдов. Устраивал интересные и познавательные экскурсии.

Выступая на отчетно-выборной конференции районного отделения, он отмечал необходимость установки в городе карты с указанием всех его достопримечательностей и ратовал за возвращение улицам их прежних исторических названий***.

С. И. Чуруксаев принимал активное участие в обследовании домов и решении их судьбы. Он неоднократно поднимал

* Семенова Г. В. Указ. соч. С. 164, 165; Архив КГИОП. П. 226-Г. П-1031. Л. 91, 92, 115; Архитектура деревянных домов: [фотоальбом] / сост. А. Г. Груздева, Г. В. Семенова. СПб., 2006. С. 46–49.

** Вперед. 1974. № 40; 1975. № 28; 1975. № 58; 1984. № 138.

*** ЦГАЛИ СПб. Ф. 229. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.

Федоровский городок. Ю. И. Чуруксаева, С. И. Чуруксаев и слушательница лекций Сергея Ивановича

вопрос о постановке под местную охрану домов № 6, 16 и 30 на Московском шоссе в г. Пушкине, о судьбе комплекса Ратных палат начала XX в., построенных по проекту архитектора С. Ю. Сидорчука; об ансамбле Казарм лейб-гвардии стрелкового полка, построенном в 1914–1916 гг. архитектором В. А. Покровским; об обводнении парков г. Пушкина. Все эти вопросы не решались и Сергей Иванович вынужден был обратиться к Главному архитектору г. Ленинграда С. И. Соколову*.

В результате активной работы членов Совета Пушкинский районный Совет народных депутатов принял Решение о запрещении несогласованного сноса зданий в Пушкине и Павловске**.

С. И. Чуруксаеву была присуща и творческая устремленность. Он был одним из первых создателей авторского слайд-фильма. Сам писал сценарий, снимал на слайдовскую пленку, подбирал музыкальное сопровождение. В конкурсе 1979 г. среди победителей оказался его фильм «Петербург в изобразительном искусстве»***.

Усилиями старшего консультанта секции пропаганды истории и культуры Ирэн Александровны Мартыненко был создан общегородской лекторий «Архитектурные памятники Ленинграда».

* Архив КГИОП. П. 226-Г. П-1030. Л. 12–15.

** Там же. П. 226-Г. П-1122. Л. 31.

*** Ленинградская правда. 1979. 27 ноября.

С. И. Чуруксаев

Сергей Иванович прочитал цикл лекций с показом диапозитивов по темам: «Город Пушкин», «Ленинград в изобразительном искусстве», «Послевоенный Ленинград в изобразительном искусстве».

При подготовке к лекциям он обращался к архивным источникам, работая в Центральном государственном историческом архиве СССР (в настоящее время РГИА) и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. На основании изученных документов им была написана и опубликована статья «Навеяно древней Русью: История и завтрашний день Федоровского городка»*.

Опыт работы, приобретенный в ВООПИиК, помог ему в последующие годы при реставрации Храма Богоявления, а в дальнейшем при возведении храмового комплекса на Пискаревском проспекте по проекту архитектора В. Е. Залевской.

За свою деятельность С. И. Чуруксаев получил множество Почетных грамот, благодарностей, был награжден специальным значком ВООПИиК.

Много сил и знаний отдали Иван Иннокентьевич и Сергей Иванович в деле сохранения памятников истории и культуры г. Пушкина. Достойной памятью Чуруксаевым — этим ратоборцам — стали спасенные ими от уничтожения и возрожденные памятники города, которому они преданно служили.

* Строительство и архитектура Ленинграда. 1977. № 4. С. 32–36.

В. И. Аксельрод

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТЕРБУРГА
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
РАБОТАХ ЮНЫХ КРАЕВЕДОВ

В АПРЕЛЕ 2016 г. мы отметили 25-летие со дня проведения в Санкт-Петербургском городском Дворце творчества юных Первых краеведческих чтений школьников, а в октябре того же года из печати вышел 24-й сборник фрагментов исследовательских работ юных краеведов «Наследники великого города». За четверть века в Краеведческих чтениях, получивших в 2012 г. статус региональной Олимпиады по краеведению, приняли участие 2204 учащихся 9–11 классов. По их итогам были изданы 24 сборника, суммарное количество страниц которых составило 4038, вместивших 595 статей 611 авторов. К этим сборникам, представленным в крупнейших городских библиотеках, неизменный интерес проявляют профессиональные экскурсоводы и историки Петербурга. Помимо указанных сборников статьи юных экскурсоводов уже не раз публиковались в «Невском архиве», сборниках материалов Анциферовских и Тихоновских чтений, Открытых чтений Института Петербурга. Более того, выпускница Юношеского Университета Петербурга городского Дворца творчества юных Алена Манькова и Александра Гусева вместе со своим научным руководителем стали соавторами книг «Малая Конюшенная улица» и «Вокруг Финляндского вокзала», в которых были использованы материалы их ученических краеведческих исследований*.

Достоинством большинства опубликованных статей школьников является новизна представленных в них материалов и источников. Широк и круг тем, к которым обращаются юные авторы. Это: история домов и улиц, учебных и медицинских учреждений и промышленных предприятий, памятников архитектуры и старинных усадеб; петербургские святыни и судьбы людей, оставив-

* Аксельрод В. И., Манькова А. А. Конюшенная площадь и Малая Конюшенная улица. М.; СПб., 2011; Аксельрод В. И., Гусева А. В. Вокруг Финляндского вокзала: путеводитель по Выборгской стороне. М.; СПб., 2013.

ших заметный след в истории и культуре города и России; подвиг ленинградцев в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда и семейные родословные и т. д. Привлекает в этих работах и неравнодушное, заинтересованное отношение ребят к предмету исследования, их активная гражданская позиция, что особенно характерно для работ, посвященных проблемам охраны и сохранения культурного наследия, постановке на государственный учет тех зданий, которые связаны с выдающимися людьми, но по каким-то причинам не включены ни в один из справочников КГИОП*. Так, выпускница Юношеского университета Петербурга Мария Гусина, подробно исследовав судьбу дома № 19 по набережной реки Фонтанки, справедливо задается вопросом, почему этот дом, с которым связаны первые самые яркие десять лет в истории некрасовского «Современника», куда постоянно все эти годы приходили сотрудники и авторы: В. Г. Белинский, Н. В. Гербель, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, Я. П. Полонский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др., где в 1880–1890-е гг. жила выдающаяся русская трагическая актриса П. А. Стрепетова, и, приезжая в столицу из Москвы на квартиру своего брата Модеста, не раз останавливался великий русский композитор П. И. Чайковский и где произошла его памятная встреча с А. П. Чеховым — почему этот дом до сих пор не взят под государственную охрану, а на его фасаде нет ни охранной, ни мемориальной доски. Кроме того, как в ходе поиска удалось установить Марии Гусиной, среди жильцов дома был также известный судмедэксперт и токсиколог, профессор Медико-хирургической академии Е. В. Пеликан**.

В этом же сборнике выпускник историко-краеведческого клуба «Петрополь» СПб ГДТЮ Кирилл Иванов в статье «Шоколадный король Жорж Борман и его сладкая Империя» ставит вопрос об

* Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: справочник. СПб., 2000; Историческая застройка Санкт-Петербурга: перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (учетных зданий): справочник. СПб., 2001.

** Гусина М. Дом на набережной реки Фонтанки № 19 в истории и культуре Санкт-Петербурга (1840–1920) // Наследники великого города. СПб., 2015. Вып. 23. С. 7–20.

увековечивании памяти этого выдающегося кондитера и предпринимателя и установке мемориальной доски на здании, принадлежавшей ему кондитерской фабрики, в советское время получившей имя революционерки Конкордии Самойловой. Как справедливо замечает Кирилл Иванов, Жорж Борман не только оказал колоссальное влияние на развитие отечественной кондитерской промышленности, но и продемонстрировал ряд управленческих решений, ставших полезным опытом для многих поколений предпринимателей. Автор статьи предлагал еще в 2012 г., когда исполнилось 150 лет фабрике, открыть там музей*. Но, увы, эта инициатива юного краеведа не получила поддержки.

Еще один выпускник клуба «Петрополь» и Юношеского университета Петербурга Арсений Агеев, проследивший в своем исследовании, многолетнюю плодотворную издательскую деятельность фирмы «Брокгауз и Ефрон», предлагает включить в Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую и культурную ценность, дом № 6 по Прачечному переулку, где жил замечательный издатель и где размещалась типография, из стен которой вышло большинство томов знаменитого энциклопедического словаря. Благодарные потомки, до сих пор обращающиеся к этому словарю, могли бы подумать и об установке мемориальной доски на этом доме**.

В двух своих работах Анастасия Платовских, выпускница 11-й школы Калининского района, — «Достоинно внимания. Семья Полотебновых (По страницам истории семьи)» и «Алексей Герасимович Полотебнов» (по материалам архивных исследований истории семьи) — проследила жизнь и подвижническую деятельность своего предка, известного русского врача и ученого, одного из основоположников отечественной дерматологии Алексея Герасимовича Полотебнова. Последние годы жизни (с 1901 по 1908) он жил в доме на Загородном проспекте. На наш взгляд, факт, дающий право на включение этого адреса

* Иванов К. «Шоколадный король» Жорж Борман и его сладкая Империя. Забытые страницы истории Петербургской фабрики // Наследники великого города. СПб., 2010. Вып. 18. С. 21–27.

** Агеев А. Издательская деятельность фирмы «Брокгауз и Ефрон» в Петербурге-Петрограде-Ленинграде // Наследники великого города. СПб., 2016. Вып. 24. С. 150–157.

в Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую и научную ценность (учетных зданий)*.

Яркий пример активной гражданской позиции в увековечивании памяти несправедливо забытой личности — художника, путешественника, просветителя, специалиста по изготовлению параболических зеркал в Государственном оптическом институте, действительного члена Русского географического общества, одного из создателей Русского общества любителей мироведения Александра Александровича Чикина — проявила его однофамилица, выпускница историко-краеведческого клуба «Петрополь» Валентина Чикина. По ее инициативе был снят и показан телевизионный сюжет об этой неординарной личности, выпущена памятная открытка, запущен процесс установки мемориальной доски на доме, где многие годы прожил Александр Чикин**.

Этот перечень открытий юных краеведов можно было бы и продолжить. Не менее важно для многих авторов сборников «Наследники великого города» является тема сохранения культурного наследия Петербурга, восстановления и реставрации памятников истории и культуры. Так, выпускница 406-й гимназии Пушкинского района Александра Плотникова свое исследование «Исчезающее Царское Село» посвятила изучению малых архитектурных форм своего родного города. Актуальность своей работы Александра видит в необходимости зафиксировать «некие маленькие детали и элементы архитектуры», исчезающие вследствие того, что «исторический облик города начинает растворяться в современных постройках и множественных реконструкциях».

Во время прогулок по городу юный исследователь изучала и производила фотосъемку таких архитектурных форм, как

* Платовских А. «Достоинно внимания» Семья Полотебновых (По страницам истории семьи) // Наследники великого города. СПб., 2014. Вып. 22. С. 30–36; Платоновских А. Алексей Герасимович Полотебнов (по материалам архивных исследований истории семьи) // Наследники великого города. СПб., 2016. Вып. 24. С. 159–170.

** Чикина В. «Я хочу показать людям небо!» (жизнь А. А. Чикина в городе на Неве) // Наследники великого города. Вып. 23. С. 105–111. См. также: Она же. «Немного Африки...» и другие путешествия А. А. Чикина // Наследники великого города. Вып. 24. С. 171–177.

старинные ажурные кованые решетки, козырьки парадных, фонарные столбы, тумбы, крышки люков, отмечая при этом с сожалением, что эти элементы архитектуры прошлого исчезают, их зачастую заменяют современными малохудожественными, как, например, чугунная крышка канализационного люка в доме № 7 в Певческом переулке, изготовленная еще по спецзаказу императора Николая II на Боровичском заводе «Новь». Как пишет Александра, «канализационный люк теперь закрывает обыкновенная чугунная крышка нашего времени... Вот так исчезают „маленькие предметы“ из истории нашего города» — констатирует автор этой публикации*.

В этом же сборнике «Наследников» выпускник 77-й школы Петроградского района Иван Якубовский в публикации «Мой Малый проспект — дома и судьбы» с сожалением отмечает, что уплотнительная застройка 2000-х гг. агрессивно, без мнения жителей, вторглась в уголки, так любовно и бережно застроенные архитекторами 1900-х на участке Малого проспекта Петроградской стороны, ограниченного домами 17–27, где возник оригинальный архитектурный ансамбль, благодаря которому появилось несколько поворотов и углов, что и было мастерски «обыграно» архитекторами, по проектам которых были воздвигнуты эти дома. Как отмечает автор публикации, «дом 30 — странно выделяется среди окружающих его мягких, округлых линии домов модерна своими торчащими стеклянными призмами лоджий, нависшими над тротуарами»**.

Значительная часть работ юных краеведов посвящена судьбе разрушенных или закрытых и приспособленных под иные цели храмов Петербурга. В публикации уже упомянутой выше Александры Гусевой «Утраченные святыни Симбирской улицы (улица Комсомола)» по архивным источникам прослежена драматичная судьба старейшего храма Выборгской стороны церкви во имя Происхождения Честных древ Животворящего Креста Господня (Спасо-Бочаринской), снесенной в 1931 г. Автор исследования еще 5 лет назад предлагала в сквере на месте разрушенной

* Плотникова А. Исчезающее Царское Село // Наследники великого города. СПб., 2010. Вып. 19. С. 35–40.

** Якубовский И. Мой Малый проспект — дома и судьбы // Наследники великого города. Вып. 19. С. 40–49.

святыни установить памятный крест. Пока это предложение не получила поддержки муниципалов*.

А вот пример другого рода. Выпускник Юношеского Университета Петербурга Андрей Ющенко, многие годы к тому же занимавшийся и работавший на Малой Октябрьской железной дороге, в своем исследовании «История Санкт-Петербурго-Варшавской дороги и проблема сохранения памятников промышленности архитектуры» с 2010 по 2016 гг. осуществлял мониторинг и фотофиксацию разрушения комплекса построек Варшавского вокзала, включенных в 2001 г. в Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую и иную ценность (учетных зданий)**.

Ежегодно во время осмотра этих объектов Андрей констатировал всё новые и новые потери: «демонтированы почти все пути, кроме музейного, снесены вагонное депо, 2 пакгауза, ровесники вокзала, 2 служебных здания, разрушены ранее входящие в комплекс дороги производственные помещения завода „Петмол“, исчезли ферменные конструкции поворотного круга» и т. д.*** Строительная компания, приобретшая участок Варшавской дороги, примыкающий к вокзалу, на месте намеченного строительства жилого комплекса целенаправленно уничтожает памятники промышленной архитектуры. К сожалению, противостоять этим разрушениям в одиночку невозможно. Нужна поддержка ВООПИиК, куда Андрей Ющенко обращался за помощью.

Ярким примером соединения исследовательской работы и градозащитной деятельности является публикация выпускника Юношеского Университета Петербурга, ныне студента юридического факультета СПбГУ Федора Ильина. Его статья «Имение С. П. Боткина „Култилла“ — культурное гнездо русской Финляндии» опубликована в сборнике «Вторые Тихоновские чтения» по материалам конференции 22 ноября 2013 г.

* Гусева А. Утраченные святыни Симбирской улицы (улица Комсомола) // Наследники великого города. СПб., 2012. Вып. 20. С. 122–126.

** Историческая застройка Санкт-Петербурга: перечень вновь выявленных объектов. С. 38–39.

*** Ющенко А. История Санкт-Петербурго-Варшавской железной дороги и проблема сохранения памятников промышленной архитектуры // Наследники великого города. Вып. 24. С. 178–185.

В борьбе за сохранение этого уникального памятника истории и культуры, Федор, начиная с 9 класса, регулярно вел переписку с администрацией Ленинградской области, Росимуществом, Комитетом по культуре Ленинградской области, добился встречи с председателем Комитета Государственной Думы РФ по науке академиком В. А. Черешневым в Москве, а затем провел для него экскурсию по самой усадьбе. Вопрос о необходимости принятия неотложных мер по спасению объекта поставлен был автором статьи в ходе личного приема в октябре 2013 в администрации президента РФ. Эту деятельность по спасению памятника федерального значения Федор Ильин продолжает и сегодня, как будущий юрист вооруженный знанием законов*.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что работы юных краеведов ценны не только с точки зрения воспитания патриотов родного города, их самореализации, овладения ими современными технологиями и методиками поиска, работы в архивах и крупнейших книгохранилищах, но и как новые важные источники, расширяющие наши знания по истории и культуре Петербурга, к которым надо относиться серьезно, без скидки на возраст юных авторов.

Видимо, назрела необходимость составить своего рода реестр открытий, сделанных юными краеведами за многие годы исследовательски-поисковой работы и обобщить их предложения в адрес КГИОП, ВООПИиК по дополнению Перечня вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную или иную культурную ценность (учетных зданий). Да и сам справочник КГИОП, вышедший более 15 лет назад, необходимо переиздать, дополнив его накопившейся за это время новой информацией.

* Ильин Ф. И. Имение С. П. Боткина «Култилла» — культурное гнездо «Русской Финляндии» // Вторые Тихоновские чтения: материалы конференции 22 ноября 2013 года. СПб., 2016. С. 259–266.

А. В. Князькина

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ВООПИиК (25 ЛЕТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ИНСТИТУТ ПЕТЕРБУРГА»)

В тот год, когда ВООПИиК праздновал свое 25-летие, под его крылом появилась общественная организация «Институт Петербурга». Сам город, любовь к нему и верность ему, тревога по поводу его сегодняшнего состояния и за его завтрашний день — вот что объединило людей, принявших в апреле 1991 г. решение о создании организации.

С самого начала членами Института Петербурга стали представители тогда еще ленинградской интеллигенции — инженеры, учителя, врачи, музейные работники, библиотекари — те, кто всегда очень трепетно относился к своему городу, кого волновала необходимость сохранения его культурных традиций. Идея создания общественной организации, которая будет заниматься изучением родного города и распространением знаний по его истории и культуре, была высказана в январе 1991 г. в газете «Невское время» бывшим инженером, а на тот момент бизнесменом А. Б. Смолянским.

Воплощением в жизнь этой идеи занялась Ирина Михайловна Сергеева, в прошлом инженер. Главным направлением деятельности Института Петербурга стало петербурговедческое образование. Сразу же в 1991 г. был создан Университет Петербурга. Название говорящее, которое можно прочесть как курсы, дающие системные, универсальные знания о Петербурге. Первоочередной была задача — найти специалистов-лекторов. В этом немалую роль сыграло общество охраны памятников, где существовал «Клуб знатоков Ленинграда». Ирэн Александровна Мартыненко, старший научный консультант ВООПИиК, тогда привлекла к проекту главного идеолога образовательного проекта Г. А. Богуславского и первых лекторов — Э. П. Карпеева, И. И. Лисевич, В. Г. Лисовского... Первые четыре года Институт Петербурга находил приют именно в здании ВООПИиК на ул. Воинова в здании сегодняшней церкви Всех скорбящих. Ирэн Александровна и до сих пор помогает в организации учебного процесса и является главным хранителем традиций и архива.

Афиша Института Петербурга. 1991 г.

Г. А. Богуславский

Научным руководителем, создавшим программу Университета, стал Густав Александрович Богуславский — историк, педагог, человек, обладающий поистине энциклопедическими знаниями в области петербурговедения, первый председатель «Клуба знатоков Ленинграда». Его мысль о создании учебного заведения, в основе которого лежали бы заветы И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, заведения, использующего для преподавания лучшие научные силы города, была полностью реализована Институтом Петербурга.

Идея создания двухгодичных курсов первоначально появилась в связи с необходимостью подготовки учителей-гуманитариев для введения нового предмета в школах города «История и культура Петербурга» (авторы Г. А. Богуславский и Л. К. Ермолаева), а потом уже было предложено обучение на этих курсах всем взрослым горожанам вне зависимости от их возраста, профессии, образования.

1 октября 1991 г. в Белоколонном зале Аничкова дворца состоялось торжественное открытие Университета Петербурга, где выступили почетные гости М. М. Бобров, М. К. Аникушин, начинание было поддержано Комитетом по образованию и по культуре и туризму. А уже 3 октября состоялись первые лекции в зале ВООПИиК. Первую лекцию «География Петербурга» читал профессор А. В. Даринский, основатель Института образования взрослых. Вторую лекцию «Из истории отечественного краеведения» читал Г. А. Богуславский. Круглый зал Общества охраны памятников, вмещавший 250 человек, оказался слишком мал, чтобы дать место всем желающим учиться в новом общественном учебном заведении.

За 25 лет просветительские курсы сформировались в целую систему дополнительного петербурговедческого образования и в структуре проекта сформировалось три факультета — взрослый, юношеский и детский.

Детский факультет открыт для маленьких петербуржцев в возрасте от 6 до 12 лет. Программа обучения была создана на методиках доцента РГПУ им. Герцена, канд. ист. наук Л. К. Ермолаевой, рассчитана на несколько лет и строится таким образом, чтобы дети могли подключиться к обучению в любой момент, независимо от уровня знаний. Именно на Детском факультете

Университета Петербурга впервые была предложена методика совместных занятий родителей с детьми. Все преподаватели Детского факультета — выпускники взрослого отделения Университета Петербурга. А Н. Г. Шейко, канд. пед. наук, в настоящее время является доцентом кафедры культурологии Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования и консультантом-методистом Детского факультета Института Петербурга.

Юношеский факультет создан совместно Институтом Петербурга и Городским дворцом творчества юных. Школьники старших классов обучаются работе с книгами и документами в библиотеках и архивах, учатся писать рефераты, выступать с сообщениями и докладами на конференциях, посвященных истории города. Все годы деканом Юношеского факультета является старший методист Городского дворца творчества юных, канд. пед. наук Владимир Ильич Аксельрод.

Главное направление деятельности, — Взрослый факультет. Двухлетняя программа вечернего обучения для горожан вне зависимости от возраста, профессии и образования дает системные знания об истории и культуре Санкт-Петербурга, знакомит слушателей с самыми разными сторонами жизни Петербурга за всю историю его существования. Все это позволяет осознать знаменитый феномен Петербурга. В программу оперативно вносятся изменения, включаются новые темы, отслеживаются современные тенденции.

Усилиями И. М. Сергеевой постепенно удалось подобрать когорту преподавателей,

И. М. Сергеева. Первый выпуск Института Петербурга. 1993 г.

Зал ВООПИиК. Первый выпуск. 1993 г.

каждый из которых непременно должен быть знатоком в своей области. Высочайший уровень лекторского состава по сей день достигается привлечением к чтению лекций ведущих ученых города: историков и архитекторов, археологов и искусствоведов, генеалогов, литературоведов, философов, специалистов архивов и музеев. Лекторы сочетают в подаче материала академичность и простоту изложения, делающую доступной иногда достаточно сложную информацию для слушателя.

Имена докторов наук историка архитектуры В. Г. Лисовского, историков А. С. Мыльников и Ю. Н. Беспярых, философа М. С. Кагана известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Многие выпускники вспоминают встречи с известными знатоками города, такими как Г. С. Вежель и С. С. Бортин, Б. И. Антонов, А. Урес, Ю. В. Зобнин. Блестящие лекции В. М. Файбисовича, М. М. Сафонова, С. В. Семенцова, А. Л. Реймана, А. В. Краско, М. В. Отрадина, Н. А. Гуськова, Б. И. Колоницкого, Я. А. Гордина, А. Г. Булаха, В. А. Коренцвита и многих других и по сей день буквально «завораживают» аудиторию. Появляются и новые

имена, наши выпускники тоже становятся авторами лекционных тем основного курса.

Лекционный курс дополняют экскурсии, организуемые специально для слушателей Института Петербурга. Обращение к лучшим экскурсоводам города, эмоционально, нетривиально проводящим свои экскурсии, возможность посетить зачастую закрытые для широкого доступа культурные сокровищницы Петербурга позволяют слушателям осознать свою причастность к уникальной петербургской культуре.

Интерес слушателей с самого начала работы Института не ограничивался простым получением системных знаний. Для этого были созданы уникальные спецкурсы по источниковедению (руководитель Г. А. Богуславский), краеведению (руководитель д-р ист. наук Г. С. Усыскин), экскурсоведению (руководитель канд. архитектуры И. И. Лисаевич), преподаванию курса «История и культура Санкт-Петербурга» (руководитель канд. ист. наук Л. К. Ермолаева). Это дало возможность профессионального использования полученных в Университете Петербурга знаний.

В первые годы существования Университета приобретение новой профессии позволило очень многим бывшим инженерам, оказавшимся без работы, начать новую, интересную жизнь. Если поначалу большинство выпускников становились педагогами, затем постепенно возрос спрос на профессию экскурсовода. Некоторые из выпускников стали создателями известных в городе краеведческих клубов, малых музеев, ведущими спикерами краеведческих лекториев, сотрудниками Центра петербурговедения. Выпускники Института Петербурга всегда выделяются среди коллег своими глубокими, разносторонними, системными знаниями и искренней влюбленностью в наш город.

Традиция семинарских занятий совершенствуется в новое время и в новых условиях. С. Д. Мангутова, канд. пед. наук, ведущий специалист по созданию библиографических баз данных по Петербургу, является автором программы «Школа начинающего исследователя». На занятиях слушатели знакомятся с источниками достоверной исторической информации и технологией ее получения и в архивах, библиотеках, музейных фондах. Этот цикл — своего рода «навигация» в сегодняшней обширнейшей краеведческой информации.

Открытые слушания 2016 г.

Сегодня есть нужда в квалифицированных экскурсоводах, имеющих серьезные базовые знания о городе, рассказывающие о нем как о живом организме не сухими фактами, а в сопоставлении прошлого и настоящего. Для этих практических целей предусмотрен спецкурс «Методика создания и проведения экскурсий», созданный О. В. Слепенковой, зав. сектором по научно-методической работе Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Звание «Выпускник Института Петербурга» сегодня в профессиональной среде экскурсоводов является признанным «знаком качества». Ярким примером являются Л. Ю. Сапрыкина, И. П. Бурлакова, В. К. Анненков, Т. А. Покопцева. Их поклонники приходят на экскурсии в любую погоду.

За 25 лет работы Институт подарил радость познания более чем двум тысячам горожан. Выпускники становятся членами организации и не теряют связи с Институтом Петербурга. Исследования, которые делают наши выпускники в качестве дипломных работ, пополняют краеведческие ресурсы библиотек. Коллекция работ сегодня насчитывает более 600 интереснейших исследований по самым разнообразным аспектам жизни Петербурга.

Ежегодно в Концертном зале Всероссийского музея А. С. Пушкина на Мойке, 12 собираются на Открытые слушания Института Петербурга его питомцы и все те, кому интересно познакомиться с новыми страницами истории города, «открытые» очередными выпускниками. На этот своеобразный «день встречи» выпускники разных лет приходят и для того, чтобы снова ощутить чудесную ауру, которая существует в Институте Петербурга. По итогам конференций Институт Петербурга выпускает сборники, которые уже давно сумели оценить любители истории Петербурга.

Выпускники, продолжающие заниматься краеведческими исследованиями, печатаются на страницах популярных краеведческих изданий, таких как журнал «История Петербурга», альманах «Фонтанка», в сборниках «Анциферовских чтений», становятся авторами отдельных монографий.

Деятельность Института и ее основателей получила заслуженное признание. В 1997 г. Г. А. Богуславский был награжден премией представителя Президента РФ «За воспитание подрастающего поколения», а в 1998 г. — Анциферовским дипломом «За личный вклад в петербурговедение». Заслуги РОО «Институт Петербург» и лично руководителя И. М. Сергеевой были отмечены «Анциферовским дипломом» 2003 г. «За выдающийся вклад в краеведческое образование». Более 20-ти фамилий основателей и выпускников Института Петербурга вошло в словник «Петербургские краеведы».

В сегодняшней петербургской культурной жизни Институту Петербурга удалось найти свою нишу, определить свое направление деятельности, выйти на свою аудиторию. Родной город, интерес к нему и забота о нем — вот что оказалось объединяющим мотивом, который сформировал замечательное объединение представителей петербургской интеллигенции, включающее и тех, кто учится в Институте, его слушателей, и тех, кто ведет занятия. Несмотря на то, что сегодня нет недостатка в краеведческой литературе и других информационных ресурсах, посвященных городу, практика показывает, что интерес к проекту не ослабевает, а потребность в системных знаниях о городе возрастает теперь уже в новое время и в новом качестве.

Л. А. Кирикова

Д. И. ГРИММ ИЛИ М. О. МИКЕШИН? К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА ЕКАТЕРИНЕ II В ПЕТЕРБУРГЕ

Публикация подготовлена на основании документов РГИА. Изучение архивных материалов по истории создания одного из самых известных петербургских памятников выявило ряд интересных, ранее нигде не публиковавшихся фактов и привело к неожиданному результату.

Считается, что инициатором создания памятника был художник И. А. Ладин, который 5 июля 1859 г. письменно обратился к президенту Академии художеств великой княгине Марии Николаевне с предложением отметить приближающийся 100-летний юбилей Академии сооружением памятника Екатерине II в сквере АХ*. Между тем, архивные документы свидетельствуют, что идея создания монумента принадлежала не художнику И. А. Ладину, а архитектору А. И. Ладану и датировано оно не 5 июля, а 25 мая 1859 г.**

Предложение Ладана через министра Императорского двора графа В. Ф. Адлерберга было доведено до сведения Александра II, который одобрил идею строительства памятника, только место для монумента он выбрал иное — парадный двор Большого Царскосельского дворца, любимой летней резиденции императрицы. О решении монарха Адлерберг сообщил вице-президенту АХ князю Г. Г. Гагарину в письме от 18 июля 1859 г.: «Государь император... Высочайше повелевает поручить лучшим нашим скульпторам... сочинить и представить на Высочайший выбор проект памятника Екатерине II для постановки на Большом дворе Старого Царскосельского дворца»***. Исполняя волю государя,

* См.: Смагина Г. И. Памятник Екатерине II в Санкт-Петербурге // Екатерина Великая: эпоха Российской истории. Тезисы докладов конференции. СПб., 1996. С. 271; Пирютко Ю. М. Под скипетром Екатерины. Памятник Екатерине II в Санкт-Петербурге. СПб.; Калининград, 2002. С. 18.

** Прощение А. И. Ладана о создании памятника императрице и им же написанное по этому поводу «Воззвание к русским художникам» хранится в фонде канцелярии Министерства императорского двора. См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 45. Л. 2 об.—3.

*** Там же. Л. 4 об.—5.

Академия объявила конкурс на проект памятника; конкурс состоялся «в половине лета» 1860 г.* Участвовавшие в конкурсе три проекта, исполненные скульпторами Р. К. Залеманом, Д. И. Йенсенем и Н. А. Токаревым, были признаны неудовлетворительными. На второй и последовавший в феврале 1861 г. третий тур конкурса никто не явился**. Обеспокоенный сложившейся ситуацией Адлерберг в письме к Гагарину от 2 июня 1861 г. предложил привлечь к проектированию монумента художника М. О. Микешина, «как обнаружившего свой отличный талант исполнением проекта сооруженного в Новгороде памятника тысячелетия исторического существования государства Российского»***.

Проект памятника Микешин подготовил менее чем за месяц. Он изобразил императрицу со скипетром и лирой в руках на шестигранном изогнутом в стиле рококо постаменте, где разместил бюсты ее сподвижников: А. В. Суворова, П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина и Г. Р. Державина. 18 июля 1861 г. проект Микешина был рассмотрен членами Совета АХ, которые сочли, что пьедестал памятника недостаточно монументален, а «лира в руке императрицы не уместна для памятника коронованной особы». Александр II не согласился с замечаниями академиков и 27 июля 1861 г. утвердил проект Микешина****.

В 1862 г. модель памятника Екатерине II, выполненная по эскизу Микешина, была отлита из бронзы на заводе Ф. Шопена и «по предварительном осмотре и одобрении государя императора» была отправлена на Всемирную выставку в Лондон, где была

* В литературных источниках приводятся различные версии, как даты проведения конкурса, так и состава его участников. Например, Н. М. Бихеле полагал, что в конкурсе, проходившем в 1861 г., участвовали скульпторы Д. И. Йенсен, А. Р. фон Бок, Н. В. Штром, Р. К. Залеман, Ю. В. Менерт и художник М. О. Микешин. См.: Бихеле Н. М. Сооружение памятника императрице Екатерине II // Зодчий. 1874. № 7. С. 83. По мнению Ю. М. Пирютко, конкурс состоялся в 1860 г. В нем приняли участие скульпторы Н. А. Токарев, Д. И. Йенсен, А. Р. фон Бок, Н. В. Штром, Р. К. Залеман, Ю. В. Менерт. Художник Микешин в конкурсе не участвовал. См.: Пирютко Ю. М. Под скипетром Екатерины... С. 19. Правильный состав конкурентов назван Г. И. Смагиной, но автор не точно указала время проведения конкурса — начало 1860 г. См.: Смагина Г. И. Памятник Екатерине II... С. 272.

** РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 104. Л. 25 об.

*** РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 45. Л. 8.

**** Там же. Л. 49 об.

удостоена медали за высокое качество художественной чеканки*. Создание модели «в надлежащую высоту» было отложено из-за отсутствия на тот момент финансирования, а затем и вовсе отменено в связи с изменением места установки памятника. Отлитая на заводе Шопена модель была впоследствии приобретена у автора «для постановки в саду Царскосельского дворца»**, где простояла на главной аллее Екатерининского парка до Великой Отечественной войны. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

В мае 1863 г. Санкт-Петербургская городская дума обратилась к императору с предложением перенести заказанный Микешину памятник из Царского Села в Петербург, в сквер перед Александрийским театром и поместить на пьедестале изображение президента АХ и личного секретаря императрицы И. И. Бецкого. Инициатива думы была одобрена императором. В соответствии с новым местоположением монумента 16 июня 1863 г. Микешин выполнил новый эскиз памятника, созданный по образцу модели для Царского Села, добавив на шестигранный постамент бюст Бецкого. Проект был показан государю, который велел художнику переделать пьедестал, придав ему «более строгий характер, приличный памятнику в столице»***.

30 ноября того же года Микешин представил новый проект памятника «с измененным пьедесталом более строгого стиля». Вместо шестигранного он предложил четырехгранный пьедестал, облицованный гранитом трех сортов, на котором вместо пяти бронзовых бюстов разместил шесть медальонов из красной меди с изображением великих людей Екатерининской эпохи****. Новый проект был представлен на экспертизу членам Совета АХ, которые в своем заключении отметили, что «новый рисунок пьедестала... не только еще менее монументален, чем прежде сочиненный, ...но и без всякого выражения — формы его неодушевленны, мертвы. Что же касается до материалов для пьедестала, то набор различных сортов камней, расположенных в разных поясах пьедестала признан неуместным»**.

* Выставка проходила со 2 мая по 15 ноября 1862 г.

** РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 45. Л. 46, 92, 92 об.

*** Там же. Л. 46.

**** РГИА. Ф. 207. Оп. 3. Д. 178. Л. 22, 39, 48.

* РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 45. Л. 49 об., 75–76.

Эскиз памятника вместе с отзывом о нем Совета АХ был представлен Александру II, который повелел вернуть проект Микешину для переделки.

Суровая критика проекта не могла не задеть честолюбивого художника, и он через графа Адлерберга попросил личной аудиенции у императора, чтобы объясниться с ним по проекту. Эта аудиенция состоялась в Зимнем дворце 26 декабря 1863 г.* Нам неизвестно, о чем говорил государь с художником, но после этой встречи Микешин с воодушевлением начал работу над новым вариантом памятника Екатерине II.

Новая гипсовая модель монумента, выполненная в 1/8 «настоящей величины», минуя экспертизу Совета АХ, была представлена Микешиним лично императору 19 августа 1864 г. в Золотой гостиной Зимнего дворца. По проекту пьедестал монумента колоколообразной формы должен был быть облицован гранитом трех цветов: основание — из красного питерлакского гранита «с иссеченными в нем ступенями, образующими 4 всхода, или лестницы, разделенные крестообразно расположенными выступами»; постамент в форме цилиндра облицован снаружи киевским лабрадором и декорирован бронзовыми кронштейнами. Вокруг постаменту располагались семь фигур сподвижников Екатерины Великой: П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин, А. В. Суворов, Г. Р. Державин, Е. Р. Дашкова, И. И. Бецкий и А. А. Безбородко. Венчала всю композицию бронзовая фигура императрицы в длинной ниспадающей мантии**. Как видно из описания модели, в этом (третьем по счету) варианте художником было найдено общее композиционное решение всего монумента, которое и было осуществлено.

Государь одобрил проект памятника, но повелел художнику изменить слишком фривольную позу Потемкина с закинутой на колено ногой, отметив, что такая поза «вполне выражает характер этого исторического человека, ...но в ней нет монументального характера, приличествующего задаче»***. Проект Микешина

* РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 45. Л. 54, 56.

** Описание этой модели приведено главным управляющим путей сообщения и публичных зданий П. П. Мельниковым во «Всеподданнейшем докладе» Александру II от 3 февраля 1865 г. См.: РГИА. Ф. 207. Оп. 3. Д. 178. Л. 77, 77 об.

*** РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 45. Л. 86, 87 об., 90. В такой позе запечатлен Потемкин в выполненной из бронзы и камня модели памятника

был рассмотрен экспертами Главного управления путей сообщения, которые в своем заключении высказали ряд замечаний. В частности, для большей прочности сооружения автору было предложено «придать более тупую форму» большой выкружке в базе постаменту; а также заменить красный питерлакский гранит в основании пьедестала на более прочный материал, устойчивый к перепадам погоды*. Микешин согласился с замечаниями и обязался учесть их при производстве работ. После этого 4 февраля 1865 г. Александр II утвердил проект «с теми изменениями, которые Высочайше указаны императором и которые впредь будут признаны необходимыми»**.

Вначале предполагалось выполнить памятник в три года, но из-за отсутствия финансирования сроки работ по сооружению монумента были перенесены на несколько лет. Лишь летом 1869 г. начались работы по устройству фундамента. В том же году Александр II внес в утвержденный проект следующую поправку: поместить с боковых сторон постаменту медальоны с изображением флотоводцев В. Я. Чичагова и А. Г. Орлова-Чесменского в бронзовых рамках***. Микешин отвечал за исполнение художественной модели памятника «в колоссальную величину». Подряд на каменные работы был заключен с купцами Г. А. Балушкиным и Н. П. Осетровым. Отливка бронзовых частей проводилась на бронзолитейном заводе Р. Я. Кохуна, с которым был заключен контракт 3 октября 1869 г. Общее заведывание производством работ по строительству памятника было возложено на архитектора Д. И. Гримма.

В литературе существует устойчивое заблуждение, что пьедестал памятника Екатерине II выполнен по проекту Д. И. Гримма. Версия о его авторстве возникла в 1898 г. в опубликованном в журнале «Зодчий» биографическом очерке, посвященном памяти архитектора. В нем сообщалось, что первые два варианта

Екатерине II, которая ныне находится в Камероновой галерее Царского Села. Модель, изготовленная в литейной мастерской А. Н. Соколова, была представлена Микешиним государю 12 августа 1865 г. Какое-то время она находилась в ротонде Зимнего дворца, затем по приказу императора была помещена в один из залов Царскосельского дворца.

* РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 45. Л. 78 об.

** РГИА. Ф. 207. Оп. 3. Д. 172. Л. 79 об.

*** РГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4042. Л. 15.

памятника, созданные Микешиним в начале 1860-х гг., не понравились императору, и были признаны Академией художеств неудовлетворительными. «Тогда, уже в 70-х годах, Государь Император Александр II поручил Д. И. [Гримму] составить, сообщая с академиком Микешиним, новый проект. Этот последний и был Высочайше одобрен и немедленно принят к исполнению. В 1872 году памятник императрице... был торжественно освящен»*. Вероятно, на основании этой публикации Е. Б. Иванова, автор монографической статьи о творчестве Д. И. Гримма, утверждает, что архитектор не только проектировал постамент, но и участвовал в разработке всей скульптурной композиции памятника императрице, «над эскизами которого скульптор М. О. Микешин малоуспешно работал почти десять лет»**.

Авторство Микешина в создании композиции пьедестала подтверждается не только архивными документами, но и свидетельством ученика и помощника Гримма — инженера-строителя Н. М. Бихеле, принимавшего непосредственное участие в сооружении памятника. В 1874 г. в журнале «Зодчий» им была опубликована статья, в которой автор подробно рассказал обо всех этапах строительства монумента и скрупулезно перечислил все поправки, внесенные его патроном в проект Микешина. Приведем наиболее существенные из них:

— по проекту Микешина пьедестал следовало выполнить из бутового камня и снаружи облицевать гранитом. Grimm предложил во избежание осадки соорудить пьедестал из гранитных камней;

— постамент под фигурой императрицы соорудить не из киевского лабрадора, а из темно-серого гранита, как более морозоустойчивого;

— из-за дефекта доставленных камней была увеличена высота ступеней на 3 дюйма;

— в связи с желанием императора добавить на памятник две новые фигуры, архитектор расширил постамент под фигурой императрицы на 8 дюймов***.

* Д. И. Grimm. Биографический очерк // Зодчий. 1898. № 11. С. 83.

** Иванова Е. Б. Давид Grimm // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX — начала XX века. Л., 2002. С. 441.

*** Бихеле Н. М. Сооружение памятника императрице Екатерине II // Зодчий. 1874. № 7. С. 89.

Как видим, все поправки к проекту Микешина, утвержденного императором в 1865 г., носили чисто технический характер и не касались архитектурной композиции пьедестала. Поэтому с полным правом можно считать, что автором проекта *всего* памятника является М. О. Микешин.

15 февраля 1871 г. полномасштабная гипсовая модель памятника, собранная на заводе Р. Я. Кохуна в специально построенной мастерской, была осмотрена Александром II, который высказал ряд замечаний и повелел:

— поместить на постаменте фигуры Чичагова и Орлова-Чесменского, убрав с памятника медальоны с их изображениями;

— раздвинуть все нижние фигуры, для чего расширить насколько возможно основание памятника;

— заменить подушку под ногой Потемкина каким-нибудь воинским атрибутом;

— шляпу у гр. Румянцева «убавить соразмерно его голове»;

— привести орнаментальную отделку «в один характер, приличный памятнику»*.

Для исполнения последнего пункта была собрана комиссия, которая пришла к заключению, что архитектурные детали на утвержденном императором чертеже и малой гипсовой модели памятника «исполнены с полным знанием дела», тогда как эти же детали на модели памятника в настоящую величину исполнены «не с должною тщательностью», а по своим формам и размерам не соответствуют утвержденной государем малой модели. Поэтому комиссия предложила переделать упомянутые части согласно утвержденному проекту, придав им «более строгую форму, соответствующую времени Людовика XVI. Исполнение архитектурных деталей памятника было поручено архитектору Виктору Шретеру, с которым 21 марта 1872 г. был заключен договор на исполнение в гипсе картушей и кронштейнов, связывающих низ с верхом»**. После всех исправлений началась отливка бронзовых частей памятника и установка их на гранитном постаменте. Вокруг памятника был устроен предусмотренный проектом Микешина гранитный тротуар, установлена решетка (не

* РГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4042. Л. 57, 57 об.

** РГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4042. Л. 150.

сохранилась) и четыре газовых фонаря, созданные по рисунку Д. И. Гримма.

Торжественное открытие монумента состоялось 24 ноября 1873 г. В день открытия подрядчик каменных работ Н. П. Осетров преподнес в дар императору модель памятника Екатерине II размером в 1/16 настоящей величины, изготовленную «с точным применением тех материалов, из которых сделан памятник». Такие же модели были подарены министру путей сообщения графу А. П. Бобринскому и строителю памятника, профессору Д. И. Гримму, который в 1896 г. преподнес подаренную ему модель Санкт-Петербургскому обществу архитекторов, «с тем, чтобы сумма, вырученная от продажи, пополнила казну вдов и сирот»*.

Одна из этих моделей хранится сейчас в Русском музее, другая — в Государственном историческом музее в Москве; местонахождение третьей модели пока не установлено.

И. А. Золотинкина

К ПОИСКАМ «ИСТИННОГО НАЦИОНАЛИЗМА» В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ИСКУССТВА НИКОЛАЯ ВРАНГЕЛЯ

В великом переломе русской жизни... особенно ярко выступили две силы, совершенно одна другой противоположные и носящие тем не менее одно название — национализм. Для одной это название — символ власти и самодовольства, для другой — глубокого, твердого самопознания.

С. Ф. Ольденбург

ИЗУЧЕНИЕ художественного наследия является не только областью научных исследований. Оно всегда было способом формирования национальной памяти, осмысления национального самосознания. Как памятники искусства, так и их интерпретация становятся достоянием политической публицистики и полемики, приобретая в глазах общественности некий дополнительный смысл. Споры о таких понятиях, как патриотизм и национализм чрезвычайно актуальны сегодня. Были они актуальны и более 100 лет назад, в преддверии грандиозных гражданских катаклизмов в России. В высказываниях той эпохи мы можем видеть и наши современные проблемы, и попытки ответов на эти вечные вопросы.

В декабре 1915 г. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины провело заседание в память своего секретаря Николая Николаевича Врангеля, за полгода до того умершего в Варшаве. Барону Врангелю было всего 35 лет. Наиболее активный и авторитетный член Общества защиты, Врангель принадлежал к самым харизматичным фигурам эпохи. Отмечая заслуги ученого в развитии отечественной науки об искусстве, особый акцент участники заседания делали на патриотической позиции барона.

* Краткие сведения о модели памятника императрице Екатерине II // Неделя строителя. 1896. № 21. С. 87.

Еще в самом начале Мировой войны, в августе 1914 г. редакция журнала «Старые годы», ведущим сотрудником которого был Врангель, приняла решение о приостановке издания ввиду начавшихся военных действий и участия ряда сотрудников в связанных с войной предприятиях. «Война за отечество захватила наши мысли и чувства»*. То же мы читаем в дневнике барона. «Стыдно... — опять ощущение, которое я теперь испытываю от своего вынужденного бездействия. Чувствуешь себя каким-то тунеядцем, не имеющим права на существование. Странное дело, но те интересы, которыми жили до сих пор, кажутся ныне совершенно пустячными, и прежние ценности не стоят ничего <...>. Какой-нибудь пошлый и неразвитый офицер, которого все „судили снисходительно“, теперь во сто крат нужнее всех теоретиков, умников, деятелей искусства и науки»**.

Однако Бенуа публично осудил решение редакции журнала. Он поместил в газете «Речь» статью «Искусство и война»***, основной темой которой был протест против примитивного, внешнего проявления патриотизма и против «несерьезного» статуса искусства во время военных катаклизмов. По воспоминаниям редактора-издателя «Старых годов» Петра Вейнера, появление этой статьи было для всей редакции неожиданностью и произвело «впечатление выстрела из-за угла»****. В продолжение полемики был опубликован ответ Врангеля «Ключ к сердцу»*. Статья была написана с непривычным для барона максимализмом и патетикой: «...забвение, или, вернее, временное забвение многого, чем мы еще вчера жили, кажется мне не только нужным, но необходимым для обновления человечества. <...>. Остановившая до конца войны свою деятельность, группа лиц, изучающих и любящих давние годы, поняла, что сейчас наша жизнь столь

* [От редакции] // Старые годы. 1914. Октябрь — декабрь. С. 119.

** Врангель Н. Н. В дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. / сост., комм. А. А. Мурашова. СПб., 2001. С. 26.

*** Бенуа А. Н. Искусство и война // Речь. 1914. 18 сентября. Переиздано: Вейнер П. П. Библиографические листки. «Старые годы»: их история и критика / сост., комм. И. А. Золотинкиной. СПб., 2008. С. 251–256.

**** Вейнер П. П. Указ. соч. С. 140. Также см.: РГИА. Ф. 788 (редакции «Старые годы»). Д. 164. О статье А. Н. Бенуа о приостановлении издания журнала...

* Врангель Н. Н. Ключ к сердцу // Речь. 1914. 20 сентября.

необычайно увлекательна и значительна, что великий смысл ее поглощает всё остальное»*. Бенуа отреагировал статьей «Ответ барону Врангелю»**. Спор Бенуа и Врангеля затрагивал не только событийную сторону вопроса, но и общие понятия о мировосприятии и духовном предназначении искусства. К концу 1914 г., когда утратилась «острота восприятий» (Вейнер), выпуск журнала «Старые годы» возобновился. Барон Врангель 20 октября 1914 г. был назначен уполномоченным военно-санитарного поезда № 81, курсировавшего из Петрограда на Юго-Западный фронт. С марта 1915 г. он работал в Управлении Красного Креста Северо-Западного фронта.

Эволюция восприятия войны четко отслеживается по дневнику Врангеля. В самые первые дни он мыслил глобальными категориями: «Словом, думается мне, что наконец-то пришла кончина усталому миру культуры вчерашнего дня. Одичалые народы позабудут все свои идеалы и стремления, но именно из некоего периода такой дикости и вырастет новый, неожиданный и прекрасный мир»***. Последующие страницы, написанные в санитарном поезде, наполнены возмущением не только естественными «ужасами войны», но и негодованием на преступную безалаберность, черствость, неорганизованность различных чиновников и благотворителей. Вовсе уничижительно звучит политическая терминология. «Наши „патриоты“ положительно переходят всякие границы приличия», — так начинается последняя запись в дневнике, датированная 3 июня 1915****.

Этим же понятием, но с положительной коннотацией характеризовал самого Врангеля Бенуа: «Врангель патриот, — я бы сказал, в чисто петровском смысле этого слова»*. Для барона занятие историей искусства являлось не только актом эстетического переживания и игрой ума, но реальной борьбой за сохранение памятников Отечества. Дебютная статья Врангеля в журнале «Старые годы» «Забывшие могилы» (1907, февраль) была посвяще-

* Врангель Н. Н. Ключ к сердцу.

** См.: Речь. 1914. 21 сентября.

*** Врангель Н. Н. В дни скорби. С. 45.

**** Там же. С. 140.

* Бенуа А. Н. Барон Н. Н. Врангель и его значение в русской художественной жизни // Венок Врангелю. Пг., 1916. С. 85.

на разрушающимся памятникам в Александро-Невской лавре. Начинаясь она словами «Нигде не гибнет столько произведений искусства, как в России». Она имела большой резонанс в обществе*. Деятельность барона по борьбе с вандализмами и спасению памятников искусства хорошо известна. На этом поприще он был одной из самых активных фигур. Однако Бенуа вложил в свою характеристику Врангеля не общепринятый смысл понятия патриотизм, отсылающий к военным подвигам и делам во славу Отечества, а нечто более глубокое.

Здесь уместно вспомнить о другом понятии, тесно связанном с патриотизмом — национализме. Поиск Национальной идеи и философские рассуждения о «русском пути» особенно будоражили умы русской интеллигенции в 1900–1910-е. Споры велись как между политическими противниками — консерваторами и либералами, «великодержавными шовинистами» и «космополитами»; так и внутри этих условных сообществ. Известный публицист и критик Дмитрий Философов отмечал: «Национальный вопрос стоит теперь на очереди. Вернее, вопрос русской культуры. Дело не в политике, не в черносотенстве, которое эксплуатирует национальный вопрос в корыстных, противукультурных целях»**. Консервативные публицисты, напротив, подчеркивали «антинациональный дух передовой интеллигенции (...) у которой нет ни национальной веры, ни культуры Отечества, ни заветных преданий»***. Поэтому «национализм» и «патриотизм» в глазах интеллигенции чаще противопоставлялись друг другу, наполняясь совершенно разной трактовкой.

Ряд показательных моментов фиксируют дневники Врангеля. Негодуя на переименование Санкт-Петербурга в Петроград, он писал: «Это один из признаков того падучего и глупого ложного национализма, который в завтрашний день нашего существования обещает стать лозунгом дня. Эта самодовольная влюбленность в себя и свою псевдокультуру и будет одним из признаков российско-славянского одичания»****. В одном из номеров «Речи»

* Подробно см.: РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1905. Д. 190.

** Философов Д. В. Самобытность русского зодчества // Русская мысль. 1910. № 11. С. 73–87.

*** Герасимов Н. И. В защиту русского национализма. М., 1912. С. 5, 6.

**** Врангель Н. Н. В дни скорби. С. 44.

барон отметил «прекрасную статью», пересказывающую публикацию религиозного мыслителя Евгения Трубецкого из «Русских ведомостей»*. Трубецкой противопоставлял русский патриотизм немецкому национализму, «который заменяет нравственность национальностью и возводит свой народ в кумир, ради которого все считается дозволенным», а отвратительными чертами национализма считал национальную исключительность, самообожающие и ненависть к другим народам.

Но существовало ли позитивное наполнение понятия «национализм» у представителей либеральной, брезгливой к черносотенству и великодержавному шовинизму публики? Именно так значение деятельности Врангеля было представлено академиком Ольденбургом. Доклад его так и назывался: «Барон Врангель и истинный национализм»**. Знаменитый ученый-востоковед Сергей Федорович Ольденбург тесно общался с Врангелем в 1910–1912-е годы, во время подготовки грандиозной выставки «Ломоносов и елисаветинское время». Академик являлся председателем выставочного комитета, а барон — комиссаром. Ольденбург занимал активную гражданскую позицию: с 1905 г. был членом партии Конституционных демократов; в 1912 был избран в Государственный Совет от Академии наук и российских университетов, а в 1915 — стал членом Особого совещания по обороне; после Февральской революции вошел в ЦК партии кадетов, и недолгое время был министром народного просвещения.

На первый взгляд, такое название доклада о Врангеле, человеке абсолютно аполитичном, покажется конъюнктурой. Но труды Врангеля, как и других представителей эссеистического искусствознания, являются не беспристрастной аналитикой. Их эмоциональность, образность и некая субъективность были призваны возбудить в читателях сопричастность к отечественной истории. К тому же Врангель обладал несомненным литератур-

* Врангель Н. Н. В дни скорби. С. 34. Врангель имеет в виду редакционную передовицу: Речь. 1914. 5 (18) августа. № 207. См.: Трубецкой Е. Н. Патриотизм против национализма // Русские ведомости. 1914. 2 августа. № 177.

** Ольденбург С. Ф. Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю. Пг., 1916. С. 88. (Переиздано: Врангель Н. Н. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 306–309.)

ным талантом и даром оживлять пленительные картины прошлого.

В трудах Врангеля можно выделить два общих программных момента: критическое отношение к объекту исследования, то есть к собственной истории; поиски и утверждение самобытности России в русле европейского развития, а не в противовес ему.

Развитие русской культуры в общеевропейской традиции,— то, что традиционно называют западничеством,— было мировоззренческой основой для деятелей круга «Мира искусства». Россия в Европе: «часть одного целого, самый, правда, краешек этого целого»*,—эта идея была постулатом в исследованиях Бенуа, Игоря Грабаря, Сергея Маковского и других. «...я хочу лишний раз подать голос протеста против тех, кто во что бы то ни стало стараются выделить Россию из общей семьи европейских народов...»**,— писал Бенуа в статье о древнерусских иконах. Критик варьировал эту мысль во многих «Художественных письмах». Национальное достоинство в ракурсе космополитизма,— так кратко можно выразить credo Бенуа. «Я тоже знаю, я тоже люблю и прямо обожаю всё то, что у нас сохранилось совершенно своего, особенного, почвенного идущего из самых недр земли русской. И я скорблю об исчезновении всей этой сказки <...>. Будем, будем всё это оберегать, постараемся найти способ, как сохранить, оживить и распространить эту красоту, но не станем торговать этим, кичиться этим, забывать обо всем остальном»***,— эмоционально высказывался Бенуа против традиции причислять к «национальной» русской культуре лишь народные и «древнерусские» формы.

Первая треть XIX в. стала излюбленной областью научных интересов Врангеля. За сто лет «ученичества» в XVIII столетии иностранная культура «привилась» в России и, в сочетании с проявившимся национальным самосознанием «великого, поэтического и прекрасного народа»****, получила русский характер. Именно годы александровского царствования исследователь

* Бенуа А. Н. Русские иконы и запад // Речь. 1913. 9 (22) апреля.

** Там же.

*** Бенуа А. Н. Приговор Мутеру // Речь. 1910. 16 (29) января.

**** Врангель Н. Н. Иностранцы [XVIII века] в России // Старые годы. 1911. Июль—сентябрь. С. 70.

считал временем становления новой национальной культуры и ее расцвета на европейском уровне. «Эта история новая, ибо не повторяет она примеры прошлого, и русская, ибо соединяет истинно национальные черты с иноземным налетом, завершая длинную вековую борьбу разных рас и являя новую, помещичью, крепостную культуру <...>. „Пушкинская Россия“—и я не хочу называть ее иной—была сплавом лучшего, что было в Европе с самыми мудрыми и прекрасными заветами простонародной русской жизни»,—писал он*. «„Стилем отечества“ должны мы признать тогда архитектурный стиль Empire. Ибо корень он новой красоты, и выросли в нем наши немногие действительно русские таланты»**. Такое прославление «дней Александровых прекрасного начала» было естественным для деятелей круга «Мира искусства». Ведь именно этот период стал основой их собственной традиции, источником вдохновения и творческого переосмысления. В этом мирискусники противопоставляли себя предшествующему поколению русской интеллигенции, для которых классицистическая архитектура, в особенности поздний ампирико-николаевское царствование, стала олицетворением казенщины и даже политической реакции***. Но каждый находил и подчеркивал в «русском» ампире свои нюансы: всеобщую космополитическую красоту или выявившийся национальный акцент. Александр Бенуа писал: «Самый холод классицизма прежде, чем стать холодом „казенщины“, отвечал душевным требованиям известного воздержания, необходимого при господстве принципов свободы, равенства и братства. Любимым стилем государя Александра Павловича, величайшего романтика в душе, сделался „ампир“ не потому, что был „казарменным“ и „муштрованным“, а потому что он был благородным в своей простоте»****. Игорь Грабарь так рассуждал о русской архитектуре первой четверти XIX века и ее важнейшем элементе—классицистической колонне: «Колонна

* Врангель Н. Н. Иностранцы XIX века в России // Старые годы. 1912. Июль—сентябрь. С. 5–6.

** Там же.

*** См. подробно: Пунин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990. С. 14–23.

**** Бенуа А. Н. Искусство времени Отечественной войны // Речь. 1912. 30 августа (12 сентября).

незаметно так всем полюбилась, что из дворцов перешла вскоре на частные дома, из столиц перебросилась в провинцию, и по всей России забелели колонки „дворянских гнезд“ и „домиков с мезонинами“. И колонны так слились с окружающими их березками и так к стати пришлись к линиям русских овражков, что постепенно превратились в несомненное русское достояние и даже в какую-то исключительно русскую принадлежность сельской природы)*. Философов был еще более категоричен: ««Дорическая колоннада» Воронихина в тысячу раз более русская, нежели «византийско-петербургские» соборы немца Тона»**.

Труды Врангеля по истории русского искусства Ольденбург обобщил следующими словами: «Здесь и нежная любовь, и суровая критика». Не случайно сам Врангель в предисловии к сборнику статей «Венок мертвым» (1913) обозначил его как «венок с шипами»***. Один из ближайших друзей барона, князь Сергей Волконский дал такую характеристику: «Я затруднился бы определить, что будет правильнее сказать о Врангеле: что для него не было на свете ничего святого или что не было на свете ничего, что не было бы для него свято. <...> Способность, скажем, не сжечь, а поджечь то, чему поклонялся,— никогда не покидала его»****. В полной мере и в личности Врангеля, и в стиле его искусствоведческих эссе отразилась оксюморонность, то есть двойственность, ставшая одной из главных характеристик эстетики Серебряного века: одновременное любование и жестокая насмешка. В его лучших работах («Императрица Елисавета и искусство ее времени», «Помещицья Россия»*) четко отразилась внешне парадоксальная, но щемящая любовь к Родине. Это досада образованного европейца на российское бескультурье («поразительная неурядица и отсутствие порядка были всегда характерны для русской

* Грабарь И. История русского искусства. Т.1. Архитектура. Ч.1. Допетровская эпоха. М., 1910. С. 8.

** Философов Д. В. Самобытность русского зодчества // Русская мысль. 1910. № 11. С. 75.

*** Врангель Н. Н. Венок мертвым. СПб., 1913. С. 6.

**** Волконский С. М. Мои воспоминания. Т.1. Лавры. Странствия. М., 1992. С. 77–78.

* См.: Врангель Н. Н. Помещицья Россия // Старые годы. 1910. Июль–сентябрь. С. 5–79; Он же. Императрица Елисавета и искусство ее времени // Аполлон. 1912. № 7. С. 5–12.

жизни»*). Это умиление национальной «варварской» самобытностью с сожалением об утрате своей культурной традиции, «нелепого» и «полудикого» своеобразия. Эпоха «веселой Елисавет» была ему более симпатична, чем помпезное Екатерининское время, когда «мы уже были „настоящими иностранцами“»**. Любовно выписывал он приметы «русского самодурства, главного двигателя нашей культуры и главного тормоза ее»***.

Культивирование интереса к наследию русского классицизма, осуществляемое Бенуа, Врангелем и их коллегами, шло параллельно с развитием неоклассицизма в русской художественной культуре 1910-х гг. Как отмечал один из современных исследователей, именно с неоклассицизмом тогда «связывались утопические идеи „пересоздания“ человека и совершенствования национальных отношения»****.

Сегодня слова академика Ольденбурга об истинном национализме как о «сапопознании» можно также назвать утопическими. Национализм барона Врангеля, (конечно, с большой долей условности) мы бы охарактеризовали определением «критический». Пытливое самопознание, опирающееся во многом на самоиронию и саморефлексию, лишенное мощного позитивного заряда, пафоса и лозунговой однозначности, вряд ли способно объединить вокруг себя широкие круги народа, оставаясь уделом немногих знатоков и скептиков.

* Врангель Н. Н. Помещицья Россия. Цит. по переизданию: Врангель Н. Н. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 36.

** Врангель Н. Н. Императрица Елисавета и искусство ее времени. Цит. по переизданию: Врангель Н. Н. Свойства века. С. 21.

*** Врангель Н. Н. Помещицья Россия. Переиздано в сб.: Врангель Н. Н. Старые усадьбы. СПб., 1999. С. 27.

**** Круглов В. Ф. Русский неоклассицизм // Неоклассицизм в России. СПб., 2008. С. 13.

М. Н. Микишатъев

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РЕСТАВРАЦИИ ФАСАДОВ ДОМА ТРОЕКУРОВА НА 6-Й ЛИНИИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Весной 1968 г. в здании Академии художеств на Васильевском острове произошла знаменательная встреча, предопределившая весь последующий ход моей жизни. В архитектурную мастерскую 4 курса под руководством профессора А. К. Барутчева, где в ту пору проходил обучение автор этих строк, вошел молодой преподаватель с факультета теории и истории искусств (ФТИИ) Андрей Львович Пунин. Он руководил студенческим научным обществом и кружком «Памятники старины», где я к тому времени был старостой. Поэтому совсем не удивился его приходу, хотя к нам на третий этаж он заглядывал нечасто. Тем не менее цель его визита была весьма неожиданной, хотя в какой-то степени и связанной с деятельностью Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), в работе которого мы оба принимали активное участие.

Андрей Львович положил на мой чертежный стол увесистый том в обложке темно-синего цвета и раскрыл его посередине. Это был выпуск Ежегодника Института истории искусств АН СССР за 1960 г. (М.; Л., 1961), в котором была помещена статья А. Н. Петрова «Жилой дом в Петербурге 1730–1740-х годов», которая и была представлена моему взору. «Видите вот этот фасад?», — показал на одну из картинок Пунин. — «Это дом Троекурова в Ленинграде. Он расположен совсем недалеко. На Васильевском, в двух шагах отсюда. Вы бы не хотели заняться его исследованием и реставрацией?». Кто бы отказался от такого королевского предложения, которое, как тут же выяснилось, исходило даже не от Андрея Львовича, а от истинного небожителя (в моем представлении) — профессора Игоря Александровича Бартенева, преподававшего (и как? — с блеском!) любимую историю архитектуры. Судьба моя была решена.

Далее следовало бы поместить обширную повесть, рассказывавшую о многообразных серьезных, забавных, а порой и весьма

драматических перипетиях, составивших двухлетнюю историю исследования и реставрации внешнего фасада дома Троекурова. Но эта повесть так и осталась ненаписанной, да она была бы и неуместна в данном сборнике. К счастью, автор располагает несколькими любопытными текстами, относящимися к этой эпопее. Один из них — машинописный сценарий выступления автора на Ленинградской студии телевидения, написанный им самим. 10 августа 1968 г. мы с Игорем Александровичем, который был душой и двигателем всего этого дела (помимо занимаемых им служебных и общественных постов, он обладал внушительной внешностью и хорошо поставленным «профессорским» голосом, так что умел в случае надобности произвести «импозантное, репрезентативное» * впечатление, даже при разговоре из будки телефона-автомата), должны были рассказать о нашем исследовании дома Троекурова на телевидении. Не помню, была ли с нами Марина Викторовна Иогансен (о ней речь еще впереди), но, судя по «сценарию», присутствовал там и Б. Н. Федоров, который также будет представлен читателю позже.

Выступать мы должны были в выпуске новостей, сюжеты к которым в те годы не записывались, а шли в прямом эфире. Но тогда «прямой эфир» был уже опасной штукой для власти, быстро сворачивавшей завоевания «оттепели» (до вторжения в Чехословакию оставалось десять дней). Поэтому необходимо было заранее иметь сценарий трехминутного выступления (три минуты — время, бесконечное для тогдашнего телевидения!) Сценарий должен был пройти предварительную цензуру или апробацию у начальства, а затем надо было неукоснительно следовать тексту, при этом говоря перед камерой естественно, живо и «без бумажки». Вот этот-то забавный сценарий и сохранился в моем архиве.

Другой документ — несколько исписанных от руки листочков, скорее всего, — итог моего выступления на студенческой научной конференции осенью 1969 г. (о том, что подобное выступление имело место, в последнее время неоднократно вспоминает Б. М. Кириков, хотя и в несколько юмористическом тоне).

* Любимые эпитеты И. А. Бартенева, которыми он часто характеризовал внушительные и великолепные порталы и фасады сооружений прошлого.

Общий вид Дома Троекурова до реставрации. 1968. Фотография автора

По существу, это единственная предпринятая мною попытка составить краткий отчет о проделанной тогда работе.

Наконец, благодаря одному из основных участников исследовательского процесса, Марине Викторовне Иогансен, мы имеем научную публикацию, посвященную исследованию и реставрации фасада Дома Троекурова. Но она, по некоторым организационно-издательским причинам, была оформлена как статья о «внеаудиторной работе» со студентами. Напечатанная на рота-принте ничтожным тиражом, в сборнике, посвященном учебной работе, она, конечно, только совершенно случайно может быть обнаружена специалистами по охране и реставрации памятников, историками архитектуры. Поэтому и эту замечательную статью можно считать «затерявшимся текстом», который воспроизводится нами с минимальным редактированием.

Эти три документа представляем вашему вниманию в настоящей публикации, дополнив их необходимыми примечаниями. В завершение вкратце расскажем о последующей судьбе памятника.

I.

РЕСТАВРАЦИЯ ГЛАВНОГО ФАСАДА ДОМА № 13 ПО 6-Й ЛИНИИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА (Б. ДОМ ТРОЕКУРОВА) [сообщение 1969 года]

Весной 1968 года архитектурная секция В[асилеостровского] О[тделения] ВООПИК приняла решение произвести на общественных началах изыскательские и проектные работы для реставрации фасадов дома № 13 по 6-й линии В[асильевского] О[строва], описанного в статье А. Н. Петрова «Жилой дом в Петербурге 1730–1740-х годов»* и давно привлекавшего внимание историков архитектуры характерным для начала XVIII века композиционным решением, почти не искаженным перестройками, и внушавшим тревогу ветхим состоянием фасадов.

Следует отметить, что фасады [этого дома] в 1868 году подверглись вторичной (первая произведена была в 1803 году) и весьма основательной переделке, причем были срублены многие декоративные детали XVIII века (наличники, карнизы из лекального кирпича и пр.), вместо того были приложены (с заглаблением в стену) новые пилястры, фасады были гладко заштукатурены, заново оформлены пышной лепниной, литой из гипса, [а также новой «сочной» рустовкой с фактурной поверхностью рустов. Толщина известкового намета достигала местами 20 сантиметров!]. Карнизы XVIII века были заменены новыми, с большим выносом венчающей части, выложенной по известняковой плите. К 1968 году, как было сказано выше, [здание] стало ветшать, штукатурка местами отваливалась, обнажая детали постройки XVIII века, например рустовку на правом углу мезонина.

Работы по исследованию дома возглавил председатель ВО ВООПИК И. А. Бартенев, активнейшее участие в ней принимала архитектурная секция: Б. Н. Федоров (председатель), М. В. Иогансен (секретарь), В. С. Баниге и др. К работе были привлечены студенты института им. Репина, члены Общества охра-

* Петров А. Н. Жилой дом в Петербурге 1730–1740-х годов // Ежегодник Института истории искусств АН СССР. 1960. М.; Л., 1961.

Окно с начатой расчисткой подоконной стенки. 1968. Фотография автора

ны памятников, принимающие активное участие в работе СНО*, М. Микишатъев, Р. Рейдна, В. Круглов и др. Неоценимую помощь оказала также [районный архитектор] ГИОП по В[асильевскому] О[строву] В. А. Бутми.

С мая по август 1968 года производились расчистки и обмеры здания, причем к осени 1968 года практически всё здание, исключая поздние пристройки, было освобождено от лепнины и штукатурки XIX века, и в этом несомненная заслуга студентов Института им. Репина, особенно Рейдна и Круглова. Параллельно производилось изучение памятника, делались обмеры и составлялись проекты.

В ходе расчисток стало ясно, что все документы, которыми мы располагали, так или иначе грешили против истины. Это относится и к чертежам, опубликованным А. Н. Петровым (кстати, до сих пор не обнаруженным в архивах, несмотря на долгие поиски М. В. Иогансен), и к обмеру Мясоедова (1868), и к аксонометрии на плане Сент-Илера.

* Студенческое научное общество (прим. 2013 г.).

Выявление наличника, ниши и рустованных лопаток. 1968. Фотография автора

Расчистки и обмеры показали, что имеется достаточно натурального материала, чтобы составить по нему проект реставрации, хотя имелись неясные вопросы. Так, например, долгое время оставался нерешенным вопрос относительно первоначальных карнизов. Однако на основании изучения остатков карниза на дворовом фасаде и лекальных кирпичей, использованных в позднейших перекладках, на основании кропотливого подбора и изучения аналогий, были реконструированы карнизы для мезонина и для первого этажа. Можно себе представить радость, когда на дворовой стороне мезонина под кровлей поздней пристройки обнаружили кусок первоначального карниза, полностью совпавший с нашей реконструкцией. Тогда же были найдены выдры [или штробы] старой, более высокой крыши и куски черепицы, очевидно с нее, [использованные для позднейшей закладки штроб при понижении кровли]; большие обломки старинной черепицы обнаружены также на чердаке дома.

Работы по раскрытию памятника освещались в прессе и по телевидению.

[Об исторической справке*]

Проектные работы проводились в несколько этапов. Первый утвержденный вариант проекта выполнен Б. Н. Федоровым в самом начале археологических изысканий, когда у нас не было обмерных материалов, и многое было неясно. Поэтому, несмотря на прекрасное исполнение, этот проект имел много неточностей.

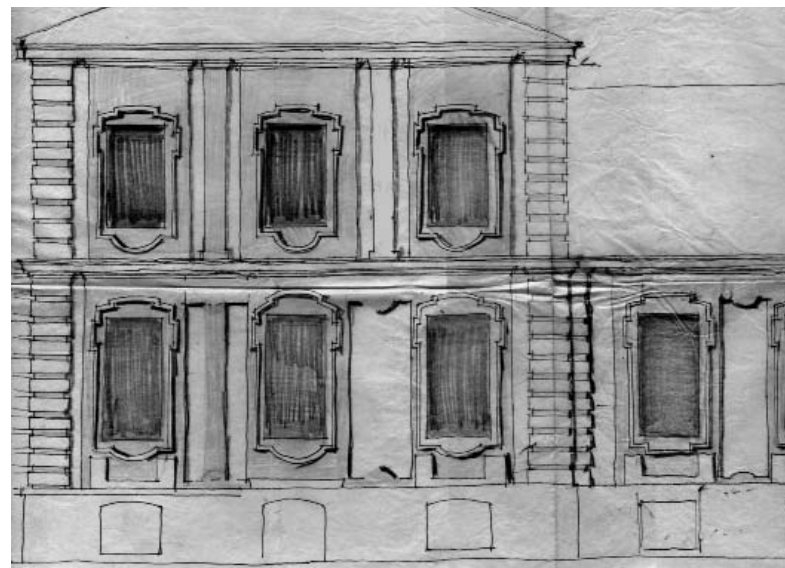
В августе 1968 года М. Микишатъевым была начата работа над вторым вариантом проекта, на основе полученных обмерных данных, при этом была сделана лишь рабочая схема фасада и даны шаблоны [утраченных] деталей, которые решено было восстанавливать в штукатурке. Поскольку проектные и изыскательские работы производились на общественных началах, в свободное время, — не представилось возможности произвести обмер полностью, со всеми деталями, и проект по сей день остается незавершенным, — например, нет поэтажных планов и окончательного варианта фасадов. Обмеры также представляли собою лишь кроки, причем детально обмеряны лишь только два окна. Правда, со всех наличников уличного фасада были сняты шаблоны на кальку.

В результате проведенного исследования стало ясно, что сохранность памятника удовлетворительная, окна не «перебиты»** (что [удачно само по себе]), и его можно восстановить без особо больших затрат. Самыми серьезными повреждениями можно считать утрату карниза, повреждение поверхности стены при прикладке [кирпичных] пилястр в XIX веке, частичное уничтожение сводов и устройство витрин в цокольном этаже в 50-х годах XX века. Последние так и не удалось устранить. т.к. [там] помещается магазин Ленкомиссионторга.

Составленный проект реставрации [уличного фасада] был утвержден ГИОП и осуществлен СУ-3 треста Фасадремстрой под наблюдением В. А. Бутми и М. Н. Микишатъева. При реставрации была предпринята попытка вместо штукатурки применить известковую обмазку, как это было сделано в XVIII веке, что придало

* Историческая справка была составлена канд. иск. М. В. Иогансен, в ту пору работавшей в архиве Академии художеств СССР. Ее содержание входит в состав статьи Марины Викторовны, которая воспроизводится ниже в настоящей публикации.

** То есть проемы сохраняют свое местоположение и конфигурацию.

М. Н. Микишатъев. Эскиз вариантов оформления утраченной части фасада на центральном ризалите. 1969. Калька, кар., чернила, перо, фломастер

зданию вид, близкий к первоначальному. Дворовые фасада пока не восстанавливались, лишь подверглись косметическому ремонту.

Каковы же итоги проведенной работы?

1. Памятник архитектуры первой трети XVIII века, стоявший в плане сноса на ближайшие годы, взят в 1969 году под государственную охрану.

2. Сформирован чрезвычайно живописный и очень характерный уголок застройки Петербурга XVIII века — Андреевский рынок — собор Андрея Первозванного — Трехсвятительская церковь и дом Троекурова. Если учесть, что неподалеку (7-я линия, 12) восстановлен [фасад] жилого дома первой четверти XVIII века (здание подворья Александро-Невской лавры), а рядом с троекуровским стоит еще скрытый под ампирическим убранством современный ему жилой дом (№ 15), то можно сказать, что участок 6—7 линий от Невы до Среднего проспекта стал настоящим заповедником старинной архитектуры.

3. И наконец, что очень важно,— дом Троекурова поставлен в план капитального ремонта в этой пятилетке. Это вселяет в нас оптимизм, т. к. если функция здания изменится (сейчас это жилой дом), то капитальный ремонт может быть заменен более углубленной реставрацией, причем будет сделано то, чего не смогли сделать мы.

Студент VI курса факультета архитектуры
Михаил Микишатъев

II.

[Сценарий выступления в программе новостей Ленинградского телевидения 10 августа 1968 года]

[На экране — здание до начала наших работ, — с участками осыпавшейся штукатурки] — Вот с одного из таких мест мы и начали расчистку. В этом вот углу. Штукатурка отходила целыми пластами, так как, к счастью для нас, декорация 1868 года была наложена довольно небрежно. Трудно передать чувства, когда из-под затертой, безразличной поверхности штукатурки показалась живописная, покрытая лишь тонкой обмазкой, кладка XVIII века, словно трепетное живое тело, скрытое доселе известковым панцирем. Видите, сразу открылась эта ниша, а здесь — рустованная лопатка.

К счастью, окна не были перебиты, и отделка не очень пострадала — дом, действительно, уникальной сохранности. На этом чертеже показан сохранившийся на одном из окон рисунок наличника. Такие наличники сохранились почти на всех окнах. По результатам предварительных расчисток и обмеров Борис Николаевич сделал проект реконструкции*. Вот он перед вами.

Но работы продолжались. Много еще было неясно, в частности, карниз под крышей, варварски срубленный при переделке фасада. Начали копаться в архивах, ходить по городу в поисках

* В данном случае речь идет о графической реконструкции предполагаемого (до конца не раскрытого и не обмерянного) фасада. Никакие переделки здесь словом «реконструкция» не подразумеваются.

аналогий. И вдруг вчера — сюрприз к Дню строителя*. Сразу две очень важные находки: во-первых, обнаружили большой кусок карниза, сохранившийся под крышей на чердаке поздней пристройки. Карниз тщательно выложен из специального лекального кирпича. Я принес вам показать две штуки. Видите, какая красивая выкружка и астрогал. А вторая находка — важная для всего города: это старинная черепица, которой была покрыта старая крыша дома**. Вот такая крупная, а ведь это только кусок. Но мы надеемся, что удастся составить хотя бы одну штуку целиком.

[Телеведущая поинтересовалась, каково отношение жителей дома к развернутым нами работам.] — Вы знаете, я даже удивляюсь. В доме живут по большей части рабочие люди. Работают и в ночную, и в вечернюю смену. Днем бы им отдохнуть, а мы стучим под окнами с утра до вечера. Казалось бы, должны быть жалобы, выражения недовольства. Ничуть не бывало. Нам во всем помогают. Даже фартуки дают, чтобы не так пачкались. Все свои манатки мы складываем у них на кухне. Измерительный инструмент*** я держу в кастрюле для кипячения белья. Словом, все время чувствуем заботу о нас. Это очень помогает.

Кстати, о помощи. Мы, молодежь, люди еще не слишком искушенные. У меня опыта реставрации совсем нет. И тут, конечно, здорово помогают старшие товарищи: Игорь Александрович, Борис Николаевич, и особенно районный инспектор по охране памятников архитектуры Ванда Андреевна Бутми. Она уделяет нам много времени и дает очень ценные указания по ведению работ. <...>

Далее текст завершается призывами к молодежи вступить в Общество охраны памятников истории и культуры. Однако хотелось бы добавить один сюжет из истории реставрации дома Троекурова, не нашедший полного отражения в публикуемых материалах. Дело в том, что стены дома были первоначально

* В воскресенье, 10 августа 1968 года отмечался профессиональный праздник — День строителя.

** Крыши жилой застройки петровского Петербурга были по преимуществу черепичными.

*** При архитектурно-археологических обмерах кроме рулеток, угольников и отвесов применяются также длинные резиновые трубки со стеклянными наконечниками — «уровни».

покрыты тонкой, необычайно плотной и ярко-белой обмазкой, похожей по плотности и толщине яичную скорлупу и напоминающей левкас, который используют в качестве грунта иконописцы. Возникло предположение, что и строители применяли известковый раствор без песка, но с добавлением органических продуктов (кроме яиц, которые употребляют для приготовления левкаса иконописцы, это могли быть снятое молоко и творог). Обмазка давала белый цвет деталям и нишам, а поверхность стены была окрашена довольно интенсивным оттенком охры на известковой основе. Решено было восстанавливать утраченные детали (карнизы, рустованные лопатки, выступающие обрамления наличников, поврежденные участки стены) в современном цементно-известковом растворе. А обмазку произвести чистой известью (в советское время, разумеется, без «пищевых добавок»). И вот Ванда Андреевна Бутми сумела достать для этой цели изумительную по белизне и консистенции известь, загашенную для реставрационных работ в 1944 году в ямах, вырытых во дворах Эрмитажа! Этой известью мы и покрыли поверхность стен главного фасада. И на ее же основе был составлен колер для их окраски.

Михаил Микишатъев (студент архитектурного факультета ИЖСА им. И. Е. Репина)

III.

ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ

*(Реставрация дома Троекурова в Ленинграде)**

Внеаудиторной работе со студентами в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина придается большое значение. Наряду с летней производственной практикой, работой студенческого научного общества, экскурсиями в му-

* Иогансен М. В., кандидат искусствоведения. Об одной из форм внеаудиторной работы со студентами (Реставрация дома Троекурова в Ленинграде // ИЖСА им. И. Е. Репина. Вопросы художественного образования. Выпуск XVIII. Л., 1977. С. 18–27.

зеи и к памятникам зодчества, важное место занимает участие будущего специалиста в работе старших товарищей. Пусть это участие на первых порах небольшое, как правило, техническое, но перед студентом раскрывается вся лаборатория научно-творческой работы, ее организация, методика ведения. Он окунается в среду, где все участники с полной отдачей сил стремятся достичь поставленной цели, где ведутся непрерывные поиски, где достижения чередуются с неудачами. Помимо приобретения знаний, сама атмосфера — лучше всяких слов и наставлений — воспитывает в будущем специалисте необходимые качества.

Студенты Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств 1930-х годов участвовали в археологических экспедициях, в экспериментах Лаборатории зрительного восприятия, в обмерах и зарисовках памятников зодчества, в реставрации скульптуры. Даже в суровые годы Великой Отечественной войны эта работа не прекратилась, а приобрела новые формы. В первые месяцы войны студенты вместе с профессорско-преподавательским составом участвовали в укрытии памятников и маскировке зданий города. Во время эвакуации в Самарканд в трудных климатических бытовых условиях они изучали памятники среднеазиатского зодчества, а вернувшись в 1944 году в Ленинград, приняли участие в восстановлении памятников, разрушенных или пострадавших от фашистских обстрелов и бомбардировок, и в первую очередь зданий Академии художеств.

1.

Когда в 1967 году было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), преподаватели и студенты Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина активно включились в его работу. Декан факультета истории искусств И. А. Бартнев стал первым председателем Василеостровского районного отделения, а старшие преподаватели А. Л. Пунин и Б. Н. Федоров возглавили секции пропаганды и архитектурную.

В настоящей статье не ставится широкой задачи осветить все формы участия Института им. И. Е. Репина в работе Ленинградского отделения ВООПИиК — эта тема должна стать

предметом специального очерка. Здесь речь пойдет только о новой, чрезвычайно удачной на наш взгляд, форме внеаудиторной работы — об участии студентов под руководством профессоров и преподавателей в проводившейся на общественных началах реставрации одного из интереснейших памятников жилой архитектуры первой трети XVIII века — дома Троекурова (Васильевский остров, 6-я линия, 13).

Судьба этого весьма скромного по своим размерам с осыпающейся штукатуркой здания к 1968 году была решена. Оно должно было простоять несколько лет — до полного технического износа, а затем уступить место новой постройке. Внешний вид здания убедительно говорил, что долго этого ждать не придется.

Кроме небольшой группы специалистов, хорошо знавших статью крупнейшего знатока памятников архитектуры Ленинграда А. Н. Петрова о жилых домах Петербурга 1730–1740-х годов*, никто и не подозревал, что угроза уничтожения нависла над редким экземпляром одного из типов «образцовых» домов первой трети XVIII века. В то далекое время такого рода дома в 1^{1/2} этажа с мезонином определяли облик многих улиц Петербурга и в первую очередь «линий» Васильевского острова — основного района жилой застройки города этого периода. Сохранилось же их до наших дней ничтожно малое количество, и ни один из них не был взят еще под охрану государства. А ведь именно жилая массовая застройка, а не отдельные, пусть даже выдающиеся, сооружения определяли и определяют облик города. Поэтому сохранение дошедших до нашего времени экземпляров подобного типа памятников чрезвычайно важно для понимания облика города в разные периоды его истории. Особую ценность имеют те из них, которые находятся в непосредственной близости от признанных памятников зодчества. Дом № 13 по 6-й линии из их числа — он входит в комплекс построек середины XVIII в. Возвращение дому Троекурова первоначального вида, не только возвратило бы к жизни интересный образец жилой постройки XVIII века, но и расширило бы зону исторического окружения

* Петров А. Н. Жилой дом в Петербурге 1730–1740-х годов. «Еженедельник Института истории искусств АН СССР». 1960. М.; Л., 1961. (Здесь и далее все примечания к статье М. В. Иогансен — авторские, кроме особо оговоренного случая. — М. М.)

Андреевского собора и Трехсвятительской церкви, обогатило бы комплекс архитектурных памятников, дошедших до нас на перекрестке Большого проспекта, 6 и 7-й линий*.

Кроме того, несмотря на имевшие место ремонты и перестройки, дом сохранил свой первоначальный объем и основные членения фасада. Проглядывавшая в местах обвала штукатурки кладка из кирпича первой четверти XVIII века убеждала в том, что удаление «наложенной» в 1860-е годы на наружную стену «декорации», не представляет большой сложности.

Благодаря энергичным действиям председателя Василеостровского отделения ВООПИИК И. А. Бартенева удалось добиться коренного изменения в отношении к данному объекту со стороны районного жилищного управления. В результате обсуждения вопроса о Доме Троекурова на Совете Василеостровского районного отделения ВООПИИК, в состав которого входили — секретарь райкома КПСС О. Л. Селезнева, заместитель председателя исполкома райсовета А. М. Дмитриев, главный инженер РЖУ А. Г. Рейнфельд и др., было принято решение о необходимости взять дом на государственную охрану. Учитывая небольшие размеры постройки, ее ценность и удручающее состояние, ремонт фасадов был дополнительно включен в план строительных работ района на 1968–1969 годов. В ходе ремонта дому должен был быть возвращен первоначальный облик — в этом сходились мнения членов Совета и сотрудников Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда (ГИОП)**.

Изучение памятника было решено вести в двух направлениях: путем археологического исследования самого здания и выявления новых текстовых и графических источников, содержащих сведения о нем в разные периоды его существования. Всю

* Кроме Трехсвятительской церкви и Андреевского собора к их числу должны быть отнесены дом № 15 — бывший Ларинской гимназии, дома №№ 17–21 по Большому пр., здание Андреевского рынка, дом № 20–22 по 7 линии.

** В тот момент Государственную инспекцию охраны памятников Ленинграда возглавлял молодой искусствовед Михаил Павлович Тубли, который разрешил производить исследования и реставрацию Дома Троекурова силами ВООПИИК и Фасадремстроя «партизанским способом», без административных и чиновничьих согласований и проволочек, но под ответственным контролем В. А. Бутми (прим. М. Н. Микишатъева).

эту работу, а также выполнение частичных обмеров здания, составление проекта реставрации и исторической справки о здании, взялись выполнить на общественных началах члены архитектурной секции Василеостровского отделения ВООПИиК. На долю студентов-добровольцев выпала расчистка фасада от более поздних наслоений. Уже через месяц отдельные участки наружной стены были освобождены от штукатурки XIX века и на них отчетливо вырисовывались остатки стесанных оконных наличников, а в простенках между окнами основного этажа обнаружили заглубленные филенки. Оказалось, что старая рустовка, которой подчеркивались углы, закрыта новой, выложенной из кирпича, а сдвоенные пилястры мезонина набиты из досок. Важным открытием явилось установление факта отсутствия у дома первоначальной штукатурки. Удалось обнаружить остатки обмазки кладки стен известковым раствором.

Все эти находки подтвердили мнение о том, что Дом Троекурова — интереснейший памятник жилой застройки первой трети XVIII века. Постепенно становилось очевидным, что при его строительстве применялись какие-то особые, малоизвестные в петербургской архитектуре строительные приемы. Помимо этого, расчистка показала, что кладка стен была достаточно прочна и не требовала дополнительного укрепления. Последнее позволяло реставрировать фасады без капитального ремонта всего здания. Вместе с тем, археологическое изучение дало неопровержимые доказательства и показало, что опубликованный А. Н. Петровым обмерный чертеж фасада 1808 года фиксировал не первоначальное состояние постройки, поэтому реставрировать на его основе фасад, как это намечалось с самого начала, было невозможно.

Встал вопрос о составлении проекта реконструкции первоначального облика. Эта работа выполнялась коллективно под руководством И. А. Бартенева. Первый вариант проекта выполнил Б. Н. Федоров уже в августе 1968 года, на основе изучения памятника (точнее, раскрыт[ых] к тому времени [фрагментов] главного фасада).

Этот проект был как бы эскизом, требовавшим детализации а проработки отдельных элементов. Спорными казались предложенные профили венчающего карниза и наличники окон, хотя

прообразом для них служило сооружение петровского времени — здание 12 коллегий. Возражения, высказанные в адрес проекта Бартеневым и районным архитектором ГИОП, опытным реставратором В. А. Бутми, требовали приведения дополнительных доказательств, так же как и предложения Федорова. Поэтому в августе 1968 года раскрытие памятника было продолжено. Расчистка восточного дворового фасада дала интересные результаты. Был раскрыт большой кусок венчающего карниза, выполненного из лекального кирпича с типичным для первой половины XVIII века профилем. Тогда же в северной стене мезонина был обнаружен след выдры (заглубления) старой, значительно более крутой, кровли с остатками красной керамической черепицы*. Эти находки сразу сняли всякие споры о профиле карниза и позволили представить наклон первоначальной кровли.

Вторым неясным вопросом был П-образно выложенный выступ стены под окнами главного этажа. Эту загадку разрешил известный советский архитектор-реставратор В. С. Баните, который включился в работу в качестве добровольного консультанта. Оказалось, что при строительстве дома был применен прием, встречающийся в постройках среднерусских городов конца XVII — начала XVIII века, а что непонятная на первый взгляд П-образная выкладка кирпича является не декоративным, как могло показаться, а конструктивным элементом и служила опорой, на которой выводился кирпичный наличник, обрамлявший оконный проем.

Расчистка фасадов была завершена к середине августа 1968 года и встал вопрос о составлении сметы, рабочих чертежей, с учетом уточнений первоначального проекта, вызванных расчистками восточного фасада. Эту работу выполнял студент V курса архитектурного факультета М. Н. Микишатъев под руководством В. А. Бутми. Были исполнены чертежи главного фасада с показанием фрагментов поздних наслоений, подлежащих удалению и восстанавливаемых элементов, а также шаблоны оконных наличников и карнизов. К концу года для ведения ремонтно-реставрационных работ была готова вся документация,

* Найденная черепица была передана профессором И. А. Бартеневым по акту от 1969 г. Музею истории Ленинграда.

включая и историческую справку*. При поддержке ГИОП Василеостровское отделение обратилось в Ленгорисполком с просьбой о взятии дома под государственную охрану. Постановлением от 20 января 1969 года дом Троекурова был отнесен к категории памятников местного значения и включен в список зданий, охраняемых государством.

Перед началом ремонтно-строительных работ состоялось заседание архитектурной секции района, на котором еще раз рассматривалась вся документация к проекту реставрации памятника, составленная на общественных началах. Секция сочла необходимым выполнить еще схему дворового фасада с показанием намеченных работ, а также просить В. С. Баниге составить рецептуру и методику применения обмазки фасадов известковым раствором, которой на Руси оштукатуривание стен заменялось вплоть до начала XVIII века. В целях обеспечения наилучшего качества намеченных работ авторский надзор должны были осуществлять представители архитектурной секции. К концу 1969 года дом был отремонтирован и его главному фасаду был возвращен первоначальный облик**.

2.

Что же представлял собой обретший новую жизнь памятник? Палаты Троекурова — это полуторазэтажный девятиосевой жилой дом с мезонином. Вытянутая по горизонтали постройка занимала всю поперечную сторону участка, обращенную к улице. В его незамысловатом объемно-пространственном решении достаточно ясно читалась внутренняя структура. Дом как бы разделен на три почти равные части, по три оси каждая. Средняя часть, в которой находилось самое большое помещение — зал, была выделена мезонином и легкой раскреповкой фасадной стены. Углы едва заметного ризалита, так же как в углы дома, подчеркивались рустом. В отличие от боковых крыльев, окна в средней части были расставлены шире и наличники окон имели более сложный рисунок — с полукружием внизу. Такая рас-

* Выявление архивных материалов и написание исторической справки было выполнено автором настоящей статьи.

** Не удалось вернуть окнам цокольного этажа первоначальный вид и сделать более высокую кровлю над боковыми частями.

становка окон позволила устроить между ними широкие, плоские прямоугольные филенки, которые, подобно лопаткам, или пилястрам, членили плоскость фасадной стены по вертикали. Боковые части, занимаемые более скромными помещениями, имели аналогичную разбивку фасада, но все детали здесь были мельче и проще.

Раскрытый в ходе археологического изучения первоначальный облик постройки, несколько архаичные приемы ее возведения, свойственные русскому зодчеству [конца] XVII века, применение филенок вместо лопаток или пилястр, рисунок оконных наличников «с ушками», наличие высокой крутой кровли — всё это роднило палаты Троекурова с жилыми домами первой четверти XVIII века и ставило под сомнение датировку, выдвинутую А. Н. Петровым. Последний, располагая данными копии плана Васильевского острова из «Атласа Петербурга» Л. А. Майера 1830-х годов, писал: «Точно датировать постройку дома не удастся. Можно лишь сказать, что он построен не позже 1741 г.»*. Привлечение новых источников позволило внести известную ясность в вопросе о времени строительства палат Троекурова.

Из рапорта архитектора Доменико Трезини в Сенат от 17 апреля 1729 года стало известно, что участок в 6-й линии князь Алексей Иванович Троекуров получил в 1721 году взамен отобранного у него участка на стрелке Васильевского острова**. Дело в том, что Троекуров, как и другие представители имущих классов России, был «записан на житье» в новой столице, где он должен был построить каменный дом. Сначала ему отвели место по берегу Большой Невы в квартале, примыкавшем к дому «княжего маршалка» Ф. Соловьева***. Троекуровский участок, как и все остальные в этом квартале, по утвержденному Петром I в январе 1716 года проекту застройки Васильевского острова****, имел

* Петров А. Н. Указ. соч. С. 154.

** ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 739. Л. 239–253.

*** Дом Ф. Соловьева вошел в состав так называемого дворца Петра II как основная часть его восточного крыла.

**** Иогансен М. В. Работы Д. Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова // Русское искусство XVIII в.: Сб. под редакцией Т. В. Алексеевой. М., 1973. С. 46.

в длину 10 сажений, а в глубину 7 сажений и должен был застраиваться по типовому проекту <...>, составленному Ж. Б. Леблонем*.

В 1718–1719 годов назначение стрелки изменилось. Вместо района жилой застройки ее решили отвести под главную площадь столицы. Теперь на ней намечалось возведение грандиозного здания для размещения всех высших правительственных учреждений: Сената, Синода и коллегий, Соборной церкви, лавок Гостиного двора и других построек, обеспечивающих нормальную работу порта**. Новым проектом предусматривалась ликвидация всего жилого массива, первоначально намеченного на западной границе стрелки, в том числе а участка Троекурова. К этому времени на нем был возведен только «фундамент с погребями без сводов»***. Стоимость начатых построек была возмещена владельцу в конце 1723 года****.

Наиболее богатые лица получали, взамен отобранных, новые участки в намеченной еще только вехами 6-й линии. Со временем она должна была стать одной из важнейших магистралей острова, так как между ней и 7-й линией предполагалось прорыть доходный канал из Большой Невы в Малую. Застраивать ее, как и 1-ю линию и набережную Большой Невы, предполагалось каменными домами. Так как их строительство обходилось очень дорого, то возведение таких домов возлагалось на наиболее состоятельных лиц, к числу которых, несомненно, принадлежал и князь А. И. Троекуров^{5*}. По этой причине ему и был выделен по 6-й линии третий участок за «Большой перспективой», а князю А. Черкасскому на углу 6-й линии и набережной Большой Невы.

Новый участок Троекурова был больше первого. Он имел

* Там же. С. 47.

** Там же. С. 47–48.

*** ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 739. Л. 239–253.

**** Там же.

^{5*} Алексей Иванович Троекуров — сын Ивана Борисовича, который в 1689 году был начальником Стрелецкого приказа. Брат его Федор Иванович был стольником и спальником Петра I и пользовался особым расположением царя. Федор Иванович был убит под Азовом в 1695 г. Алексей Иванович, так же как и его брат, был стольником. Род князей Троекуровых пресекается в 1740 г. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 66. С. 866.

15 сажений по улице и тринадцать сажений в глубину*. Когда Троекуров приступил к его застройке, точно определить трудно, но несомненно, что это было в середине 1720-х годов, так как на плане Васильевского острова 1723 года**, фиксирующем состояние застройки острова, участок 6-й линии между Большим и Малым проспектами не имеет еще строений, а на плане 1726 года*** дом уже обозначен. Изображение на плане фасада палат еще не дает права утверждать, что его строительство к 1726 году было полностью завершено. Однако стены его должны были быть выведены и стропила поставлены и покрыты.

Хотя новые материалы не позволяют точно определить период строительства палат, тем не менее содержащиеся в них данные убедительно показывают, что [дом строился] в 1720-е, а не в 1730–1740-е годы. В пользу такой датировки памятника говорит еще и возведение его во всю ширину участка вплотную к соседнему дому, что создавало застройку улицы «единой фасадой» — прием, введенный и широко применявшийся именно в петровское время. Комиссия о Санкт-петербургском строении 1737–1741 годов выдвинула в противопожарных целях иной принцип — застройки с интервалами между домами, которые заполнялись заборами и воротами.

Дальнейшая история палат Троекурова мало чем отличается от судьбы других жилых домов Петербурга. На протяжении второй половины XVIII века и всего XIX века дом сменил несколько владельцев и претерпел ряд изменений. Уже на плане Петербурга 1738 года****, где участок Троекурова обозначен номером 43, он значится как владение «принца Штерке вице-президента». В середине XVIII века домом владели генерал-лейтенант Семеновского полка Н. Ф. Соковнин и его падчерица графиня Е. А. Салтыкова. От них палаты в 1761 году перешли к действительному статскому советнику П. П. Курбатову^{5*}. Об облике дома периода владения им Курбатовым дает представление перспективный план

* ЦГИА СССР. Ф. 557. Оп. 1. № 141. Л. 9–10.

** ЦГАВМФ. Ф. 3 (бывш. филиал ЦГВИА). Оп. 34. № 2418.

*** ЦГВИА. Ф. 418. Оп. 2. № 5.

**** Там же. Оп. 1. № 22426.

^{5*} ЦГИА СССР. Ф. 55. Оп. 1. № 141, Л. Э-10. Эти и последующие документы были впервые использованы А. Н. Петровым.

Петербурга 1760-х годов*. На чертеже интересующий нас дом изображен стоящим строго по красной линии улицы. С севера к нему вплотную примыкает соседний дом, имеющий так же, как и боковые крылья дома Троекурова, полтора этажа. Южный торец дома прорезают три окна, обращенные в сторону Трехсвятительской церкви**. Центральная часть дома по-прежнему выделена мезонином и легкой раскреповкой фасадной стены.

В 1779 году Курбатов продал дом за 4000 рублей «жене сенатского секретаря В. А. Матвеева» Марье Васильевне***. Вероятно, при ней со стороны двора была возведена небольшая пристройка с лестницей. У наследников Матвеевой в 1808 году дом купили (уже за 21 000 рублей) в казну для размещения в нем вице-губернатора Петербурга. На ремонт и приспособление палат для нового владельца из Государственного казначейства было отпущено 5000 рублей****. Скорее всего в связи с этим архитектором А. А. Михайловым и были выполнены чертежи: поэтажные планы и главный фасад, впервые опубликованные А. Н. Петровым^{5*}. Последние сведения о пребывании в доме вице-губернатора удалось обнаружить в документах 1818 года^{6*}. В середине XIX века дом перешел во владение «бывшей воспитанницы Николаевского сиротского института Е. Н. Блажевской». Облик дома этого периода зафиксирован чертежом 1888 г., исполненным архитектором Н. Мясоедовым^{7*}. Этот документ позволяет утверждать, что между 1808 и 1868 годами, при исправлении кровли, были заменены стропила, и кровля, над боковыми частями дома, была понижена.

В том же 1868 году Мясоедов составил проект изменения фасада, целью которого было придать ему более «богатый» вид^{8*}. В результате осуществления проекта старый фасад исчез под новой штукатуркой, а местами (например, в углах ризалита) и под

* ЦГАВМФ. Ф. 3 (быв. филиал ЦГВИА). Оп. 25. № 1946.

** ЦГИА СССР. Ф. 357. Оп. 1. № 141. Л. 11–13.

*** Там же. Л. 1, 10–11.

**** Там же. Л. 1, 10–11.

^{5*} Петров А. Н. Указ. соч. С. 155–156.

^{6*} ЦГИА СССР. Ф. 1285. Оп. 8. 1818. № 1279. Л. 10–11.

^{7*} ЦГИА СССР. Ф. 1285. Оп. 8. 1818. № 1279. Л. 10–11.

^{8*} Там же. Л. 4–5.

новой кирпичной кладкой. Хотя объем здания остался прежним, облик его в корне изменился. Простота и четкость членений фасада исчезла, а на смену им пришли перегруженность деталями, измельченность форм. Вместо гладкого руста XVIII века появилась рустовка с офактуренной поверхностью. Оконные наличники с ушками* обогатились затейливыми замковыми камнями. Простенки между окнами мезонина украсились наложенными из дерева парными пилястрами, и вся эта перегруженная декорация была увенчана тяжелым карнизом, поддерживаемым лепными кронштейнами. Под этим пышным убором окончательно исчез фасад первой трети XVIII века, характерной особенностью которого была простота, конструктивная логика и известная наивность, которые так хорошо сочетались с объемным решением и масштабом всей постройки.

Проект Мясоедова был утвержден губернатором Петербурга гр. Левашовым без всяких колебаний, с одним лишь условием, что бы «при переделке фасада, находящиеся ступени, в дверях на улицу были оставлены в настоящем их виде без всякого выпуска наружу». Таким образом, губернатора вполне устраивал новый фасад, и единственно, что вызвало беспокойство, состояло в сохранении ширины тротуара.

В 1880–1910-е годы в бывших палатах Троекурова размещался приют «Серебряный»**. После Великой Октябрьской революции в доме разместились жильцы. В ходе его эксплуатации большие помещения перегораживались. Однако перепланировки не влекли за собой сноса капитальных стен. Более того, нетронутыми остались и потолочные тяги. Пожалуй, наиболее серьезным ущербом следует считать снятие кафельных печей после устройства парового отопления. Сведения о печах, полученные от жильцов Сидоровых, проживающих в доме с 1922 года, совпадают с данными описи 1806 года, в которой говорится, что некоторые печи были «из старинных синих изразцов». В связи с размещением

* Это были уже новые наличники. Старые были стесаны еще в начале XIX века, когда здание гладко оштукатурили, стремясь придать ему максимально «классицистический» облик.— Примеч. М. М.

** Там же. Л. 14. На основании ведомости о выдаче жалования служащим приюта, можно установить, что он существовал с 1895 по 1904 г. (ЦГИА СССР. Ф. 763. Оп. 2. № 61).

Общий вид Дома Троекурова после реставрации. 1983. Фотография автора

мебельного магазина в 1950–1960-е годы в цокольном этаже были значительно увеличены его оконные проемы.

* * *

Возвращение к жизни памятника архитектуры и более полное раскрытие его истории не только принесло огромное моральное удовлетворение всем участникам реставрации палат Троекурова, но и привлекло внимание широкой общественности города. У лесов дома можно было встретить и старожилов Васильевского острова, и сотрудников ГИОП, и любителей-краеведов. Ход работ несколько раз освещался на страницах газет*. Ленинградская студия телевидения организовала передачу, посвященную реставрации палат Троекурова.

* Строительный рабочий. № 34 (1708) от 24 августа 1968; Зеленой. «Дом Троекурова» // Вечерний Ленинград. № 219 (6993) от 18 сентября; Лазарева Т. «Родословная „дома на Васильевском“» // Там же. № 154 (8155) от 3 июля 1972. Воронова. «Дом Троекурова».

Работа энтузиастов была высоко оценена Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Основных участников, среди которых был и студент Микишатъев, наградили почетными грамотами и денежной премией.

Реставрация памятника архитектуры силами специалистов с привлечением студентов явилась хорошей школой для молодежи. Именно здесь начался путь архитектора-реставратора «Гипротейра» Микишатъева. Возвращение первоначального облика дому Троекурова было первым вполне себя оправдавшим опытом проведения новой формы внеаудиторной работы со студентами. Поэтому признано целесообразным ее продолжить.

На 1978 год намечен капитальный ремонт дома № 21 по Университетской набережной. Это тоже забытый памятник архитектуры первой четверти XVIII века — дом архитектора Доменико Трезини, в строительстве которого принимал участие архитектор Михаил Земцов. Архитектурная секция Василеостровского отделения ВООПИиК уже проделала большую работу по изучению архивных материалов. Собранные о доме сведения в виде исторической справки были своевременно переданы ГИОП* и легли в основу архитектурно-проектного задания, выданного Ленжилпроекту. Когда у дома будут установлены леса, новый отряд студентов-добровольцев Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина под руководством опытных наставников займется археологическим изучением памятника.

М. В. Иогансен, кандидат искусствоведения

IV.

В результате проведенных нами исследований и реставрационных работ памятник петровского времени органично вписался в ансамбль построек XVIII века, включая Андреевский собор, церковь Трех святителей плюс Андреевский рынок на другой стороне Большого проспекта. В начале 1970-х годов намечалась полная реставрация дома с приспособлением для Детской

* Иогансен М. В. Краткая справка о доме Трезини (Университетская набережная, 21). Архив ГИОП.

библиотеки. Автору этих строк предлагали заняться проектированием — уже в качестве старшего архитектора проектного института Министерства культуры ГИПРОТЕАТР. Но это не состоялось. В 1980-х годах я опубликовал в журнале «Ленинградская панорама» статью, в которой призывал завершить реставрацию памятника и приспособить его для общественных целей*.

Но память в Советском Союзе была коротка. Перейдя на другую работу, архитектор полностью утрачивал власть над своим бывшим детищем. Более того, его имя чаще всего задним числом исключалось из списка авторов проекта (если, конечно, он не был большим начальником). С этим приходилось сталкиваться не раз. Да тут еще и СССР перестал существовать. Мы все, не вставая с места, оказались гражданами другой страны, впрочем, отягченной наследственным недугом потери памяти. Поэтому не удивительно, что в первой половине 2000-х годов, когда решался вопрос о *реконструкции* здания, и хорошо знакомые коллеги делали экспертизу объекта, за советом ко мне никто не обратился. Начало строительных работ прошло для меня незамеченным. Неожиданно позвонил автор проекта «реконструкции» архитектор Сергей Борисович Смирнов с просьбой о консультации. Мы встретились на объекте, и я увидел поразительные вещи. Но об этом — позже. Главный вопрос Сергея Борисовича ко мне был ключевым для всех нынешних «реконструкторов», — о крыше: можно ли ее повесить. Я с радостью ответил, что можно и нужно, поскольку мы нашли в 1968 году на боковых стенах мезонина старые штробы, свидетельствующие, что кровля была гораздо выше, чем существовавшая к нашему времени, а в их закладках — куски черепицы. Россыпи черепицы мы позже обнаружили на чердаке.

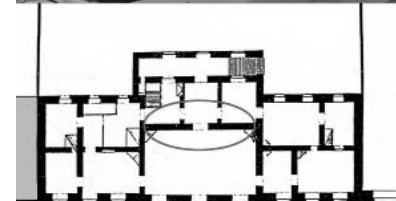
Сергей Борисович принял мой совет к сведению, и в результате осуществилась наша давняя мечта! Сорок лет мечтал увидеть Дом Троекурова под черепицей. И вот свершилось. Увы, старшие коллеги, Игорь Александрович, Ванда Андреевна и Борис Николаевич, не дожили до этого события. Особенно эффектно выглядит дом со стороны проезда во двор, где крыша вальмовая.

* Микишатъев М. Н. Уголок XVIII века на Васильевском // Ленинградская панорама. № 10. 1988. С. 31–32.

К сожалению, как всегда, не обошлось без чердачных окон «вельюкс», хотя я рекомендовал мансардные — «домиками».

Вернемся к тому, что я увидел внутри. Как мне объяснили, в процессе реконструкции владелец сменился (теперь, кажется еще раз). Предыдущий владелец (на коего можно валить, как на мертвого) выломал все перекрытия начала XIX века. И все деревянные перегородки, а частью и кирпичные. В результате открылась потрясающая картина, которую не передают фотографии. Оказалось, что продольная несущая стена зала второго этажа (на плане обведена овалом) представляет собой аркаду из трех проемов. Самое интересное, что, насколько можно было судить по мимолетному знакомству, арки эти заложены тем же самым петровским кирпичом, той же самой петровской кладкой, в которой выполнена и сама аркада. Очевидно, такая арочная конструкция преследовала цель сделать несущую капитальную стену максимально устойчивой, позволяя между тем проделывать в ней проемы там, где это нужно, не нарушая прочности перекрытия.

В первом этаже сохранилась целая система превосходных арок, полностью раскрытых. Здесь прекрасно видна кладка, выполненная довольно тщательно. Кладка арки — в полтора кирпича, с отличной перевязкой швов. Всем этим великолепием можно долго любоваться. Однако меня мучил вопрос, как же так получается, что все эти раскрытия прошли без профессионального контроля,

Арка продольной несущей стены и
схема плана. 2007.
Фотография автора

Конструкция оконного проема. Фотографии автора 1983 и 2007 гг.

без обмеров, без фотофиксации? В Комитете по охране толку добиться не удалось. Сказали, что какие-то исследования вел здесь Марк Иванович Коляда, уважаемый специалист из института «Спецпроектреставрация», но и он не ответил на мои расспросы ничего вразумительного. Ну, а уж разрушения и утраты, естественно, и вовсе никак не фиксировались. Как их восполнили, какими методами, из каких материалов,—неведомо. Прораб сетовал, что петровская кладка очень ветхая, современные строители с ней работать не умеют. Укреплять научными методами некогда. Берут в стальной каркас. Профессиональные специалисты, реставраторы, которые, возможно, где-то еще есть, работают на объектах «президент-класса». Хотя и к ним имеется много профессиональных претензий.

Но вернемся к тому, что открылось при посещении дома Троекурова. Чрезвычайный интерес представляет кладка оконных проемов. Углы откосов сложены без обтески кирпичей, на-

подобие деревянной рубки с выпусками. Очевидно расчет был на штукатурку или, скорее, на деревянную обшивку*. Эта проблема также осталась неизученной, потому что все было ободрано специалистами без архитектурно-археологических исследований, необходимых при работе со столь древними и ценными памятниками.

Сорок лет назад мы столкнулись с такой проблемой. На запорошенной известкой стене кровавым следом выделялись срубленные детали. Кроме бортика наличников были какие-то странные выступы под окнами в виде перевернутой буквы «П»**. Как их показать на воссоздаваемом фасаде? Приглашенный в качестве консультанта Владимир Сергеевич Баниге, впоследствии мой наставник и руководитель, специалист по реставрации памятников Ярославской и Вологодской земель, объяснил нам, что в допетровское время была такая техника кладки оконных проемов. Вначале выкладывали простенки на всю высоту этажа, а затем кирпичное заполнение проема, державшее колоду, деревянную обвязку оконной рамы. Кирпичное обрамление колоды и оформлялось на

Фрагмент фасада. 2013. Фотография автора

* Замечательно, что с таким же приемом кладки откосов вскоре же удалось встретиться на другом петровском «объекте», чудом спасенном мной от гибели,— доме кн. Голицыных на Шпалерной, 37. Там тоже была реконструкция без реставрации. Живое тело памятника петровского времени обдирали и долбили без всякого изучения.— Микишатъев М. Н. Неисследованный памятник петровского времени // Петровское время в лицах — 2008. СПб., 2008. С. 177—186.

** Под центральным наличником была только горизонтальная полка.

Дом Троекурова в панораме 6 й линии В. О. Фотография 2008 г.

фасаде как наличник. Действительно, перевязка кладки наличника с простенком везде была у нас слабой, через несколько рядов. Ну, а П-образные выступы, — предположил Баниге, — своего рода фундаменты этой конструкции наличников, укрепляющие подоконную стенку. И теперь я увидел в интерьере подтверждение этой догадки. Подоконная стенка, действительно, резко контрастирует с простенками, откровенно выявляя конструктивную природу окна как элемента архитектурного решения жилого дома. Всё это очень напоминает конструкцию окон в домах средневековой Западной Европы, где под откосами даже устраивались лавки для работы у окна, при естественном свете.

Предаваясь горестным размышлениям о судьбе бесценных памятников прошлого в современных условиях тотального одичания, утешаться можно лишь мыслью, что в данном конкретном случае всё обошлось. Дом не снесен, Он будет как-то законсервирован для последующих исследователей. А внешне он даже выиграл со своей новой черепичной кровлей. Беспокоит только окраска фасада. Мы-то выкрасили по-старинному — натуральной охрой на известковом связующем. А теперь в ход идут какие-то новомодные краски. Результат налицо, — в условиях нашего климата известковая покраска лишь кое-где облетала, открывая известковую же обмазку, выполненную из бесценной

эрмитажной извести, — и продержалась без малого сорок лет! А теперь, после «реконструкции» какая-то импортная пленка за считанные годы уже облезает, стягивая вместе с собой деликатный слой извести и обнажая тот самый страшный, темно-серый «сложный раствор», из которого были выполнены утраченные детали и карнизы...

Самое обидное, что дом так и не зажил своей новой жизнью. Смотрит из-под веселенькой черепицы пустыми мертвыми глазами окон. Хозяева меняются. Рекламы пестрят в интернете. Но арендаторов нет, предполагаемая гостиница так и не открылась... А как соблазнительно было бы провести недельку здесь, в центре Васильевского, в доме петровского времени! — Приходилось ведь мне жить в таллиннских домах XIV века со внутренним евроремонтом где-нибудь на углу Ратушной площади, а один раз даже со своей невестой. Незабываемо...

И все-таки как хороша новая крыша! — Теперь она даже отвечает столь же новой, безумно-красной крыше Андреевского рынка, тоже недавно подвергнутого *реконструкции без реставрации*. В частности, там было уничтожено всё, что удалось в свое время отстоять Ванде Андреевне Бутми, в том числе фрагмент древнего замощения из громадных лещадных плит. Слава богу, что хоть своды уцелели (в отличие от Никольского рынка, потерявшего их давным-давно). Отвечает веселенький цвет нашей черепицы и новой окраске Трехсвятительской церкви, которую «от души» покрыли каким-то неубиваемым крапп-лаком. Тем не менее, уголок XVIII века на Васильевском сохранил, или даже приобрел свою художественную цельность. Возможно, не совсем историческую, или совсем не историческую в точном смысле слова, но зато вполне отвечающую тому историческому моменту культурного состояния русского общества, который мы переживаем сегодня.

В. А. Коренцовит

СВЯЩЕННАЯ РОЩА ПЕТЕРБУРГА
(А. Е. УХНАЛЕВ О РЕСТАВРАЦИИ ЛЕТНЕГО САДА)

Книга А. Е. Ухналева «Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I» вышла в 2015 г.* В рамках статьи нет возможности для ее подробного анализа, но то, что книга получила диплом Анциферовской премии, само по себе свидетельствует о ее несомненных достоинствах. К сожалению, к их числу не можем отнести главу, посвященную реставрации Летнего сада. Об ее итогах А. Е. Ухналев высказался с афористической образностью: «Знак нашего петербургского первородства мы потеряли, взамен получив „чечевичную похлебку“ с усиителем вкуса»**. Страшнее этого лишь первородный грех! Летний сад, — заявляет автор, — «священная роща Петербурга». К чему весь этот пафос? Нам дают понять, что реставраторы, посягнув на святое, совершили особо тяжкое преступление — святотатство. «Находясь в плену давно отвергнутых реставрационной наукой представлений об „оптимальном времени“, авторы игнорировали целые эпохи жизни сада — исторически и художественно ценные наслоения, оставленные екатерининским, пушкинским, николаевским временем, — и своими проектными решениями с легкостью выбрасывали их из сада»***. И за это, по существу, уголовное преступление никто не ответил; напротив, реставраторы удостоены золотых наград! Что-то здесь не так. От Екатерины II нам достались гранитные набережные Невы и Фонтанки, прекрасная Невская ограда, остатки засыпанных фонтанов, каскадов и прочих сооружений. При Пушкине в саду появились Кофейный и Чайный домики, садовая ограда Шарлеманя. В царствование Николая I поставлены памятник И. А. Крылову и гранитная ваза. В годы советской власти посажены около 1800 деревьев вдобавок к тем немногим, что сохранились от прежних времен. Всё в це-

* Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I. СПб., 2015.

** Там же. С. 230.

*** Там же. С. 222.

лости и сохранности. Помнится, Чацкий советовал Репетилову в своих фантазиях знать меру.

«Стоит лишь в точности воссоздать ушедший в небытие памятник, и этот муляж тотчас же станет утраченным подлинником во всей полноте его качеств. Это предельно рационалистическое представление с точки зрения формальной логики безупречно, но если вдуматься является примитивной магией*». Есть известный полемический прием: приписать оппонентам нечто нелепое, а затем азартно их опровергать. А. Е. Ухналев явно злоупотребляет этим приемом. Ни к формальной логике, ни к здравому смыслу сказанное не имеет никакого отношения. Никогда воссозданный объект «не станет утраченным подлинником во всей полноте его качеств». Что утрачено, то пропало навсегда и бесповоротно. Созданное реставраторами не «муляж» и не «бутафория», а произведение реставраторского искусства. Не больше, но и не меньше. Судить работу реставраторов следует по законам этого искусства, а не исходя из своих представлений «о прекрасном».

«Люди не могут, не хотят понять, что легкая запущенность, не переходящая в неопрятность, является необходимым элементом, можно сказать, художественном приемом романтической садовой культуры. А Летний сад — это сад романтический». Менее искушенный журналист М. Н. Золотоносков так прямо и заявил: реставраторы де «возвращают сад далеко назад, в 1740 год, посредством уничтожения разросшегося сада, ставшего пейзажным»**. А. Е. Ухналев знает, что Летний сад не стал пейзажным; он у него «романтический», в смысле — очень красивый. Был хорош для своего времени, но в советское время, благодаря запущенности, стал еще краше. Как тут не вспомнить Жванецкого (цитирую по памяти): «У тебя, Вася, пуговка расстегнута — это небрежность, а у них — художественный прием». Сад накануне реставрации, конечно, был очень запущен, но при всей своей романтичности, остался регулярным.

«Удивительно, но главное время Летнего сада — это, очевидно, не время Петра I. Наверное, глядя из нашего исторического далека, таким временем можно признать пушкинскую эпоху».

* Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 228.

** Золотоносков М. Как происходит чисто русское убийство Летнего сада // Город. 812. 18.05.2011.

А. Е. Ухналев сам удивляется своему открытию. Действительно, есть чему удивляться! Ведь не только время Петра, всё столетие до пушкинской эпохи, какое-то «не главное» Лично мне всё же ближе суждение М. Е. Салтыкова-Щедрина: «У господ бога все эпохи переходные».

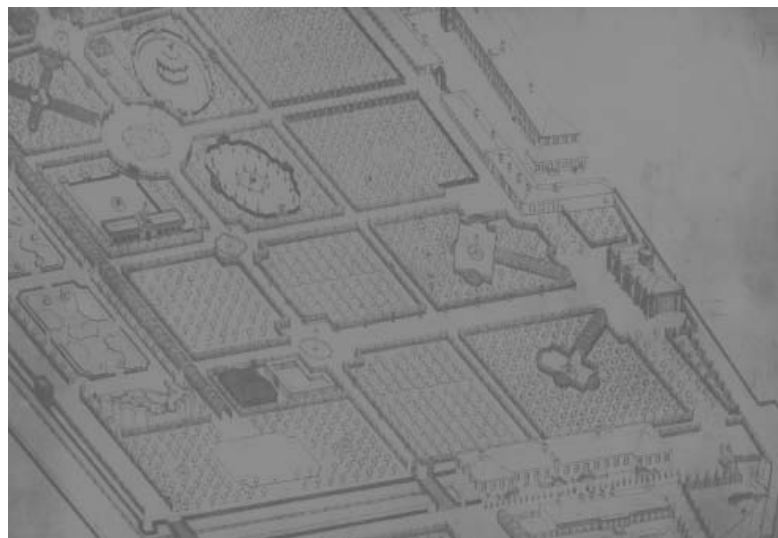
«Но таким как при Пушкине,— продолжает А. Е. Ухналев,— Летний сад был уже при Державине в конце XVIII века и затем на протяжении всего XIX столетия. Таким же примерно (!) он вошел в XX век и явил себя Ахматовой. Да и перед „реставрацией“ нашего времени он немногим (!) отличался от „главного“ — пушкинского...»*. Отсюда логический вывод: сад не нуждался в реставрации. Пока А. Е. Ухналев твердо придерживался этого мнения, он был неуязвим. Но неожиданно автор согласился, что реставрация возможна. «Сейчас, оглядываясь назад, мы видим, что „пушкинский“ проект реставрации Летнего сада имел важнейшее преимущество перед „петровским“. Его осуществление привело бы к действительному, а не условному результату, то есть сад во всех отношениях приобрел бы облик начала XIX века»**. И тут же, не смущаясь, автор вспоминает Флорентийскую хартию, справедливо замечая, что она утвердила основы научной реставрации исторических садов. «Пункт 16 этого документа говорит о том, что при реставрации сада следует учитывать все стадии его эволюции и нельзя отдавать предпочтение какому-либо одному историческому периоду в ущерб другим этапам формирования его облика. Остается только удивляться тому, с какой последовательностью российские архитекторы игнорируют документ международного сообщества реставраторов»***. Это говорит исследователь, разделивший историю Летнего сада на «главное время», достойное внимания реставраторов, и «не главное»!

Стоит от пустых деклараций перейти к реальным проблемам, как возникают сложности, о которых автор, похоже, не подозревает. Совет А. Е. Ухналева восстановить сад на пушкинское время, для чего, по его мнению, достаточно восстановить шпалеры и Большой партер у Лебяжьей канавки, не только противоречит Флорентийской хартии, он в принципе неосуществим. Дело

* Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 226.

** Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 225.

*** Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 224–225.

Летний сад. Фрагмент аксонометрического плана Петербурга. Около 1770 г.

в том, что никто не знает, как выглядел Летний сад не то, что в пушкинское время, даже в начале XX века. Нет данных. Слава богу, сохранились три акварели 1820–1830-х гг. с изображением высоких шпалер. Они многократно воспроизводились в печати, но даже им не нашлось места в книге. А как быть с Большим партером? Наиболее подробные планы Летнего сада, Писцова, 1820 г., и Шуберта, 1828 г. противоречат друг другу в расположении дорожек, но едины в том, что на месте Большого партера — белое пятно. Поражает малочисленность деревьев: сад не оправился после страшного наводнения 1824 г. «Чтобы не твердили адепты нынешней реставрации, он весь XIX век был таким (романтическим.— В. К.), и таким он вошел в XX век, сохраняясь вплоть до реставрации. Достаточно посмотреть на его виды, сделанные в XIX и XX веке — от Мартынова и Чернецова до Остроумовой-Лебедевой и Добужинского. И это есть истинное, главное время сада»*. А, в самом деле, почему бы не посмотреть на эти виды, но автор не предоставил такой воз-

* Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 230.

возможности, не поместил их в свою книгу. Добужинский показал деревянный футляр, в который прячут на зиму скульптуру. Остроумова-Лебедева представила даму с девочкой на заснеженной аллее, на другой ее гравюре — вид на Пантелеймоновский мост из глубины сада. У Чернецова изображен петровский Грот до его перестройки в Кофейный домик, Мартынов запечатлел Летний дворец. Эти произведения хороши, но бесполезны для реставрации сада. А вот другие иконографические документы, тщательное изучение которых только и дает представление об историческом облике царской резиденции, проигнорированы. Иконография Летнего сада XVIII века исключительно богата, и в последнее время пополнилась уникальными планами, обнаруженными в Стокгольме и Дублине. В своей книге А. Е. Ухналев даже не упомянул известный аксонометрический план Летнего сада, около 1770 г., на котором детально показаны все объекты, что были воссозданы реставраторами: фонтаны, Менажерийный пруд, Птичий двор, Крестовое гульбище, Африканская оранжерея и пр.

«Главное время», — учит А. Е. Ухналев, — в противовес «времени расцвета» — вот, возможно, альтернатива тому тупику, в который зашли теоретизирования реставраторов садов»*. На месте памятника Крылову стояла «Диана». Эта статуя стоит на главной аллее. Не вернуть ли ее на прежнее место, чтоб было как при Пушкине? Представим, что архитекторы, согласившись выйти из тупика, ограничились бы, как советует А. Е. Ухналев, только восстановлением в саду высоких шпалер. Никакие уверения, что так было при Пушкине, не спасло бы их от упреков, что теперь сад превратился в тесный лабиринт. Нет того простора, его нельзя окинуть единым взором, не видно скульптуры во всех ракурсах... Досталось бы и самому Пушкину.

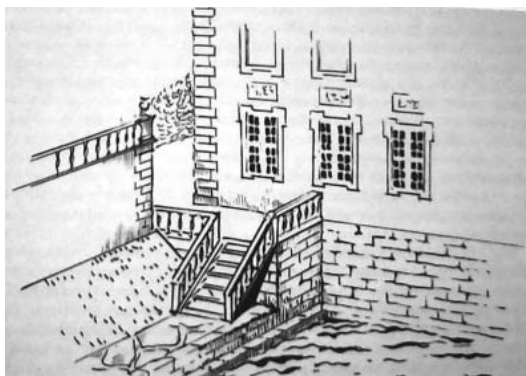
«Там где начинается гипотеза, кончается реставрация». Это означает, что для реставраторов «оптимальным» является «не период расцвета», хотя он реально существует, а период, от которого осталось наиболее достоверная информация. Посмотрим, как на деле решена труднейшая задача: отразить, как того требует Флорентийская хартия, все этапы истории сада. Романтический

* Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 225.

Большой партер
у Лебяжьей канавки.
2012 г.

сад А. Е. Ухналева — детище советского времени; абсолютное большинство деревьев, включая столетние липы, посажены после наводнения 1924 г. Все деревья подлечены и сохранены. Даже удобные советские скамейки остались в южной половине сада. Построенная по проекту Ю. М. Фельтена в начале 1770-х гг. Невская ограда в своем неизменном виде просуществовала до 1866 г. Затем подверглась варварскому искажению. В ходе реставрации ей возвращен первоначальный облик: воссозданы утраченные центральные ворота, а боковые перенесены на свои прежние места. Именно такую ограду видел Пушкин. Большой партер восстановлен по упомянутому плану 1770 г. Таким его могли помнить родители поэта. Воссозданы зеленые шпалеры по сторонам аллей и дорожек. Они украшали сад с его основания и, по крайней мере, до 1860-х гг. (есть фотография). Труднее всего, было представить Летний сад эпохи Петра. Конечно, не могло быть и речи о возвращении ансамбля его исторического вида в полном объеме. Это хорошо знают и те, кто, обвиняя реставраторов в святотатстве, утверждают обратное. Читатели вправе составить свое представление о достигнутом результате. Но для этого необходимо показать исторические чертежи и рисунки, поместить проект реставрации и фотографии прежнего и обновленного сада. А нам предлагают поверить на слово, что «вместе с наслоениями, оставленными более чем двумя веками истории, выброшен из сада целый культурный пласт. Взамен же мы не получили и того, что было декларировано, т. е. сада первой половины XVIII века (кто, когда декларировал эту чушь?). Получилась причудливая смесь,

А. Е. Ухналев.
Реконструкция
первоначальной
набережной гаванца
у юго-западного угла
дворца

претендующая на историчность, а по сути, абсолютно антиисторичная»*.

Никакой другой оценки и нельзя ожидать от тех, кто на словах поддерживает Флорентийскую хартию, а на деле — ее отвергает. Повторим, научная реставрация требует отразить все этапы в истории памятника садового искусства. В этом случае получается то, что может показаться «причудливой смесью». В «Книге почетных посетителей» Летнего сада восторженную оценку работе реставраторов дали ведущие специалисты из России, Франции, Голландии, Германии, Швеции, Новой Зеландии, Финляндии, Казахстана, Украины, Латвии, Эстонии — список неполный.

Лимит, отведенных на статью печатных знаков, подходит к концу. Нет возможности коснуться спорных вопросов, в частности, по атрибуции обнаруженных археологами сооружений**. Отметим лишь ошибку, допущенную при графической реконструкции лестничного спуска к Гаванцу со стороны сада***. Будь этот спуск таким, как изобразил его А. Е. Ухналев, обитателям дворца пришлось бы вплавь добираться до крыльца по волнам, тщательно показанным на рисунке. Автор реконструкции мог бы и сам заметить свою ошибку, если бы не оборвал чертеж, а показал фасад дворца. Дискуссия о том, какой была первая набережная Невы у Летнего сада: деревянная, как считает А. Е. Ухналев,

* Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 229.

** Коренцвит В. А. Летний сад Петра Великого. СПб., 2015.

*** Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад... С. 186.

Южный фасад Летнего
дворца. Раскопки
гаванца. 2010 г.

Каменная набережная
у северо-западного угла
Летнего дворца. 2015 г.

или каменная, решена в мою пользу. В 2015 г. рабочие при устройстве гидроизоляции фундамента дворца наткнулись на примыкающую к северо-западному углу здания каменную набережную, построенную в 1712–1715 гг.

В заключении с большим удовольствием замечу, что книга А. Е. Ухналева написана с блеском, содержит много нового и любопытного, читается с большим интересом.

А. Е. Ухналев

РЕСТАВРАЦИЯ ЛЕТНЕГО САДА НА ТОМОГРАММЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК

Казалось бы, реставрация Летнего сада отошла в прошлое. Мнения устоялись, все, кто хотел, высказались. О чем еще говорить? Однако это событие и его последствия оказались значительнее, чем представлялось поначалу. Слишком много важного для города, да и не только для города, не побоюсь сказать: важного в общекультурном, общечеловеческом плане, сошлось здесь, как в фокусной точке. До сих пор продолжают появляться публикации на эту тему. При этом каждый автор словно включает какой-то дьявольский механизм, побуждающий оппонентов непременно не остаться в долгу. Время не помогает. Даже если оппонент желает все забыть, окружающие напомнят ему о его «долге». «Встань и иди!» — говорят ему. В таком именно положении оказались несколько человек, ранее публично высказывавшихся по этому поводу. Что ж, придется, хоть и через силу, возвращаться к пережитому, но все еще не изжитому до конца.

Сейчас, по прошествии времени, стала ясно видна многослойность оценок результатов реставрации. Причем, разные аспекты оценки связаны с разными категориями оценщиков. Таких групп много, но укрупняя масштаб видения, можно выделить три основные.

Во-первых, это публика, жители города в совокупности — те, кто привык в саду гулять, может быть даже читать стихи, сидя на скамейке. «Настоящий актер» скажет: «Публика — дура». Но мы, как либералы и христиане, людей уважаем и такого себе не позволим.

Другая категория — специалисты. Это реставраторы-ландшафтники или ученые-искусствоведы, занимающиеся историческими садами. Они представляют собой специфическую и неоднородную группу, в которой существует некоторое внутреннее напряжение, например, между историками-искусствоведами и собственно ландшафтниками. Несмотря на общий предмет, они редко находят взаимопонимание.

Наконец, есть большая группа, пересекающаяся с категорией «спецов», но трудно отделимая и от «публики». Это гуманитарии в широком смысле — те, для кого приоритетными являются общекультурный, эстетический и этический аспекты. Они формируют свои оценки иначе, чем «спецы», которые, как правило, презирают эти суждения, считая их пустой схоластикой.

Оценка реставрации «публикой» не была однородной. Многие, в особенности молодежь, в восторге от нового вида сада. Он предстал перед ними занимательным аттракционом, исторической реконструкцией наподобие зрелищ воссоздания сражений прошлого. Следует, правда, сказать, что в этой категории для многих это не новый вид сада, а первый и пока единственный в их жизни и их картине Петербурга.

Значительное число отрицательных отзывов публики связано с утратой садом облика, привычного с детства, юности, памятного по приятным, нередко романтическим, воспоминаниям. Произошла катастрофа утраты личного сада — части пространства личности (да и личного пространства тоже). Основанные на этом оценки мы, как последовательные адепты диалектического материализма, обязаны игнорировать. Один сердитый блогер сказал о них: «сопли и вопли». Но если серьезно, не из этого ли состоит наше самоощущение и не этим ли определяется комфорт местопребывания — понятие, которое только категоричным, но недалеким романтикам может показаться банальным?

С этим связано понятие, несколько выступающее за рамки, принятые социологами. Я говорю о критерии, сущность которого следовало бы выразить словом «желанность». Строгие правила русского языка противятся такому неологизму, но за отсутствием столь же образного эквивалента, за ним можно признать право на употребление.

В самом деле, желанность вмещает в себя в совокупности все материальные и духовные факторы, делающие место притягательным, вызывающим желание в нем находиться, в него возвращаться. С позиции этого критерия Летний сад, поменяв свой вид, для многих сделался менее желанным, чем прежде. Кому-то претят бесконечные и однообразные коридоры шпалер, кому-то не по душе замкнутость компартиментов, пришедшая на смену прежней прозрачности сада. Третьи удручены тем, что их дети

не могут больше играть на площадке у «дедушки Крылова», как это повелось со времени открытия памятника. Но и тем, для кого новый сад — аттракцион, он едва ли станет желанным. Всякий курьез интересен, когда видишь его впервые. Во второй раз он уже скучен, а в третий — невыносим.

Кстати, важнейшим фактором желанности является удобство сада, его приспособленность к нуждам всех категорий посетителей (конечно, кроме хулиганов). Упомянутая площадка у памятника Крылову, запечатленная, помнится, на замечательной картине И. Бродского с боннами, младенцами, колясками, сопочками и формочками, дает тому выразительный пример. Ее теперь нет, и не дано ничего взамен.

В конце концов, сад, удобный для многих, это демократичный сад. Если с такой позиции присмотреться к истории Летнего сада за последние два века, можно видеть, что этот уголок Петербурга в ряду публичных садов более прочих был оазисом демократизма, уравнивавшим сословия и дававшим свой покров всем, кто его искал. Этот статус сада, можно сказать, стал его традицией, в особенности примечательной тем контрастом, который она составляла с общей картиной российского бытия. Но и в наше время это не утратило актуальности. Важно, чтобы в саду гуляли не только туристы, чтобы он был удобным, а, стало быть, желанным для всех горожан.

Эти несколько сумбурные заметки дают все же основания для вывода о том, что в отношении комфортности, как фактора чисто физической желанности, сад потерял многое из того, чем обладал до реставрации, не получив эквивалентной замены. Досадно не только то, что имевшиеся достоинства сада не были замечены, но и то, что была упущена возможность усугубить их или дать им достойную замену — возможность, открывающаяся именно при целенаправленной и системной работе, каковой является составление проекта.

А что же специалисты? Как они восприняли перемены в саду? На негативном фоне отзывов «публики» их суждения оказались неожиданно благосклонными. Они отметили методологическую последовательность в преобразованиях, возвращающих элементы регулярного сада, действительно присутствовавшие в саду в петровское время. Приветствовалось приближение к тому об-

лику сада, который он имел в первой половине XVIII в. Однако при этом было удивительно видеть, как специалисты, зараженные реконструктивным азартом реставраторов, переставали соизнавать, до какой степени несовместимо со столь дорогой им исторической истиной (кстати, произвольно избранной из хронологического ряда истин) получающееся соединение немного неопрятного, «лохматого» Летнего сада начала XXI в., образованного субтильными деревьями-переростками, с теми регулярными элементами, которые «играют» только в своей ландшафтно-архитектурной ситуации.

Эта ситуация, в первую очередь объемно-пространственная и фактурная, хорошо известна специалистам по историческим документам, описаниям и изображениям. Она — общая для европейских регулярных садов. Если говорить о боскетах — элементе, играющем в нашем случае важнейшую роль, — то в исторических регулярных садах их образовывали невысокие деревья с сомкнутыми в единый массив кронами, ровно подстриженными вдоль аллей и границ площадок. Это давало особенные пространственные впечатления, совсем иные, чем те, что характерны для старого сада — такого как Летний. Достаточно указать на такую черту разительного различия как открытое пространство над головой в одном случае и вместо этого образованные кронами зеленые «своды» высотой 20 — 30 метров. По-своему прекрасно и то, и другое, но важно сознавать, насколько разные ощущения дают эти ситуации. Не может быть речи о «реконструкции регулярного сада» там, где шпалеры, трельяжи и прочий петровский антураж помещаются в старый сад, обладающий специфическим, присущим только его возрасту пространственным строем. Количество, качество внедряемых объектов и то, с какой последовательностью это делается, не имеет никакого значения.

Так что, как видно, суждению «спецов» не следует доверять безоговорочно. Слишком зажаты они своим профессиональным видением, отмечающим в первую очередь частности форм и приемов, но упускающим нечто стоящее за этим большое, не связанное с конкретикой «исторической достоверности», но важное для всех, кроме этой узкой группы, больше демонстраций архитектурно-исторической эрудиции и чистоты приемов.

Это «большое» ощущается всеми неравнодушными зрителями, непричастными к труду реставраторов и не втянувшимися в их игру. Однако представляется, что там, где мы имеем дело с духовной ценностью, каковой несомненно является Летний сад во всех аспектах его истории и его, если позволительно так выразиться, эстетического бытования, лучшим из возможных инструментов познания и вербального выражения ощущаемого «большого» (его можно назвать культурной ценностью, но этот термин не вмещает всей совокупности смыслов), является гуманитарное в широком значении сознание. Здесь важна обусловленная им широта охвата явления и способность к обобщению, каких не достает ни бытовому уровню восприятия, ни зауженному видению специалиста.

И это общегуманитарное суждение не замедлило заявить о себе и подавало свой голос неоднократно за прошедшее время. Причем, в случае с Летним садом (как, впрочем, и со многими другими реставрируемыми памятниками) гуманитариям пришлось принять на себя долю труда реставраторов, забывших или намеренно игнорирующих законы и правила своей деятельности. Именно в выступлениях гуманитариев — историков и искусствоведов — прозвучали слова о подлинности памятника, о ценности исторических наслоений, вообще о ценности материализованной памятником истории, о степени допустимости воссоздания утраченного и связанной с этим ответственности и о многом другом, более частном. Заметим: перечисленные истины — не предмет для словесных спекуляций. В большинстве своем это общие и общеобязательные нормы реставрационной деятельности, записанные в международных документах.

Итак, как сказано, с гуманитарных позиций реставрация Летнего сада стала бедой — разрушением памятника, вернее, памятного места в его образной цельности, разрывом связанной историко-культурной и эстетической последовательности временного бытования памятника, по мере развертывания которой возникали и расширялись связанные с садом смыслы, культурные аллюзии, обновлялся и обогащался его образ.

Далее, реставрация в методологическом отношении была некорректной, механически совместив два несоединимых архитектурных слоя, при слиянии создавших любопытную по-своему, но

фантастическую и антиисторичную ситуацию, то есть дав эффект, к которому авторы проекта, нацеленные на возвращение в петровское прошлое, безусловно, не стремились, но который неизбежно должен был получиться при содержащих неустрашимое противоречие начальных установках.

Ну и наконец, оказались нарушенными главнейшие принципы реставрации и правила работы с памятниками, признанные международным сообществом и изложенные в нескольких общеизвестных документах (Венецианская хартия, Флорентийская хартия). Но об этом уже достаточно написано, чтобы не повторять здесь.

Реставрация Летнего сада в целом стала торжеством технократического подхода. Она направлялась рассудком, не принимая во внимание ничего вне сферы конкретного, осязаемого. Но подход, успешный в том деле, которым и в котором он рожден, т. е. в научной и инженерной деятельности, обернулся провалом там, где об руку с разумом идет чувство, разрывающее границы, ставящее интуицию на один уровень с логикой, требующее творчества вместо конструирования.

Торжество технократии во всех сферах бытия, не исключая и искусства, одна из больших бед нашего времени — беда не из последних. Сказать бы: «Буква мертва, дух животворит». Но кто-нибудь опять сердито ответит: «Сопли и вопли!» Кстати, кто он, безымянный блогер?

Помните, в фильме «Мертвый сезон» ученый-нацист вещал о преимуществе общества, составленного из людей-орудий: человек-плотник, человек-шофер. Старик как в воду глядел.

Д. В. Козлов

ДЕРЕВЬЯ-ПАМЯТНИКИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ МАРТЫШКИНА

К понятию «исторические деревья» относят не только те старовозрастные, что посажены руками известных людей, оставивших след в истории, или рядом с которыми произошли какие-то знаменательные события, но и те, которые создали неповторимый «исторический пейзаж», знакомый нам по картинам известных художников или фильмам. Каков их статус? Станут ли они деревьями-памятниками или же вместо юридического статуса памятника природы «дерево-памятник» останется фигурой речи? «Деревья живут значительно дольше человека. И в этом долгожительстве во многом их удивительная, притягательная сила. За внушительным возрастом отдельных деревьев порой стоят яркие исторические события. Во многих странах старовозрастные деревья берутся под охрану общественности. За ними тщательно ухаживают, стараясь максимально продлить их жизнь, объявляют охраняемыми памятниками природы*.

В основном в качестве культурной доминанты у нас выступает дуб. Как известно, он в питерских широтах гость нечастый. Хотя естественным путём этот вид дерева и появился в нашем регионе раньше, в культуру дубы были введены Петром I. Уже при межевании Петергофской дороги 1710 г. отдельно отмечались дубы**. По свидетельству Ивана Панаева, в середине XIX в. дубы растут по всему берегу Финского залива за Ораниенбаумом***.

Изображение дубравы нередко на полотнах отечественных живописцев. На многих творениях И. И. Шишкина, создавав-

* Всероссийская программа «Деревья — памятники живой природы». О Программе. URL: <http://rosdrevo.ru/information/about>.

** Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: историко-архитектурный путеводитель. 4-е изд. СПб., 2013. С. 30.

*** Петербургская жизнь. Записки Нового Поэта // Современник. Т. 82. Отд. III. СПб., 1860. С. 306.

шихся под Петербургом, запечатлены дубы. Присутствует это дерево и на других работах мастера. В их числе созданные в 1891-м «Дождь в дубовом лесу» и «Летний день». Всего в окрестностях Ораниенбаума им создано по крайней мере пять творений. Это как признанные шедевры «Мордвиновские дубы» («На даче графини Мордвиновой») и «В лесу графини Мордвиновой», так и не получившие широкой известности «Группа дубов на даче Мордвиновой», «Лес в Мордвинове», а также «Дуб в парке Старого Петергофа».

Имение семье Мордвиновых досталось в 1822-м уже со сложившейся внутренней планировочной структурой. Подлинным украшением дачи были три дуба близ главного дома. Ещё дочь Николая Семеновича Надежда затруднялась сказать определённо, сколько им лет*. Окончательно возраст деревьев может быть определён в ходе инструментального исследования. Дубы, окружающие трёх красавцев, моложе. Относительно молоды и деревья, которыми засажен усадебный комплекс. Его границы можно соотнести с нынешними улицами: на западе — Верещагина (она приводила к дальней точке прогулок владения — часовне-колонде св. Николая Чудотворца), на юге — Галины Улановой, на востоке с заросшей просекой, прорубленной от аллеи далее на юг в лесопарк. Прорезка её произведена после объединения дач Мордвиновых и Беков в конце XIX в. В то же время выстроено здание водоподъёмной машины на нижнем пруде у шоссе (разрушено уже на нашей памяти) и водонапорной башни в створе аллеи-просеки. На плане Н. Ильина 1892 г. деревья показаны поштучно вдоль центральной оси комплекса — нынешней улицы Немкова (быв. Дачной). Аллейная обсадка дубами показана лишь по ней, хотя существует и по улице Верещагина. Подсчёт колец на стволе одного из них (ул. Галины Улановой) показал, что посадка экземпляра была произведена в первые годы хозяйствования Мордвиновых. Т. о., можно говорить по крайней мере о трёх возрастах насаждений: ныне засохший «Апраксин» дуб и подле два воронцовских в окружении мордвиновских. Словно три разных

* Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале, графе Николае Семёновиче Мордвинове и о семействе его. СПб., 1873. С. 65.

поколения владельцев смотрят на нас молчаливые свидетели прошедших эпох*.

Отдельные деревья — как вдоль проездов, так и вразброс, остались и на бывшей даче Беков, застроенной после войны частным домами в составе соседней к востоку от неё Ораниенбаумской Колонии. Из множества построек усадьбы Мордвиновых до нашего времени дошли лишь водонапорная башня да частично оранжерея. Несмотря на то, что сооружения состоят на государственной охране как памятники истории и культуры, они продолжают разрушаться. Также уцелели два погреба-ледника, под охраной до сих пор не состоящие. На даче Беков остался лишь неохраняемый мостик на бывшей липовой аллее, шедшей по краю приморской террасы вдоль дороги с запада на восток. Перпендикулярно ей к морю ведёт аллея, о которой упоминает А. Я. Панаева: «Построенная в виде красивого швейцарского домика, дача находилась на берегу взморья, вдали от всякого жилья, посреди громадного парка с тенистой липовой аллеей, тянувшейся почти три четверти версты, так что дачники Петергофа и Ораниенбаума приезжали гулять в наш парк»**. Главный усадебный дом этого комплекса, находившийся на пересечении двух аллей, исчез ещё до Великой Отечественной***. Война уничтожила и находившийся на нижней террасе под ним дачный швейцарский домик, снимавшийся Панаевыми и Некрасовым. Возраст лип оценивается в 200–250 лет.

Дворянские роды Российской Империи были переплетены, связаны родственными узами. Так, дочь адмирала Мордвинова и англичанки Генриетты Александровны Коблей Вера Николаевна выходит за Аркадия Алексеевича Столыпина. Их дочь Мария Аркадьевна в первом браке являлась супругой Ивана Бека, во втором Павла Вяземского. Шишкин приезжает в имение Мордвиновых, написав знаменитую работу «На севере

* Всего в Мордвиновском парке в 1980 г. насчитывалось 298 дубов различного возраста (Научный архив СПб ГБУ «Краеведческий музей г. Ломоносова». Фонд-картотека А. А. Плаксина. Мордвиновский парк).

** Панаева (Головачёва) А. Я. Воспоминания. М., 1986. С. 233. Указанная Панаевой протяженность аллеи — до границы леса. В настоящее время центральный участок аллеи между дорогой и лесом застроен.

*** На его месте сейчас частный дом (ул. Левитана, д. 10).

Рисунок А. Н. Бурака (с рисунка Д. В. Григоровича «Дача И. И. Панаева близ Ораниенбаума». 1858)

диком» в качестве иллюстрации к стихотворению Лермонтова. Тогда, в 1891-м как раз отмечался полувековой юбилей гибели поэта. Михаил Юрьевич в свою очередь приходился Марии Аркадьевне двоюродным племянником. Купеческий же род Шишкиных породнился с купеческим родом Стахеевых. Николай Дмитриевич Стахеев поддерживал связь с мастером, приобретал его работы. В собрании Стахеевых находилась картина «Летний день». Дальние потомки Стахеевых в наши дни живут в соседней Ораниенбаумской Колонии. В их числе художник и активный борец за сохранение культурного наследия Екатерина Ролич. Другой художник, Виктор Гребенюк, выдвигает предположение о Собственной Даче Петергофа как месте написания данного полотна*. Однако документально и натурно версия не

* Гребенюк В. А. Художники в окрестностях Ораниенбаума. СПб., 2013. С. 63–64.

подтверждается. Конечно, мастером могли быть использованы составляющие здесь пейзажа в других работах. «Прошло более ста лет, и большинство этих полотен почти невозможно соотнести с нынешними ландшафтами, однако знатоки творчества Шишкина уверены, что под впечатлением окрестностей Петергофа и Ораниенбаума им созданы не только картины, в названиях которых есть соответствующие конкретные топонимы»*.

Как и усадьбы Мордвиновых и Беков, объединённые, а затем вошедшие как Мордвиново (Мордвиновка) в состав Мартышкина, так и само это поселение в качестве дачного места традиционно являлись центром притяжения деятелей искусства. Хозяевами и гостями этих достопримечательных мест были выдающиеся деятели истории и культуры: графские роды Воронцовых и Мордвиновых, Пётр Фёдорович и Екатерина Алексеевна, Н. А. Некрасов и И. И. Панаев, Константин Сомов и Александр Бенуа. Эти живописные виды вдохновляли на создание замечательных живописных, литературных, музыкальных произведений. Не случайно многие мартышкинские проезды названы именами представителей творческой интеллигенции: есть здесь и переулок Шишкина, и переулок Панаевой.

Итак, «Мордвиновские дубы». Краевед Владимир Парахуда назвал «школьным» сюжет этой картины**. А Владимир Стасов говорил, что русская природа у Шишкина это природа, предназначенная для богатырского народа. Живописец не отделял образ России и её народа от образа родной природы. Ивана Ивановича в дубе привлекало крепкое богатырское сложение. Величественное, монументальное может быть простым. Именно это чувствуется в картине. В створе улицы Немкова располагался главный усадебный дом, являвшийся ядром комплекса. Рудиментом здания можно считать занимавшее то же пятно застройки здание яслей-сада, разобранные в 1980-е. К юго-востоку и юго-западу от него находились жилые флигели. Хозпостройки группировались в юго-западной части. На картину же попал небольшой учительский дом-флигель. Тут на поляне, но с другого

* Бардышева О. Ф. Мордвиновские мотивы // Муниципальный Ломоносов. 17.01.2012. № 1; 24.02.2012. № 3; 16.03.2012. № 4.

** Парахуда В. А. В тени мордвиновских дубов // Санкт-Петербургские ведомости. 16.06.2011 г. № 108 (4884).

ракурса написана «Группа дубов на даче Мордвиновой». Эти же деревья показаны иными: корявыми, состарившимися, с большим количеством сухих ветвей. Стремившийся детально передавать натуру Шишкин вдохновлялся её бесконечным многообразием.

Не менее узнаваема «В лесу графини Мордвиновой», написанная в лесопарке, простирающемся к югу от усадебного комплекса. Вековому дремучему ельнику противопоставлен напоминающий самого Шишкина дедушка-лесник, словно зашедший на несколько секунд в поле зрения живописца (этот же приём введения динамического элемента с намёком на себя использован им в «Дожде в дубовом лесу»). И в то же время строевой старовозрастный лес в лучах заката уподоблен замершему великовозрастному персону. Здесь же в лесной чаще создаётся «Лес в Мордвинове». Певцом русского леса, русской природы, певцом великого русского духа называли Шишкина.

Великолепным художником стал сын Н. С. Мордвинова Александр. Фотография 1891 г., запечатлевшая Шишкина за работой над «Мордвиновскими дубами», подписана дочерью Александра Николаевича Анной, в замужестве Имеретинской. В том же году скончался внук Николая Семёновича Александр Александрович, шталмейстер двора. У него остались вдова Екатерина фон Рихтер и сын Александр Александрович-младший, пионер русского автомобилизма. Они и считаются последними владельцами места.

В последние десятилетия мордвиновский лес стал менее густым, более светлым. Стал он и более грязным, увеличилась антропогенная нагрузка. А во времена живописца «густой и мрачный бор выглядел ухоженным и опрятным», ведь «у Мордвиновых несколько лесников ежедневно с рассветом отправлялись на уборку леса»*. Но всё ещё сохраняется участок ельника, где были написаны эти картины, и по-прежнему узнаваемы эти места. Изменения к худшему произошли и на большой лужайке, где была создана картина «Мордвиновские дубы». За последние тридцать-сорок лет ухоженная лужайка заросла самосевом. Окончательно засох к 2003-му первый («Апраксин»), самый

* Гребенюк В. А. Указ. соч. С. 41.

Мордвиновские дубы. 2013 г.

большой дуб — герой «Группы дубов на даче Мордвиновой». Спил его может стать прекрасным экспонатом, а пень и части ствола послужить материалом для мебели, скульптур и поделок. Отвалился и упал в 1978 г. второй ствол второго дуба. До войны уход здесь осуществлял располагавшийся в усадебном комплексе сельскохозяйственный техникум. Затем в надлежащем виде лужайка и лесопарковый массив поддерживались лесхозом, помогали сотрудники яслей-сада, соседнего Биологического института в Сергиевке, местные жители. Сейчас обслуживающая организация сменилась, теперь за объект отвечает садово-парковое предприятие «Флора». Без срочных мер по благоустройству бывшая усадьба будет утрачена для отечественной культуры. Большинство усадебных ландшафтов Петергофской дороги в наши дни деградировали без систематического ухода и продолжают медленно гибнуть: «теперь вместо чередования густых посадок с открытыми пространствами, украшенными различными группами деревьев и кустарников с изысканными силуэтами, то есть того, что является основой композиции каждого парка, сегодня можно наблюдать заросшие луга и поляны, появившиеся

массивы из самосевных пород, полностью нарушившие объёмно-пространственный замысел произведения садово-паркового искусства»*.

Петергофская Собственная Дача Елизаветы Петровны к востоку от мордвиновской усадьбы. Здесь создавалась картина «Дуб в парке Старого Петергофа» (Рис. 4). Хотя он расколот ударом молнии, но всё ещё зеленеет. Существует и окружающая его дубовая роща. Однако деревьев в дубняке со временем стало меньше, а оставшиеся экземпляры болеют. Погиб интересный «семейный» (многоствольный) дуб. Недавно (2013 г.) погиб после попадания молнии заметный дуб на нижнем партере между дворцом Собственной Дачи и дорогой. Памятный дуб с прибитым к нему черепаховым панцирем в верхнем партере к югу от дворца исчез ещё до войны.

И в XX в. Мартышкино остается прибежищем для людей искусства. Здесь творят, живут такие прославленные советские живописцы и скульпторы как А. А. Мыльников, В. М. Орешников, В. М. Звонцов, Я. Т. Бесперстов, П. П. Литвинский, А. М. Блонский, отец и сын Игнатъевы. Это памятное место попадало и на их работы. Нашли отражение дубы в Мартышкине и в творчестве художников другого направления; отдельная страница истории — творчество мартышкинского дачника Михаила Матюшина, вокруг которого сформировался круг учеников. Один из них, в будущем известный советский живописец Николай Костров, запечатлел поляну с дубами в своей серии «Мартышкино». Здесь же на Мартышкинском кладбище, что на нижней террасе Мордвиновки, Матюшин и похоронен. Вместе с ним нашла упокоение и его третья жена, писатель Ольга Константиновна Матюшина (Громозова). После войны происходит смена «загородной парадигмы» Мартышкина: от дачных вакансий к месту постоянного проживания в частном фонде.

В классицизме символика дуба у господского дома подчёркивала гостеприимство хозяев. Внизу на дороге два «патриарха русского леса» словно пропилили отмечают крайние оси центрального входа в существовавшее главное здание мордвиновского имения. Наверху же остался только западный дуб возле угла здания, восточный исчез.

* Рейман А. Краса и гордость Петергофа // Ракета. 23.05.1990. № 19 (319).

Вход в находящийся в южной части мордвинского лесопарка Громовой колодец, над которым была возведена часовня св. Николая Чудотворца (Мартышкино, Песочная ул.), отмечали две берёзы посреди ельника и сосняка*. Сюда из Старого Петергофа направлялся крестный ход**. «Вокруг был густой хвойный лес, место пользовалось большой популярностью у грибников и ягодников Петергофа и Мартышкино»***. В 1990-е «густого хвойного леса вокруг колодца, конечно, не оказалось, от аллеи к югу от железной дороги осталось лишь три берёзы по оси север-юг»****. Одна из двух берёз подле утраченной малой архитектурной формы тогда ещё сохранялась. Сейчас нет и её.

Геологический памятник природы «Мартышкинский валун» (Лапси-камень). Месторасположение его (Мартышкино, Пионерский пляж) имеет ландшафтные признаки ижорского культового места: приметный валун больших размеров, небольшой родник, раздвоенная старая берёза^{5*}. Существовало ритуальное почитание данного объекта, в настоящее время сакральный характер места утрачен^{6*}.

С целью сохранения деревьев, описываемых в настоящей статье, для включения во Всероссийскую программу «Деревья — памятники живой природы» в качестве деревьев-памятников были отобраны три дуба как наиболее ценные. «Цель програм-

* По фотографии Громового колодца, сделанной в 1912 г. со стороны Песочной ул., березы можно датировать серединой XIX в. См.: Парахуда В. А. Редкие фотографические изображения бывшей усадьбы графов Воронцовых и Мордвиновых вблизи Мартышкина под Петербургом // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 13. СПб., 2010. С. 176. Цветная иллюстрация опубликована: Парахуда В. А. Забытое Мартышкино // Художественный вестник. 2009. № 4. С. 80.

** Сурков С. А. Храм преподобного Серафима Саровского в Старом Петергофе: исторический очерк. Старый Петергоф, 2017. С. 42.

*** Сурков С. А. Судьбы храмов, духовенства и мирян Петергофа в годы испытаний (Забытый Петергоф). СПб., 2005. С. 40.

**** Там же.

^{5*} Мизин В. Г. Фрагменты мегалитической мозаики: приложение // Платов А. В. Мегалиты Русской равнины. М., 2009. С. 219–220. Один ствол засох в 2017 г.

^{6*} Сакса К. Легенды Ингерманландии. 2-е изд. СПб.; Ораниенбаум, 2007. С. 83.

мы — поиск и сохранение уникальных старовозрастных деревьев, представляющих собой культурную, историческую и природную ценность для Российской Федерации, придание им статуса охраняемых государством природных объектов, формирование Национального реестра старовозрастных деревьев России, экологическое и патриотическое воспитание подрастающего поколения*.

На сегодняшний день в России отсутствует систематический подход в выявлении исторических деревьев, сохранении зелёных раритетов. Программа устраняет этот пробел, привлекая к участию широкие массы населения регионов. Материалы по включению ораниенбаумских деревьев в программу были подготовлены в сезоны 2014–2016 гг. Это прежде всего дубы «шишкинской поляны». Второй дуб на ней: возраст оценивается в 250 лет, наличествует большое, требующее пломбирования дупло от второго ствола. Третий дуб уже был в 2013-м включен по программе в Национальный реестр старовозрастных деревьев Российской Федерации (№ 283), а в 2015-м признан и деревом-памятником.

Второй дуб для включения в программу — с картины «Дуб в парке Старого Петергофа». Расколот попаданием молнии, обгорел, на большой площади отсутствует кора. Требуется пролечивание дерева, чистка гнили, закрытие повреждений ствола. Как и мордвинским дубам, дереву показана омолаживающая обрезка, срезание нижней ветви, сейчас используемой для качелей. Возраст дуба и соседних деревьев оценивается также в 250 лет.

И наконец, третий дуб — украшение усадьбы Грейгов Санс-Эннуи к западу от Ломоносова. Место это, принадлежавшее Петру III, Екатериной II было пожаловано адмиралу С. К. Грейгу. Возраст дерева оценивается в 300 лет, а обхват ствола составляет 5 м**. Самый большой из описываемых дубов знают меньше: он находится за забором бывшей воинской части. Ещё в Решении исполкома Ленгорсовета № 849 от 31.10.1988 г., взявшего под охрану

* Всероссийская программа...

** Согласно «Кратким справкам о парках ведомственного значения ((по данным Ломоносовского отделения ВООПИиК)» (1980 г.): Научный архив СПб ГБУ «Краеведческий музей г. Ломоносова». Фонд-картотека А. А. Плаксина) тогда диаметр составлял 1,33 м. Следовательно, обхват ствола должен был составить 4,18 м.

И. И. Шишкин. Дуб в парке Старого Петергофа. 1891. НИМ РАХ

парк усадьбы, отмечалось: «сохранился уникальный дуб, подлежащий специальной охране».

Использование семенного материала от старовозрастных растений позволит в дальнейшем провести компенсационное озеленение. Постановка же на охрану представляющих историко-культурную ценность зелёных насаждений города Ломоносов поможет не только спасти деревья-объекты культурного наследия, но и привлечь внимание к состоянию садово-парковых ландшафтов Ораниенбаумской (Петергофской) дороги в целом.

А. В. Голованова

СЕНЬ ХРАМА ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА (СПАСА НА КРОВИ): НОВЫЕ ФАКТЫ В ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

МЕМОРИАЛЬНЫЙ храм Воскресения Христова (Спас на Крови), возведенный архитектором А. А. Парландом, является памятником архитектуры и монументально-декоративного искусства конца XIX—начала XX в. Возрожденный после долгих лет запустения благодаря подвижническому труду сотрудников музея и реставраторов храм в 1997 г. открыл свои двери для посетителей как музей. Помимо богатейшего собрания русской мозаики здесь достаточно широко представлены камнерезные работы, среди которых большой интерес представляет сень, установленная над местом смертельного ранения императора Александра II. Долгие годы считалось, что первоначально сень была выполнена из различных поделочных камней, пострадала во время непрофильного использования здания и была почти полностью разрушена. Для полноценного восприятия внутреннего убранства храма в 1994 г. шатер сени, ввиду дорогостоящих и трудоемких работ, был временно выполнен из гипса, раскрашенного под камень.

Предваряя работы по воссозданию шатра из камня, в 2015–2016 гг. были проведены дополнительные архивные изыскания, которые позволили уточнить исторические детали и ход производства, а также окончательно опровергнуть ранее высказанное предположение о создании каменного шатра к 1913 г.

Описание сени впервые встречается у А. Парланда в Отчете*, приуроченном к завершению строительства собора. Архитектор упоминает колонны из серо-фиолетовой яшмы, преподнесенные в дар Александром III, и дает описание распределению работ между Петергофской, Екатеринбургской и Кольванской императорскими фабриками, где, в том числе, сообщает: «...Все архитектурные

* Храм Воскресения Христова, сооруженный на месте смертельного ранения в Бозе почившего Императора Александра II на Екатерининском канале в С. Петербурге. Издание Высочайше утвержденной комиссии по сооружению храма. СПб., 1907.

А. А. Парланд. Проект сени

части *выполняются* (выделено авт.) на Кольванской гранильной фабрике из зеленовато-волнистой яшмы, а ажурные орнаменты из яшмы Николая II, отдельно стоящие цветы из орлеца и змеевика — на Екатеринбургской...»*.

К моменту освящения храма 19 августа 1907 г. работы по созданию сени, фактически начатые в 1898 г., в полном объеме завершены не были. А. Парланд очень тонко дает это понять даже в своем Отчете, употребляя глагол «выполняются» относительно некоторых деталей сени не в прошедшем, а в настоящем времени. Работы, запланированные архитектором на четыре года, ввиду значительной сложности проекта и твердости камней растянулись фактически на два десятилетия.

Поняв, что к моменту открытия храма сень окончена не будет, А. Парланд решил прибегнуть к имитации. В 1906 г. архитектор докладывал в Кабинет Е. И. В. о том, что работы по сооружению храма возможно завершатся в первой половине 1907 г., но «некоторые части „сени“, которая воздвигается на месте смертельного поранения в Бозе почившего Императора Александра II будут изготовлены *только через несколько лет* (выделено авт.). Комиссия, озабочиваясь украшением храма и дабы достойно отметить место поранения Царя-Мученика, решила ко дню освящения замечать недостающие части гипсовыми моделями, вследствие чего

* Там же. 1-я паг. С. 13.

покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о доставке гипсовых моделей»*.

Архивные документы (отчеты и переписка управляющих фабриками с земельно-заводским отделом Кабинета Е. И. В.) свидетельствуют об отсутствии слаженности и общей заинтересованности фабрик в работе. После 1907 г. и упразднении Комиссии по строительству к этому добавилось еще и сокращение финансирования. К тому же гипсовая модель была сделана превосходно. В дореволюционных изданиях, посвященных храму Воскресения Христова, ни один автор не усомнился в материале, из которого был выполнен шатер (возможно, что большинство из них позаимствовало описание сени в Отчете А. Парланда). В первую очередь внимание обращали на свод сени, изготовленный Петергофской гранильной фабрикой по способу флорентийской мозаики из драгоценных камней**.

При изучении архивных документов удалось проследить сроки изготовления элементов сени.

Так, без задержки к моменту освящения собора были исполнены работы, порученные Петергофской гранильной фабрике: к 1907 г. из натуральных камней были выполнены и установлены на место колонны с надкапительными столбиками и мозаичными вставками и свод из драгоценных камней, смонтированный в гипсовую основу. Сборка, подгонка и полировка свода и боковых вертикальных плоскостей началась сразу после установки гипсового шатра в феврале 1907 г. и велась почти до самого дня освящения храма.

В ходе архивных исследований впервые удалось выявить имена рабочих фабрики, задействованных в производстве работ: это мастера Николай Яковлевич Морин (личный почетный гражданин), Александр Петрович Сильянов (петергофский мещанин), Николай Иванович Давыдов (петергофский

* РГИА. Ф. 468. Оп. 25. Д. 6. Л. 163.

** На сегодняшний день по архивным документам автору удалось выявить использование алмазов и ляпис-лазури из запасов Петергофской гранильной фабрики. РГИА. Ф. 504. Оп. 1. Д. 2473. 1907 г. О постановке в храме Воскресения Христова частей сени, изготовленных на фабрике и доставлении на место постройки храма. Л. 51.

мещанин), Александр Гаврилович Кузьмин (сын губернского секретаря), Павел Яковлевич Морин (личный почетный гражданин), Алексей Спиридонович Давыдов (петергофский мещанин), Сергей Михайлович Михайлов (крестьянин Костромской губернии Чухломского уезда Муравьищенской волости деревни Сидоровской), подмастерья Александр Константинович Туболкин (петергофский мещанин), Владимир Яковлевич Морин (петергофский мещанин), Михаил Николаевич Банасевич (петергофский мещанин), мастера Анри Федорович Богданов (петергофский мещанин) и Василий Павлович Иванов (потомственный почетный гражданин)*.

Работы на Кольванской шлифовальной фабрике были немного отодвинуты по срокам: не оказалось достаточных запасов зелено-волнистой яшмы. В 1906 г. управляющий фабрикой просил отсрочить работы как минимум еще на 2,5 года, мотивируя это «неустановленным окончательным сроком» заказа и неэффективной деятельностью своего предшественника. Через год была заявлена общая отсрочка уже до 1911 г., в т. ч. в связи с работами по устранению трещин в готовом карнизе.

На Екатеринбургской гранильной фабрике к работам над сенью приступили позднее всего. Практически все мастера были заняты изготовлением киотов и дарохранильницы, исполнение которой контролировал лично император. В 1911 г. в Кабинет Е. И. В. управляющим фабрикой был представлен подробный план, согласно которому на окончание работ требовалось еще 10 лет 7 месяцев**. Можно предположить, что сень могла быть завершена только к 1921 г.

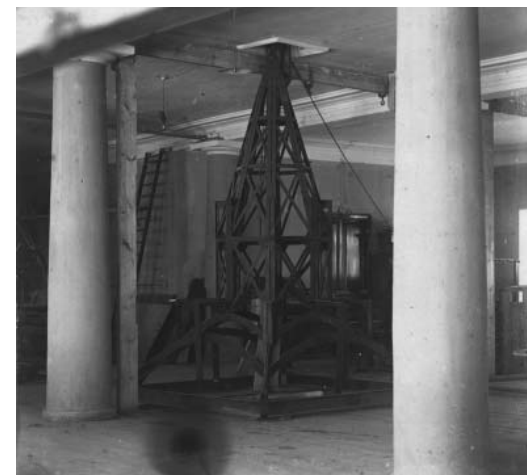
Уложиться в сроки мешали также проблемы, которые возникали в ходе транспортировки. При погрузке ящики, возможно, укладывали недостаточно бережно. Так, фактически при каждой пересылке часть деталей получала трещины; были зафиксированы случаи кражи ящиков во время стоянки поезда.

Для сокращения сроков работы (в общей сложности на пять лет) управляющий Петергофской гранильной фабрикой в ноябре 1911 г. внес рациональное предложение. Во-первых, он предложил

* РГИА. Ф. 504. Оп. 1. Д. 2473. 1907 г. Л. 48–53.

** Там же. Л. 208–209.

С. М. Прокудин-Горский. Фотография каркаса шатра сени. Екатеринбург. 1909 г.

упростить орнамент кровли шатра*. Во-вторых, в угловых кокошниках, рисунок которых мало виден, использовать не николаевскую яшму, а обладающий меньшей твердостью моховик. И, наконец, в-третьих, разделить оставшиеся работы на две части: работы по приготовлению подзоров, шатра и угловых кокошников продолжить на Екатеринбургской фабрике, за Кольванью оставить изготовление карнизов, а сборку всех частей сени осуществлять на Петергофской фабрике. Предложение было поддержано Кабинетом Е. И. В., и через месяц после высочайше утвержденного 18 февраля 1912 г. нового рисунка шатра сени** на фабрики поступили соответствующие предписания.

В апреле 1912 г. в Петергоф для работ по сборке шатра из Екатеринбурга доставили кокошники среднего яруса и металлический каркас***.

После нового распределения обязанностей между фабриками работа стала продвигаться быстрее, и уже в январе–феврале 1913 г. Петергофская фабрика произвела установку балюстрады из орлеца вокруг сени**** (в 1907 г. сень была ограждена ажурной решеткой).

* РГИА. Ф. 504. Оп. 1. Д. 2473. 1907 г. Л. 210

** Там же. Л. 211, 213.

*** Там же. Л. 226.

**** Там же. Л. 235.

В 1913 г. Екатеринбургская фабрика запросила в Петергофе чертежи и модели орнаментов нижних кокошников, без которых мастерам невозможно было приступить к началу работ. Оказалось, что таких моделей не существует, а «гипсовые окрашенные орнаменты, которые установлены в угловых кокошниках временной кровли над „сенью“, не могут служить образцами... в виду последовавших изменений...»*. Возможно, эти изменения были вызваны конструктивными особенностями, а возможно проект А. Парланда был опять-таки упрощен. При этом архитектор сам предложил воспользоваться «одной из моделей для таких же украшений в, одинаковых с угловыми, срединных кокошниках того же яруса, но соответственно приспособленными к новой форме примыкающих угловиков»**, а кроме того допустил использование совершенно одинаковых орнаментов для всех четырех нижних угловых кокошников.

Подзоры, изготовленные на Екатеринбургской фабрике, в силу своего большого веса не были закреплены на гипсовой модели.

Окончание работ, ожидаемое согласно новому плану к 1917–1918 гг., в связи с началом Первой мировой войны и сокращением финансирования опять было отложено, а после Октябрьской революции вопрос о каменном убранстве сени и вовсе был снят.

В послереволюционные годы художественно-декоративное убранство храма описывалось не единожды, и если мозаики в надкапительных столбиках и свод сени упоминались, то шатер, будучи гипсовым муляжом, не вошел ни в одну опись.

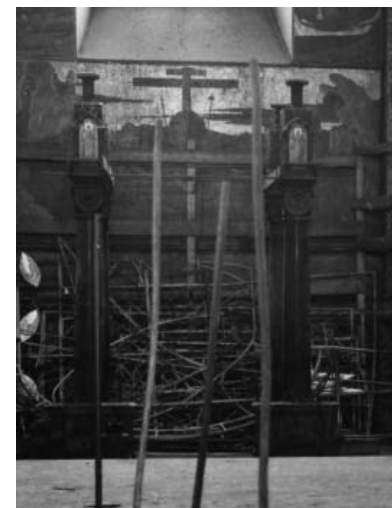
В 1930-х гг. несколько раз поднимался вопрос о сносе храма. В 1931 г. считалось, что «здание никакой художественной ценности не представляет», а в 1934 г. Комитет по охране памятников, не видя препятствий к сносу храма, всё же отметил его как «интересный образец архитектуры возрождения русского стиля»***. Перед сносом помимо обмеров, фотофиксации и снятия наиболее ценных мозаичных работ было принято решение предварительно разобрать и сень. При этом В. А. Фролов, руководивший мозаичной мастерской при Всесоюзной Академии художеств, обратился в Отдел благоустройства Ленинграда с настоятель-

* РГИА. Ф. 504. Оп. 1. Д. 2473. 1907 г. Л. 314.

** Там же.

*** ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 43. 1934–1936 гг. Л. 28–30.

ной просьбой о разборке сени специалистами, имеющимися в Академии, в связи с тем, что «установленные в сени... мозаичные иконы и плафон флорентийской мозаики представляют собой произведение искусства большой художественной ценности, и выемка их требует самого внимательного и осторожного отношения к этой операции»*. Тем не менее, разборка была произведена без участия В. А. Фролова 2 мая 1934 г. При этом свод сени, представляющий собой исключительную ценность, был разбит**, не говоря уже о гипсовом шатре. Сохранились только два звена орлецово-балюстрады и колонны с надкапительными столбиками, которые и послужили основой для воссоздания сени из гипса в 1994 г.***

Сень. 1970-е гг.

Эти фрагменты были отреставрированы мастерами объединения «Реставратор»; утраченные звенья балюстрады с вазами и полусферами изготовлены заново в Екатеринбурге. Металлические конструкции шатра сени были временно облицованы гипсовыми деталями, расписанными под камень. Как было отмечено выше, в дальнейшем планировалось полноценное воссоздание каменного убранства сени. Но в связи с вновь выявленными данными, опровергающими реализацию авторского замысла Альфреда Парланда, и в соответствии с Венецианской хартией воссоздание каменного шатра сени на сегодняшний день музеем приостановлено.

* За эту информацию автор выражает благодарность хранителю фондов ГМП «Исаакиевский собор» О. О. Матвеевой. НИА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 243. 1934 г. Переписка по вопросам консультации и экспертизы с Ленсоветом об определении художественной ценности внутреннего убранства храма Воскресения Христова в Ленинграде. Л. 5.

** Там же. Л. 6.

*** ГМП «Исаакиевский собор». НВФ. 23760.

М. О. Логунова

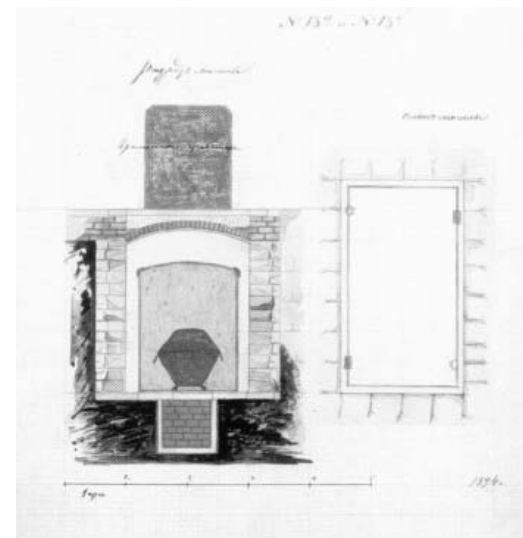
О ВСКРЫТИИ ЗАХОРОНЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III В ПЕТРОПАВЛОВСКОМ СОБОРЕ

В 2015 Г.

В ипатьевском доме Екатеринбург 17 июля 1918 г. были расстреляны члены семьи последнего российского императора: Николай II, императрица Александра Федоровна, дочери — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также слуги: повар И. М. Харитонов, комнатная девушка А. С. Демидова, лакей I разряда Алоиз-Лаурс Труупс (Алоизий Егорович Трупп) и лейб-медик Е. С. Боткин. Изучение обстоятельств этого дела по горячим следам проводили следователи А. П. Наметкин и И. А. Сергеев. Первое следствие по делу о цареубийстве вел в 1919 г. следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Николай Соколов, обнаруживший лишь фалангу пальца, небольшие фрагменты человеческих останков, несколько пуль и шкатулку с драгоценностями. В 1970-х гг. расследованием места захоронения останков царской семьи заинтересовался консультант министра внутренних дел СССР киносценарист Гелий Рябов, допущенный к спецхранам. Он совместно с екатеринбургским геологом А. Н. Авдониным установил место захоронения останков на основании документа 1934 г., написанного со слов Якова Юровского, руководившего расстрелом царской семьи («Записки Юровского» или академика М. Н. Покровского со слов Юровского). Согласно документу, девять членов царской семьи были облиты серной кислотой и зарыты у дороги в Поросенковом Логу под Екатеринбургом, останки Алексея и одной из княжон сожжены и закопаны неподалеку. Из захоронения были извлечены три черепа, но впоследствии уложены обратно.

К рассмотрению данного дела вернулись в начале 1990-х гг. 23 октября 1993 г. распоряжением Правительства РФ была создана Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. Генетические экспертизы были проведены в 1993 г. в Олдермастонском центре криминалистических исследований (Англия), в 1995 г. в Военно-медицинском ин-

План и разрез
могилы императора
Александра III.
Архитектор Г. Ботта.
1894

ституте Минобороны США, в ноябре 1997 г. в Республиканском центре судебно-медицинской экспертизы Минздрава России. В контексте данного дела летом 1994 г. была вскрыта в Петропавловском соборе могила брата Николая II цесаревича и великого князя Георгия Александровича (27.04.1871 — 28.06.1899). После проведенных исследований последовал вывод ученых о том, что один из найденных под Екатеринбургом скелетов является прахом расстрелянного Николая II. Вскрытие 1994 г. показало, что ранее могила цесаревича Георгия Александровича в Петропавловском соборе не была потревожена.

30 января 1998 г. правительственная комиссия завершила работу и сделала вывод: «Останки, обнаруженные в Екатеринбурге, являются останками Николая II, членов его семьи и приближенных людей». 17 июля 1998 г. в Екатерининском приделе Петропавловского собора состоялось погребение останков, доставленных в запечатанных гробах из Екатеринбурга в Петербург. На тот период не были обнаружены останки цесаревича Алексея и великой княжны Марии Николаевны. В августе 2000 г. Русская православная церковь (Московский патриархат) канонизировала членов семьи Николая II в качестве страстотерпцев, однако, от-

ношение к захоронению в Екатерининском приделе не изменила. Зарубежная Русская Православная церковь (РПЦЗ) в 1981 г. канонизировала большим списком новомучеников, пострадавших в революционные годы, в том числе семью Николая II. В феврале 2016 г. на Архиерейском соборе РПЦ канонизирован доктор Евгений Сергеевич Боткин.

Поиск останков цесаревича и великой княжны продолжался и в 2007 г. группой уральских историков и поисковиков в районе Старой Коптяковской дороги близ Екатеринбурга в 70 м от авдонинского захоронения силами военно-исторического клуба «Горный щит» во главе с Л. Г. Вохмяковым обнаружены останки двух человек. Специалисты пришли к выводу, что анализ данных исторических источников и результатов естественно-научных исследований, проведенных в ходе расследования данного дела, позволяет категорически утверждать, что в 2007 г. были обнаружены останки цесаревича Алексея и великой княжны Марии*. 21 августа 2007 г. Генеральная прокуратура РФ решила возобновить следствие по уголовному делу, возбужденному по факту обнаружения останков царской семьи в 1991 г. Историческую экспертизу возглавил директор ГА РФ д. и. н. С. Мироненко. 14 января 2011 г. уголовное дело № 18/123666-93, возбужденное 19.08.1993 в связи с обнаружением в окрестностях Екатеринбурга «неопознанных трупов девяти человек с признаками насильственной смерти», было прекращено. Некоторое время коробочки с «зольной массой» находились в сейфе старшего следователя-криминалиста Следственного комитета РФ Владимира Соловьева, который с самого начала, занимался «царским делом», затем были переданы им в ГАРФ.

8 июля 2015 г. Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев подписал распоряжение № 1318-р о создании межведомственной рабочей группы по вопросам, связанным с исследованием и перезахоронением находящихся в ГА РФ останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии

* См.: Заключение о возможности захоронения останков цесаревича Алексея Николаевича (Романова) и великой княжны Марии Николаевны (Романовой) в Петропавловском соборе г. Санкт-Петербурга. URL: <http://government.ru/media/files/v8mN8t8hA5acNu3k2LAnX2JKSf3U77LE.pdf> (дата обращения: 8 декабря 2016 г.).

Романовых, и утвердил ее состав. Объявлена была дата захоронения: 18 октября 2015 г. — тезоименитство цесаревича.

В контексте подготовки к этому захоронению в конце 2015 г. проведена работа по вскрытию захоронения в Екатерининском приделе Петропавловского собора, в котором погребены 17 июля 1998 г. (согласно официальной версии) члены семьи последнего российского императора, слуги и доктор. 23 сентября 2015 г. в присутствии многочисленной комиссии ковчеги с предполагаемыми останками Николая II и императрицы Александры Федоровны были извлечены из склепа. Специалисты взяли материал для исследований ДНК из черепов и позвонков скелетов. Материалы были запечатаны в отдельные пакеты, и переданы для параллельного исследования представителям Следственного комитета и патриархальной комиссии.

Уже во время первых совещаний представитель РПЦ (Московский патриархат) протоиерей Всеволод Чаплин высказывал желание вскрыть могилу Александра III. Доводы церкви — нужна могила, явно не вскрывавшаяся в послереволюционные годы и необходим достоверный материал ДНК по мужской линии для сравнения черепов Николая II и его отца. Предложение вскрыть повторно могилу цесаревича Георгия Александровича было отклонено на том основании, что представители РПЦ имели сомнения относительно подлинности останков, захороненных после вскрытия 1994 г. в этой могиле.

На последующих совещаниях обсуждался вопрос о получении разрешений от КГИОП, в ведении которого находится Петропавловский собор как памятник федерального значения. Надо сказать, что против вскрытия могилы Александра III выступили практически все светские исследователи и даже настоятель Петропавловского собора архимандрит Александр (Федоров). Тем не менее, решение о вскрытии было принято на самом высшем уровне (Правительство РФ) в ответ на просьбу Патриарха. Вопросы, связанные с историко-культурной экспертизой, научным обоснованием и технической возможностью данного вскрытия были возложены на специалистов из Государственного Эрмитажа и сотрудников ГМИ СПб. В кратчайшие сроки гл. науч. сотрудник музея М. О. Логунова смогла обеспечить специалистов КГИОП и Гос. Эрмитажа научными справками, определяющими

Скол плит и сдвиг крышки на надгробии императора Александра III. Фотография сентябрь 2015 г.

ми общие правила погребения членов императорской фамилии, устройство склепов и принцип формирования могил для членов Российского императорского дома в Петропавловском соборе Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. Естественно, в разработке темы главенствующее значение получило создание склепа и надгробия над могилой императора Александра III. Особую значимость имели архивные документы, посвященные укреплению базы под огромными монолитными надгробиями императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Для установки этих надгробий в 1906 г. рядом с уже существовавшей могилой Александра III было произведено вскрытие и укрепление сводов склепов и пола Петропавловского собора.

Особого внимания удостаивался вопрос о легендарном вскрытии императорских могил в Петропавловском соборе в постреволюционный период, о чем сохранилось большое количество «свидетельств очевидцев», но ни одного архивного документа. Особенно активно эти легенды были представлены в наследии Н. Эдельмана. Представители церкви активно обсуждали эти вопросы, епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов) провел пресс-конференцию, посвященную возможности разграбления императорских захоронений в 1920-х гг., так как в ходе визуального обследования надгробия императора Александра III осенью 2015 г. выявилась особенность — крышка надгробия явно была сдвинута. По историческим фотографиям можно сделать вывод о том, что сдвиг произошел в советский период, но когда? Возникло подозрение, что могила Александра III могла быть действительно

потревожена в советское время. Архивных данных о времени и причинах повреждения надгробия обнаружено не было.

С 6 ноября 2015 г. производились работы по размягчению швов, демонтажу крышки, разборке и перемещению надгробия из каррарского мрамора.

9 ноября снята крышка надгробия. В результате демонтажа крышки надгробия, были обнаружены следы явного вскрытия надгробия, по косвенным данным можно предположить, что это было сделано во время реставрационных работ конца 1950-х гг.

12 ноября 2015 г. произведен разбор надгробия. С самого начала все действия проводились в рамках существующего уголовного дела, все необходимые процессуальные действия совершались под контролем Следственного комитета и представителей РПЦ, всё записывалось на видеорекамеру и фотографировалось.

20 ноября 2015 г. происходил подъем лещадных плит, выемка песка, дегазация склепа. Обнаружен приклад с целью пригруза, что не соответствовало проектному чертежу. Обследование показало, что кирпичный свод не поврежден, следовательно, вторжения в подземную часть захоронения не было и опасения о вскрытии гробницы в советские годы не подтвердились. Под кирпичным сводом склепа обнаружены остатки деревянной опалубки, а под ними хорошо сохранившийся медный ковчег, запертый на замки и после захоронения не вскрывавшийся. Очевидно, что захоронение не потревожено.

27 ноября 2015 г. День эксгумации. Осмотрено устройство скле-

Вскрытие склепа императора Александра III. Видна крышка медного ковчега. Фотография ноябрь 2015 г.

Склеп, ковчег и гроб императора Александра III. Фотография 27 ноября 2015 г.

па. Размеры склепа: 142,5×267 см. Глубина от уровня пола 212,6 см. Глубина от низа свода до низа склепа 160,8 см (апогей) и 139,3 см (перигей). Саркофаг без внешних повреждений. После вскрытия ковчега и крышки гроба, из могилы извлечен череп и нижняя челюсть Александра III, из которых взяты образцы — первый и второй позвонки, несколько зубов, волосы с бороды, фрагменты нижней челюсти, образцы мягких тканей. Все материалы предназначались для генетического анализа с целью последующего сравнения с предполагаемыми останками императора Николая II, обнаруженными в захоронении в районе Старой Коптяковской дороге в окрестностях Екатеринбурга. Часть запечатанных пакетов с образцами переданы митрополиту Санкт-Петербуржскому и Ладожскому

Варсонофию для представления Патриарху. Также, как и в случае с останками из Екатерининского придела, параллельные независимые исследования должны проводить как представители Следственного комитета, так и Русская Православная церковь (Московский Патриархат).

4 января 2016 г. могила императора Александра III полностью заделана, все лещадные плиты уложены на место, надгробие установлено.

Осенью 2016 г. епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов) дал несколько интервью для средств массовой информации. В частности в интервью для еженедельной программы журналиста Сергея

Надгробие императора Александра III после установки на место. Фотография 2016 г.

Брилева, Владыка заявил: «Известно, что один из убийц царской семьи получил как раз в эти дни убийства в екатеринбургской аптеке большое количество спирта и на следующий день выехал в Москву с тремя большими коробками. Есть свидетельства частные, не задокументированные, просто люди об этом сообщали, что кто-то видел в кабинете Ленина как раз то, о чем вы и говорите (заспиртованные головы членов императорской семьи.— М.Л.). Такая традиция есть. И властители нередко требуют голову своего врага для того, чтобы, так сказать, самим убедиться в его смерти».

На момент написания статьи вопрос о том, кто же похоронен в Екатерининском приделе — безвестные «екатеринбургские останки» или члены последней императорской семьи еще не решен окончательно. Однако, судя по произошедшим в 1994 и 2015 гг. вскрытиям могил в Петропавловском соборе, можно с определенностью сказать, что предварительному варварскому разграблению в годы советской власти они не подвергались.

Л. В. Семькина

ВОКРУГ ПЛОЩАДИ СТАРОГО ТЕАТРА
(К ИСТОРИИ ЧАСТНОВАЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКИ
КАМЕННОГО ОСТРОВА)

От исторической застройки этой части острова до наших дней подлинными дошли только каменные части строений двух дач — это дачи М. Э. Клейнмихель и А. А. Соловейчик. Исчезли не только деревянные дачи, окружавшие площадь в 1917 г., но и две аллеи, ведущие к театру, — Театральная и Полевая.

Обе упомянутых дачи реконструированы, частично воссозданы. Обе признаны объектами культурного наследия. Однако, если атрибуция дачи Соловейчик не вызывает никаких сомнений, поскольку сохранились авторские чертежи, и застраивался участок практически однократно*, то в отношении дачи Клейнмихель сведения противоречивы, а учетные данные не находят подтверждения в архивных документах. Для удобства изложения мы приводим фрагменты схем из градостроительного исследования, составленных в 1996 г. институтом Леноблпроект. В целом они соответствуют архивным документам, однако имеется значимая ошибка, которая привела исследователей к необоснованным выводам в отношении атрибуции дачи Клейнмихель, о чем будет сказано ниже.

История застройки участка на берегу Крестовки в XIX в. известна в подробностях. Береговой участок был пожалован великим князем Михаилом Павловичем актеру Альфонсу Женьесу в вечное и потомственное владение в апреле 1834 г.** Тогда площадь участка составляла 720 кв. сажен «и к оному месту особый островок против Театра, имеющий 48 кв. саж, а всего 768 кв. саж.». К осени дача и службы были построены по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера. Первоначальные проектные чертежи опубликованы***. Строение было деревянным, ордер применен ионический, а главный фасад был обращен к Елагину остро-

* Витязева В. А. Каменный остров. М.; СПб., 2007. С. 289–290.

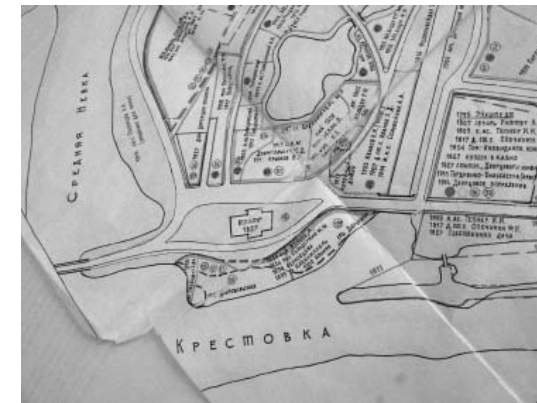
** РГИА. Ф. 548. Оп. 1. Д. 447.

*** Витязева В. А. Каменный остров. Л., 1991. С. 289–290.

Застройка на 1917 г.
Фрагмент схемы,
подготовленной
институтом
Леноблпроект. 1996 г.

Дачевладельцы.
Фрагмент схемы,
подготовленной
институтом
Леноблпроект. 1996 г.

ву. Часть дачи Женьеса можно видеть на известной литографии М. Иванова в правой части изображения*.

В октябре 1836 г. Женьес с разрешения владельцев острова продал свое имущество, и следующие 38 лет участком владели два поколения семейства Кельдерманов**. Вследствие сломки в 1853 г. строений Кофейного дома заведение переместилось на дачу Кельдермана***. Значительных строительных работ владельцы

* Витязева В. А. Каменный остров. М.; СПб., 2007. С. 197.

** РГИА. Ф. 548. Оп. 1. Д. 536 а. Л. 91–99.

*** РГИА. Ф. 548. Оп. 1. Д. 1009; РГИА. Ф. 548. Оп. 1. Д. 1183.

участка не вели. В 1857 г. «сгорел до основания флигель, в котором помещалась кухня и покои служащих, сарай и конюшни со всеми к оным принадлежностями», который и был в следующем году перестроен по проекту архитектора А. А. Юркевича*.

После очередного пожара титулярный советник Михаил Михайлович Кельдерман в апреле 1874 г. продал домовладение Надежде Акимовне Верховцевой, урожденной Серебряковой, жене классного художника ювелира С. Ф. Верховцева**. Благодаря усилиям прежних владельцев по «возвышению» берега, засыпке отмелей и присоединению островка, площадь участка выросла более чем вдвое. Впоследствии Верховцева многократно предпринимала попытки как узаконить этот излишек земли в 840 кв. саж., так и приобрести права на использовавшийся придворной конторой смежный участок, примыкающий к Средней Невке, но не преуспела***. В июне 1874 Верховцева просит разрешить постройку трех деревянных дач по проекту Е. А. Прейса****: одну — на существующем каменном фундаменте дачи Женьеса-Кельдермана, вторую перестроить из служб и, наконец, третью, — выстроить вновь с основания. Проект был осуществлен полностью. Самая большая из этих трех дач в перестроенном виде сейчас располагается против театра.

По проекту того же архитектора здесь в 1880 г. были осуществлены незначительные надстройки и пристройки к службам. В дальнейшем строительные работы на участке осуществлялись по проектам А. Г. Трамбицкого. В частности, в 1890 г. по его проекту к большой даче был пристроен одноэтажный объем с восьмиугольным помещением.

Н. А. Верховцева — редчайший случай на Каменном острове — после постройки дач заложила имущество в Санкт-Петербургском городском кредитном обществе в 1876 г. Участок использовался владелицей в коммерческих целях — для сдачи в аренду на лето^{5*}. Землю кредитное общество оценило из расчета 15 руб. за кв. саж., причем только «документную», т. е. 748 кв.

* РГИА. Ф. 548. Оп. 1. Д. 1297.

** РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 143.

*** РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 243.

**** РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 143; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 83. Д. 353.

^{5*} ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4175.

саж. Весь документооборот по делам с кредитным обществом вел отец Верховцевой, купец А. М. Серебряков, владевший собственной дачей на Каменном острове по адресу наб. Малой Невки, 5.

В 1893 г. Н. А. Верховцева домовладение на берегу Крестовки продала вдове генерал-майора графине Марии Эдуардовне Клейнмихель, урожденной графине Келлер*. Сумма сделки — 26 тыс. руб. серебром**. Графиня сразу же подает документы на перестройку дачи и служб по проекту техника В. Н. Клагеса***. Исправленный по указанию К. Е. Прейса проект был реализован (с 1889 г. со стороны придворной конторы за строительными работами на Каменном острове наблюдал сын Е. А. Прейса архитектор К. Е. Прейс — до своей кончины в 1903 г.). При перестройке внутренняя планировка дачи не претерпела существенных изменений.

Одновременно Клейнмихель, как и предыдущие владельцы участка, предпринимает попытку закрепить за собой право на возникший из-за присоединения островка и выравнивания берега излишек земли****. Однако ее усилия увенчались лишь полученным весной следующего года разрешением владелицы острова на «предоставление в арендное содержание на 12 лет» участка дворцовой земли, «выходящего полукругом на устье речки Крестовки и реки Средней Невки у 1-го Елагинского моста в количестве 108 квадратных сажений». В мае того же 1894 г. К. Е. Прейс зафиксировал, что во дворе графини Клейнмихель начаты новые самовольные постройки^{5*}: крытый кегельбан и кладовая. Однако строения, возведенные с нарушением требований Строительного устава, уничтожены не были.

В 1894 г. вследствие смерти владелицы Каменного острова великой княгини Екатерины Михайловны прекратились ежегодные выплаты из казны на содержание дорог и мостов на острове. По ходатайству наследников им было разрешено отдавать участки для постройки домов и дач в долгосрочную аренду сроком до 90 лет^{6*}, при условии сохранения за Каменным островом

* РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 143.

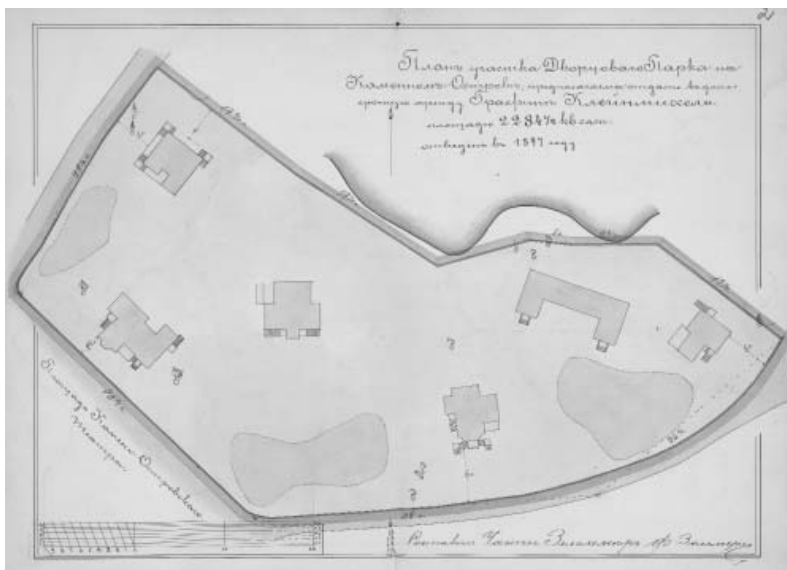
** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 83. Д. 353.

*** РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 143.

**** РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 482.

^{5*} РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 411.

^{6*} РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 1261.

Ф. М. Эппингер. Фиксационный план участка М. Э. Клейнмихель (северная сторона площади). 1897 г.

характера парка. План распределения части Каменного острова на участки был высочайше утвержден 26 августа 1897 г.

22 ноября 1897 г. графиня Клейнмихель заключает договор аренды на 90 лет участка дворцового парка на северной стороне площади*, расположенного между будущими Театральной и Полевой аллеями. На ее участке площадью 2284,5 кв.саж. было разрешено построить пять дач и службы по проекту инженера Ф. М. Эппингера**. Двух- и одноэтажные с мансардами дачи были запроектированы в едином стиле. В мае 1898 г. К. Е. Прейс рапортовал об осуществлении проекта: «все проектированные дачи и службы построены, но не согласно с представленными чертежами; все здания построены на каменных столбах — а не сплошных фундаментах, как это требуется Уставом Строительным по Ст.367 примеч.1 по продолжению от 1876 г.»***.

* РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467.

** РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1101.

*** РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467.

Таким образом, к концу XIX в. графине Клейнмихель принадлежали участки почти по всему периметру площади: часть — на праве собственности, часть — в долгосрочной и краткосрочной аренде. На них располагались 8 деревянных дач. Не случайно Городской Думой даже рассматривался вопрос о присвоении одной из аллей, ведущих к площади, наименования «Клейнмихельской». Впоследствии семь дач она продала, оставив себе одну.

10 октября 1902 г. император «соизволил на исключение Каменного острова из числа дворцовых имуществ», с подчинением этой местности ведению городского общественного самоуправления «во всех отношениях», при том условии, чтобы все земли, занятые под места общего пользования (улицы, тротуары, каналы, мосты, бечевники и т. п.) были предоставлены в собственность города, к которому переходило и наблюдение за строительной частью*. Для предотвращения тотальной застройки острова и сохранения за ним характера парка были установлены следующие требования: до принятия земель в ведение города по акту 23 февраля 1903 г. застройка производилась «с Высочайшего соизволения», а после 1903 г.: участки частных собственников — с разрешения городских властей, а арендаторов — предварительно с «соизволения Их Высочеств», а затем — Городской управой. Принято считать, что процесс передачи Каменного острова в ведение города завершился в 1912 г.

Арендованный графиней Клейнмихель участок на северной стороне площади постепенно был разделен на четыре части, права на которые переуступались новым владельцам. В 1903 г. первым одну из дач приобрел дворянин коллежский асессор А. П. Голицинский**, вскоре дача была расширена и выстроены службы по проекту архитектора Ю. Ф. Стравинского***.

В 1905 г. самую маленькую дальнюю дачу купил архитектор Р. Ф. Мельцер, который еще в 1904 г. построил себе дачу поблизости****.

В том же году графиня Клейнмихель передала права на аренду участка площадью 799 кв.саж. со всеми на нем постройками

* РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 1261.

** РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 522.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8876.

**** РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 507, 528; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8880.

Ф. М. Эппингер. Фасад дачи
М. Э. Клейнмихель (позже —
Л. Чинизелли). 1897 г.

Люции Чинизелли (по документу — Лицци, Lizzi Ciniselli), жене итальянского подданного директора цирка Чипионе Чинизелли*. В границы участка вошли одна из дач и службы, выстроенные в 1898 г. по проекту Ф. М. Эппингера. Фасад дачи Чинизелли напоминает зеркальное отражение левого флигеля дачи Клейнмихель на южной стороне площади. Далее мы увидим, что сходство не случайно. В 1909 г. Чинизелли перестраивает дачу и увеличивает ее одноэтажными пристройками по проекту архитектора Ф. Ф. Постельса**, а в 1916 г. продает постройки купцу И. Я. Погорельскому***. В том же году по проекту М. И. Рославлева здесь строится птичник****.

Чинизелли не случайно прибегла к услугам Постельса:

архитектор стал ее соседом. Постельс обратился в контору с прошением сдать ему в аренду на 90 лет участок «близ театральных дач» в конце 1907 г.^{5*}, а в апреле следующего был согласован составленный самим арендатором проект постройки двух деревянных дач и служб. Однако уже в июле 1908 года Постельс изменил проект, значительно расширив и усложнив композиционное решение «дальней» одноэтажной с мансардой постройки.

* РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 531.

** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8898.

*** РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 531.

**** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8898.

^{5*} РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 537.

Задуманная первоначально двухэтажная дача с трехэтажной башней-белведером с высоким шпилем на площади так и не была построена. Возможно, это обусловлено тем, что Постельс «продал» проект в несколько измененном виде, но с идентичной башней коллежскому асессору С. В. Чудинову, который планировал ее построить на участке под № Н (между участками Голицинского и Шене). Подписанные Постельсом чертежи сохранились*. Однако, по-видимому, эта дача так и не была выстроена. На своем участке Постельс с надлежащего разрешения в 1912 г. пристроил каменную часть к особняку и перестроил в камне службы. Впоследствии дачу Постельса прозвали «Золотой рыбкой». В апреле 1917 г. Постельс подал в контору заявление о желании передать право аренды рижскому мещанину Э. И. Петцгольцу. Сохранилось сообщение о согласии конторы и направлении дела нотариусу.

Права на последний, четвертый фрагмент участка, арендованного графиней Клейнмихель в 1897 г., расположенный между владениями Голицинского и Чинизелли, были переданы жене коллежского советника Евгении Даниловне Добровольской в 1911 г.** По проекту Ф. М. Эппингера на этом участке были построены две дачи. Ближайшая к площади дача была перестроена графиней в 1909 г. по проекту И. А. Претро***. Осенью 1911 г. Добровольская подает прошение о разрешении построить деревянный двухэтажный особняк со службами, а существующие ветхие постройки снести. Проект составил гражданский инженер К. К. Мейбом****. Проект был осуществлен^{5*}.

По договору от 24 мая 1914 г. Добровольская передала все свои права и обязанности надворному советнику, издателю и редактору журнала «Столица и усадьба» Владимиру Пименовичу Крымову^{6*}, которому пришлось в 1916 г. отстаивать свои права на аренду в суде, поскольку Добровольская чинила ему

* РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 541. Л. 4–6.

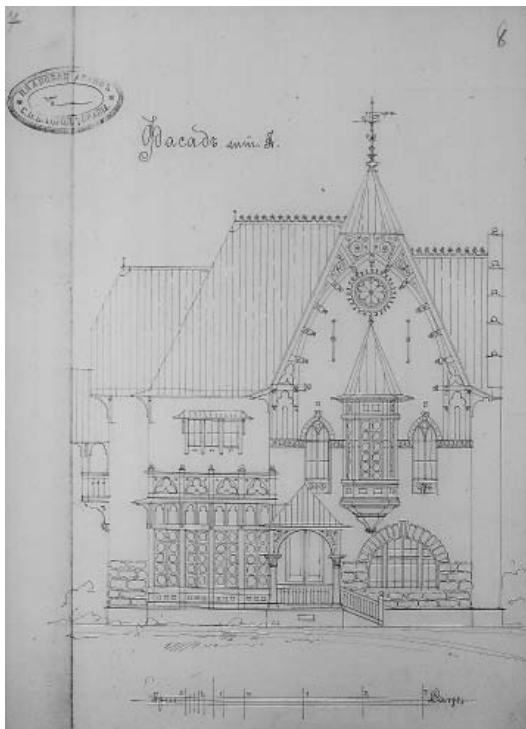
** РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467.

*** РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467. Л. 34; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8897.

**** РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 467. Л. 39; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8897.

^{5*} РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1099.

^{6*} РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467.

К. К. Мейбом.
Фасад дачи
Е. Д. Добровольской
(позже —
В. П. Крымова). 1911 г.

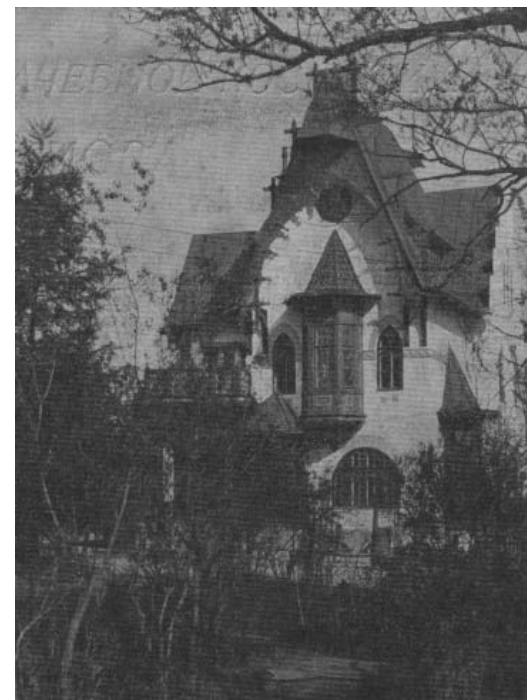
неприятности, «утверждая, что аренда до сих пор принадлежит ей». Возможно, в связи с этой тяжбой Крымов разместил в журнале изображение своей дачи, где размещалась редакция*. Это единственное фотографическое изображение деревянной дачи на северной стороне площади, которое удалось обнаружить.

Контракт на аренду сроком на 90 лет с 1 июня 1907 г. участка дворцового парка площадью 1580 кв. саж., примыкающего к Большому каналу, был заключен с инженером путей сообщения А. Д. Ивановым**. Однако планируемая постройка дачи со службами так и не состоялась, владелец участка скончался в 1911 г. В июле 1914 г. вдова инженера передала право аренды жене канди-

* Столица и усадьба. 1916. № 68. С. 1.

** РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 528.

Дача
Е. Д. Добровольской
(В. П. Крымова).
Гражд. инж.
К. К. Мейбом. 1911 г.
Фотография 1916 г.

дата права коммерческого секретаря А. А. Соловейчик. В сентябре того же года была разрешена постройка каменной двухэтажной дачи-особняка с одноэтажной пристройкой для гаража по проекту Е. Ф. Эделя*. Постройка сохранилась в реконструированном виде.

В апреле 1900 г. на береговой даче Клейнмихель сторели службы и кегельбан**. Поручая подготовку проекта возобновления служб К. Е. Прейсу, графиня одновременно инициирует разделение берегового участка на две части и укрепление набережной реки Крестовки новым рядом столбов.

План на разделение дворового места на два участка был утвержден 27 июля 1900 г.***. Пресловутый излишек земли в 840 кв.

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8884.

** РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 83. Д. 353.

саж. так и не был разделен между сформированными участками, так как «нельзя сделать заключения, какая часть из этой излишней земли причтется на каждый из участков». Его посчитали «общим имуществом».

Обратимся к судьбе выделенного участка № 1, получившего полицейский номер 24А. Графиня в этой части своего дворового места никаких перестроек не производила, а летом 1900 г. продала этот участок с постройками жене коллежского секретаря Юлии Владимировне Ильиной. Проект перестройки дачи составил гражданский инженер Б. Ф. Гуслистый*. Предусматривались: снос одного из строений, постройка служб, дворницкой, беседки и перестройка жилого дома. Владелица переориентировала парадный фасад своей дачи в сторону слияния Крестовки с каналом, для освобождения вида на реку и были снесены ранее существовавшие службы. Проект был осуществлен.

Следующей владелицей участка № 1 стала известная своей благотворительностью «бракоразведенная жена» дворянина Ираида Васильевна Добрынина, дочь спичечного фабриканта В. А. Лапшина**. Купчую совершили 11 апреля 1906 г., обошлась покупка в 44 тыс. руб. Спустя две недели И. В. Добрынина обращается в городскую управу с просьбой выдать ей план ее дворового места и «вместе с тем уничтожить линию бечевника, имеющуюся на плане 27 июля 1900 г., так как река Крестовка никогда не была судоходна и сплавная и все соседние участки застроены как городские». Однако бечевник был сохранен. Городской юрисконсульт дал следующее заключение: «при переходе Каменного Острова в ведение города СПб /10 октября 1902 г./ бечевник уже существовал и в настоящее время согласно Высочайшего повеления служит местом общего пользования, оставаясь собственностью города»***.

Очевидно, госпожа Добрынина пожелала «уничтожить» на плане линию бечевника из-за того, что у нее возникли проблемы с согласованием проекта конюшни на 8 стойл. Городская управа все же постройку разрешила 26 июня 1906 г.****, но с дополнитель-

* РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 506.

** Известия Городской Думы. 1913. Т. 12. С. 2691–2694; Т. 33. С. 514–516; Т. 39. С. 5.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 88. Д. 131.

**** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8891.

ными условиями: «1) чтобы конюшня была устроена согласно санитарным требованиям и 2) чтобы в случае проведения бечевника по берегу р. Крестовки, означенная конюшня была уничтожена за собственный счет владелицы, по первому требованию управы, согласно представленной Г-жой Добрыниной подписки». Добрынина владела участком до 1917 г., и, по-видимому, более ничего не строила.

Выделенный в 1900 г. участок № 2 с полицейским номером 24 — это и есть территория существующей дачи графини Клейнмихель. Все литературные источники свидетельствуют о том, что графиня использовала дачу для сезонного пребывания в ней до предоставления ее под госпиталь во время Первой мировой войны. В 1917 г. графиня купила дачу В. Ф. Фомана на 1-й Березовой аллее, 21*.

Упомянутый выше проект К. Е. Прейса на постройку «флигеля с жилыми помещениями прислуги, конюшнями и экипажными сараями..., дворницкой... и спуска с плотом для добывания воды» был согласован в июле 1900 г.**, на плане «сгоревшая часть обозначены серою краскою, предполагаемая вновь — желтою»***. Проект Прейса был осуществлен, а дворницкая, воссозданная из не аутентичных материалов в 2006 г., располагается и сейчас на историческом месте.

Дальнейшая строительная история участка документирована фотографиями, историческими открытками, но подписанные авторские чертежи до сих пор не выявлены. Однако архивы сохранили их следы.

Фотодокументы свидетельствуют о том, что дальнейшая перестройка здания дачи осуществлялась в два этапа. На первом этапе были построены левый лицевой деревянный флигель и каменный вестибюль, а на втором — правая от вестибюля часть дачи перестроена в камне и построен береговой флигель.

В архиве**** имеется ходатайство управляющего графини от 30 октября 1900 г. о постройке на участке № 24 жилого флигеля, к которому были приложены чертежи. Однако планы были

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8922.

** РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467. Л. 18.

*** РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1101.

**** РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467. Л. 21–23.

Общий вид на дачу М. Э. Клейнмихель. Датировка не уточнена

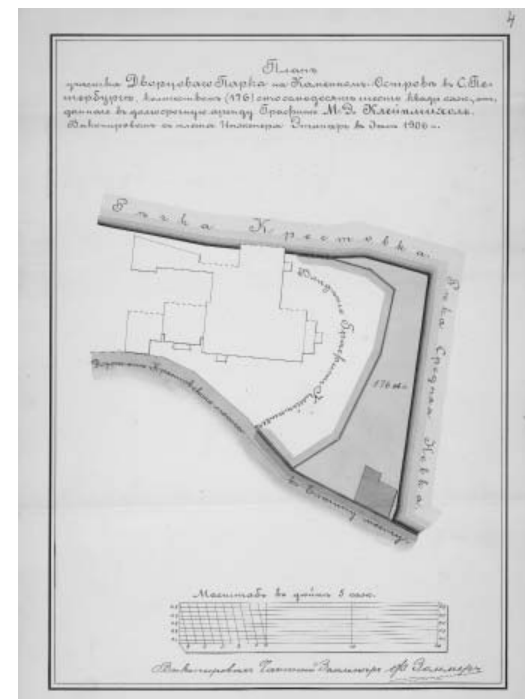
возвращены без утверждения, со ссылкой на отзыв К. Е. Прейса от 17 февраля 1901 г. на проект «новой пристройки к существующему деревянному дому», указавшего, что «согласно ст. 367 Уст. Стр...: в строениях, имеющих над первым этажом другое деревянное жилое помещение, должно быть не менее двух лестниц». Продолжение этого сюжета в деле отсутствует, имеются только документы об удовлетворении весной 1901 г. очередного прошения об укреплении набережной Крестовки путем забивки нового ряда свай*. Однако, с разрешения ли, или без разрешения, двухэтажный деревянный флигель был построен. Одновременно был выстроен существующий до сих пор эффектный каменный вестибюль с изображением герба Клейнмихелей.

В архиве сохранилась единственная фотография, имеющая точную датировку — 1903 г.** с изображением панорамного вида на устье Крестовки. Несколько фотографий из упомянутого архива с не уточненной датировкой представляют нам дачу до

* РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 467. Л. 24–25.

** ЦГАКФФД. Д 11418.

Чертеж части участка
М. Э. Клейнмихель.
Выкопировка. 1906 г.

перестройки правой от вестибюля части в камне*. Невысокая кованая ограда на цоколе, плавно изгибаясь, ведет к парадному подъезду. Очевидно, что эта ограда, отделяющая парадную часть дачи с садом, была спроектирована автором перестройки дачи. По-видимому, после постройки левого деревянного флигеля, лицевой фасад правого флигеля был обработан «под фахверк».

Обратимся к плану части участка, составленному землемером Ф. Зоммером в 1906 г.** План составлялся в связи с рассмотрением вопроса об аренде участка, выходящего к Средней Невке, поскольку как раз истекло 12 лет с 1894 г. Из плана следует, что: 1) срок аренды был продлен, 2) конфигурация в плане левого лицевого флигеля и вестибюля соответствуют фотографиям, упомянутым

* ЦГАКФФД. Е 5237, Е 5235.

** РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1101. Л. 4.

Фрагмент плана
Каменного острова.
Съемка землемера
М. Николаева. 1903 г.

выше. В распоряжении Зоммера мог быть, разумеется, только проектный чертеж. Наиболее важным для нас является указание в заголовке чертежа, что он «выкопирован с плана инженера Эппингер». Если вспомнить, что в 1898 г. Ф. М. Эппингером для графини Клейнмихель были построены пять дач на противоположной стороне площади, то представляется вполне логичным, что она обратилась к тому же архитектору при возникновении необходимости построить флигель в 1900 г. на месте, возможно пострадавшем от упоминавшегося выше пожара.

В период передачи Каменного острова под городское управление (с 1902 по 1912 г.) многократно составлялись планы острова для различных структур управы и Городской думы. Планы составлялись в целях инвентаризации имущества, переходящего в собственность города, т. е. мест общего пользования, переименования проездов, изменения береговой линии и т. д. В свое вре-

мя управа выражала неудовлетворение содержанием этих планов и карт ввиду неполноты информации*. Например, на печатном плане, изданном в 1908 г. по состоянию на 1907 г., показывающем изменения урегулирования по высочайшим повелениям с 1880 по 1907 г., застройка острова отражена фрагментарно**. С учетом необходимости критического отношения к содержанию этих планов, они несомненно могут служить дополнительным источником информации об истории застройки острова.

В личном фонде известного коллекционера А. А. Савельева имеется план Каменного острова, на котором отражена застройка рассматриваемой нами территории***. Съемку производил «запасный» городской землемер М. Николаев в июне 1903 г. Здесь конфигурация участка Клейнмихель и контуры лицевого фасада дачи соответствуют фотоизображениям данного периода, следовательно, застройка отражена корректно. Следует признать этот план дачи Клейнмихель фиксационным.

Фотодокументы сохранили для нас облик дачи после следующей перестройки****. На всех изображениях правый флигель — каменный, а перед парадным входом — вынесенная полукругом к площади более высокая пышно декорированная ограда с воротами, расположенная между четырьмя каменными столбами. На фотографиях видно, что основное ограждение было продлено до дворницкой, перед которой были устроены еще одни ворота между двумя каменными столбами.

В архивном деле^{5*} на 28 листах развернута драматическая история рассмотрения Городской управой ходатайства И. А. Претро о постройке «части особняка» на дворовом участке графини. С первыми ходатайствами Претро обратился 2 сентября 1908 г. от своего имени. Управа разрешила только установку строительного забора, постройка же «каменной двухэтажной дачи» не была дозволена, хотя «с технической стороны проект составлен

* Известия Городской Думы. 1912. Т. 31. С. 442–448.

** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 169. Д. 277.

*** ЦГИА СПб. Ф. 2188. Оп. 1. Д. 90. Л. 20.

**** Марков В. О. Петербургская сторона: История Петроградского района на старых фотографиях, документах и почтовых карточках. СПб., 2016. № 597, 598.

^{5*} ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 136. Д. 172.

Почтовая карточка. Дача М. Э. Клейнмихель. Датировка не уточнена

правильно», но «большая часть постройки проектируется на бечевнике реки Крестовки», что нарушало требование ст. 359 Устава Путьей Сообщения. Второй раз Претро обращается в управу в октябре «по поручению» графини, прося разрешить постройку условно и прилагая подписку главноуправляющего графини в том, что «постройка будет снесена безвозмездно по первому требованию Управы». К делу были привлечены юрисконсульт и арендное отделение управы, рассматривавшие даже вопрос возможности «потребовать от Графини Клейнмихель заключения арендного договора на занятие бечевника проектируемой постройкой» во избежание «требований каких-либо убытков от принудительного сноса построек». Но и вторичное ходатайство Претро было отклонено. В третий раз Претро обратился в управу 28 ноября 1908 г. уже как поверенный самой графини с приложением доверенности и ее нотариально заверенной подписки о безвозмездном сносе, но вновь получил отказ.

Прошение архитектора от 7 января 1909 г. о «пристройке каменной части к особняку» в очередной раз было отклонено в заседании 16 января, а 21 января «постройку каменной двухэтажной

дачи» управа вдруг разрешила. Надо полагать, графиня была вынуждена использовать личные связи для согласования постройки на участке, который находился в ее частной собственности.

Известно, что чертежи были на 14 форматах. Запись об этом утвержденном плане имеется в «Регистрационной книге владельцев недвижимых имуществ в Петербурге, получивших разрешение на производство строительных работ»*, но сами чертежи не выявлены. При просмотре аналогичных книг за 1908–1917 гг. иных планов, относящихся к рассматриваемому участку, не обнаружено**.

Нами были просмотрены все «Ведомости ходатайств о постройках, поступившим в СПб Городскую управу», опубликованные в журнале «Зодчий», с 1903 по 1917 год. Никаких иных ходатайств в отношении строительства на участке Клейнмихель по набережной Крестовки, кроме ходатайств Претро, опубликованных в № 39 за 1908 год и № 3 за 1909 г., не обнаружено.

Из сопоставления планов разных лет следует, что береговая деревянная часть дачи также была перестроена. На фотографии 1925 г., выявленной архитектором Р. М. Даяновым***, разработавшим рабочий проект восстановления дачи в 2001 г., виден береговой фасад дачи: одноэтажный объем со стеклянным фонарем в кровле, двухэтажный корпус дачи с двумя ризалитами по краям, завершенными треугольными фронтонами. Конфигурация берегового фасада дачи на 1925 г. полностью соответствует плану 1-го этажа 1950-х гг. и отличается от плана 1903 г. Известно, что в начале 1940-х гг. на даче была произведена внутренняя перепланировка для размещения здесь жилья. Внешний облик здания не изменялся, за исключением утраты башни, сбитой взрывной волной во время Великой Отечественной войны. На плане 1-го этажа 1950-х гг. хорошо видно, какая часть здания была каменной.

По проектам Претро для графини Клейнмихель в том же 1909 г. была перестроена дача на другой стороне площади Старого театра, позднее перешедшая к Е. Д. Добровольской (см. выше), а несколько позже построены два дворовых 6-этажных флигеля: на ее участке по адресу Каменноостровский пр., 24-а и на участке ее

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 173. Д. 205. Л. 13.

** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 173. Д. 204; Ф. 513. Оп. 173. Д. 206.

*** ЦГАКФФД. Гр 48056.

малолетнего внука князя Лопухина по адресу Саперный пер., 6*.

Н. В. Башинская и Г. В. Семенова, составившие в 1998 г. паспорт объекта культурного наследия «Дача М. Э. Клейнмихель. Главный дом, служебный флигель, ограда» с великолепным архитектурным описанием дачи, опираясь на полицейский номер участка, ошибочно полагали, что дача на берегу Крестовки была в 1911 г. приобретена Е. Д. Добровольской (Рис. 1), Они безосновательно приписали авторство проекта каменной дачи и ограды К. К. Мейбому, который только в 1911 г. окончил Институт гражданских инженеров, и, как мы показали выше, построил дачу для Добровольской на противоположной стороне площади.

Полагаем, что приведенных здесь оснований достаточно, чтобы признать, что автором проекта последней дореволюционной перестройки дачи графини Клейнмихель на берегу Крестовки является И. А. Претро.

Ипполит Александрович был расстрелян в 1937 г., впоследствии реабилитирован. Архив мастера не сохранился. Автор просит рассматривать данную публикацию как элемент творческой реабилитации художника-архитектора И. А. Претро.

А. П. Векшин

ДЕТСКОСЕЛЬСКИЕ ПАРКИ ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ АГРОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕРИОД 1918–1922 ГОДОВ

РЕШЕНИЕМ Народного Комиссариата Имуществ Республики 27 апреля 1918 г. были переданы в пользование Петроградскому Агрономическому институту Царскосельская ферма со всеми постройками и имуществом, прилегающие к ней пахотные земли, а также дворцовые парки с находящимися в них хозяйственными угодьями: пруды, оранжереи, садово-школьные заведения с питомниками и ряд зданий. Указанным актом впервые устанавливается и существование Петроградского Агрономического института, предшественника Ленинградского Сельскохозяйственного института, современного Санкт-Петербургского аграрного университета*.

Сверх того под учебные помещения институту отдали Федоровский городок — оригинальный комплекс стилизованных под русскую старину XVI–XVII вв. зданий Трапезной, Белокаменной палаты, Розового и Желтого павильонов, здание Офицерского собрания (в 1967 г. оно было взорвано и разобрано)**. Институт достроил здание Казачьих сотен (казармы)***. Институту передали и бывшую Ратную палату, а также постройки бывшего Конвоя, Сводного и Железнодорожного полков, принадлежавшие бывшему Дворцовому ведомству и Военному комиссариату****. Эти здания были приспособлены под жилье профессорско-преподавательского состава института. По воспоминаниям одного из преподавателей института, который жил до 1941 г. в здании бывшего Офицерского

* Журнал Петроградского Агрономического института. Пг., 1919. № 1. С. 276.

** Миропольская Р. А. Здание офицерского собрания в Царском Селе // Памятники истории и культуры Петербурга: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 139.

*** Санкт-Петербургский государственный аграрный университет и становление сельскохозяйственного образования: документальная история. СПб., 1994. С. 81, 82.

**** Там же. С. 106.

* РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 243.

Здание б. Офицерского флигеля Конвоя на Академическом пр. д. 11-а. 1960 гг. Архив Литературно-исторического музея г. Пушкина. Публикуется впервые.

флигеля Конвоя (Академический пр., 11-а), фасад этого здания выходил на Дворцовую (Васенко) ул., а адрес указывался по Академическому пр., параллельному Дворцовой. Внутри здания была коридорная система: этаж разделен длинным коридором, по бокам которого располагались отдельные комнаты по типу квартир, каждую из которых занимала одна семья. Кухня и другие удобства были коммунальными на каждом этаже. Это двухэтажное деревянное здание стояло рядом со зданием Офицерского собрания. Оно сохранилось после войны, использовалось институтом по тому же назначению. Было снесено в 1972 г.

Петроградский агрономический институт имел свои отделения в Слуцке (Павловске) и Ропше. Плодоовощной институт (одно из подразделений Агрономического института) размещался в правом крыле Павловского дворца (1931 г.). Учебные занятия проводить в дворцовых помещениях было крайне неудобно.

Учебно-производственной базы институт не имел. Практику приходилось проводить в совхозе «Детскосельский»*.

После передачи парков в ведение Агрономического института возникли проблемы с охраной, уходом и содержанием парков. Архивные документы красноречиво говорят о тех проблемах, которые возникали ежедневно. Уход за парками был осложнен еще и тем обстоятельством, что работы по уходу за насаждениями, газонами и дорожной сетью долгие годы не проводились даже при «венценосных владельцах». В докладной записке от 28.03.1919 г. в Совет Агрономического института профессор, известный знаток паркового дела В. Я. Курбатов писал: «...для наблюдения за садовыми работами в садах и парках Отделом Имуществ Республики учрежден Садово-Парковый Отдел. Задолго до учреждения этого отдела объявленные парки, в том числе и Детскосельский, были осмотрены как мною, так и членами Садовой Комиссии, состоящей из старейших садоводов С. Х. Прейса, Б. И. Мельникова и В. И. Доманского. В конце лета осмотры были повторены с участием проф. Агрономического Института С. М. Вислоух. При осмотре Детскосельских парков было выяснено, что благодаря полного отсутствия ухода за древонасаждениями согласно требованиям со стороны последних двух императоров, не допуская не только удаления целых деревьев, но даже удаления самосева, парки образовались в простые заросли и утратили часто даже следы былых художественных замыслов... Ввиду этого были назначены следующие необходимые работы по приведению парков в надлежащий вид: а). Удаление деревьев сухих, сильно искривленных или угрожающих падением, а так же вывоз уже спеленных; б). Очистка Собственного сада Екатерининского дворца от самосева; в). Очистка группы деревьев, выросших на месте бывшего цветника и т. д. ... Следует помнить, что липы Екатерининского парка благодаря неправильности посадки и отсутствию ухода приобрели совершенно случайную форму и неправильное расположение и исказили всю разбивку парка так, что едва ли кто знает о существовании лабиринта около Грота.

В заключение не могу не указать, что, гоняясь за поэзией руины и зарослями, мы можем лишиться прекрасных

* Санкт-Петербургский государственный аграрный университет... С. 90.

художественных замыслов, как получилось это при засадке хвойными деревьями 4-го уступа. При разрастании деревьев на Парнасе не видно ни Парнаса, ни деревьев на нем, а из-за сырости там гулять нельзя.

Таким образом, надо освободиться от предрассудков Императорской эпохи и начать осторожно переработку старых парков, пользуясь как старыми изображениями, так и существующими на месте следами, которые, к сожалению, мало кто знает. Заведующий отделом В. Курбатов*.

Мы не согласны с выводами В. Я. Курбатова о том, что работа в парке не велась. На совещании «об улучшении парков» решались способы осушения Александровского парка (1912 г.). Обследование парков в 1913 г. выявило наличие короедов. Всего больных и мертвых деревьев в Александровском, Екатерининском и Баболовском парках было выявлено 3276. В 1913–1917 гг. вырубали 1572 ствола. Проводились работы по устройству птичьих гнезд, посадке ягодных кустарников у мест гнездования и отстрелу хищников. Неоднократно деревья парков валили сильные ветры. Буря 17 апреля 1914 г. привела к гибели более 6000 деревьев**. К работам по расчистке парков привлекали солдат.

О мерах, предпринимавшихся по сохранению старого наследия в пригороде Петрограда — Ропше, говорит приказ по 6-й стрелковой дивизии от 08.11.1919 г., запрещающий хищение имущества и вырубку деревьев в «Ропшинском имении», переданном Агрономическому институту, а именно: «...категорически воспрещая всем войсковым частям разрушать здание бывшего дворца в Ропше, рубить деревья в парке, уносить или увозить что-либо из мебели, картин и другого имущества, находящегося в здании дворца и числящегося по описи в книгах»***.

В Китайской деревне Александровского парка был открыт Дом отдыха больных и раненых красноармейцев. Президиум Агрономического института направил депутацию в Петрогубсовет с требованием оказать содействие институту и обращение в Губвоенкомиссариат с просьбой об удалении из

* ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 2. Л. 33 об.

** РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1672. Л. 1–3.

*** ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2195. Л. 47. Цит. по: Санкт-Петербургский аграрный университет. С. 110.

А. А. Юнгер. Вечное искусство. Рисунок из журнала «Пушка». 1927 г.

Китайской деревни красноармейцев и констатировал, что «расселенные в Китайской деревне красноармейцы привели совершенно в антисанитарное состояние здание дворца и прилегающие к нему строения, что в парках производится сплошное уничтожение ценнейших пород. 23 марта 1921 г.»*. Отметим, что еще в мае 1917 г. в Китайской деревне был Приют солдатских детей, а в левом и правом полуциркуле Екатерининского дворца жили дворники и рабочие**.

Фасады Екатерининского дворца тоже пострадали. Об этом красноречиво рассказывает карикатура художника А. Юнгера в еженедельном журнале сатиры и юмора «Пушка» за 1927 г. Рисунок напечатан под заголовком «Вечное искусство» и изображает фасад Екатерининского дворца со стороны плаца. На первом плане два обывателя комментируют: «Хорошо работали старые мастера: только что упала кому-то на голову скульптура с дворца и, представьте, не разбилась»***. На втором плане справа толпа «энтузиастов» бьет железными прутами по лепнине фасада дворца.

Далее мы публикуем фрагменты документов из жизни Детскосельских парков за 1919–1920 гг. Разрешив поначалу «удить

* Там же. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2348. Л. 147–147 об. Цит. по: Санкт-Петербургский аграрный университет. С. 123.

** ЦГА СПб. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1356. Л. 58.

*** Пушка. 1927. № 38. С. 7 (Изд. Красная газета).

Памятная фотография посетителей Детскосельских парков. 1920-е — начало 1930-х гг. Архив автора. Публикуется впервые

во всех озерах парков»* уже 8 мая 1919 г. «ловить рыбу запретили»**. «Дворник Смирнов, проживающий в Здании Слона, продал имущество, обслуживающее слона»***. Посетители «ломают ветки туи, которые с трудом растут у Александровского дворца. Дети производят невозможные бесчинства на глазах у руководительниц»****. Просьба: «вооружить охрану ружьями, так как без этого публика не признает никаких доводов»^{5*}. Рассматривался вопрос о введении ночных пропусков^{6*}. «Сторож Емельянов, проживающий в здании Фазанника в Александровском парке, режет сирень для продажи посетителям парка»^{7*}. «19.06.1919 сгорел деревянный памятник на братской могиле павшим револю-

* ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

** Там же. Л. 44.

*** Там же. Л. 30.

**** Там же. Л. 40.

^{5*} Там же. Л. 63.

^{6*} Там же. Л. 64.

^{7*} Там же. Л. 68.

Памятная фотография посетителей Детскосельских парков. 1920-е — начало 1930-х гг. Архив автора. Публикуется впервые

ционерам в Александровском парке. Причина пока не установлена»*. «Просить В. И. Яковлева незамедлительно заготовить проект убранства братской могилы» (1920 г.)**. «Проживающие в здании Баболовского дворца дачники купаются в бассейне Таицкого водопровода, служащего для снабжения водой г. Детское Село»***. «Всё лучшее в парке (из растений) уничтожается. В Александровском и Екатерининском парках пасутся лошади, коровы» (1920 г.)****. «Возле четырехгранной пирамиды мраморные плиты, под которыми погребены любимые собачки Екатерины II Сир Том, Андерсон, Земира и Дюшес, две разбиты и сброшены в воду канала»; «Разбиты мраморные и повреждены бронзовые статуи Екатерининского парка» (из Акта № 175, составленного В. Яковлевым и А. Комеловым 11.06.1920 г.)^{5*}. Понимание значения художественной скульптуры в парках было в те годы «специфическим», судя по сохранившимся фотографиям, счи-

* Там же. Л. 70.

** ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 85. Л. 18.

*** ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.

**** Там же. Л. 125.

^{5*} Там же. Л. 165, 166.

Памятная фотография посетителей Детскосельских парков. 1920-е — начало 1930-х гг. Архив автора. Публикуется впервые

талось за правило фотографироваться на память не рядом с памятником, а на нем. На Новый год в парках рубили елки. «Садоводство и парники разрушаются», — писал в докладной записке от 8.09.1922 г. «Управляющий всеми сельскохозяйственными угодьями института» Ф. И. Вальт*. Со склада «сервизной кладовой» дворца искусств Агрономическому институту согласно описи были отпущены: «фарфор черный гербовый — 1000 шт., фаянс с голубым гербом — 2500 шт., хрусталь старо-мальцевский — 1800 предметов» (расписка от 27.06.1919 г.)**. Согласно «Акта описи хозяйственного инвентаря Управления Павловскими

Дворцами-музеями, переданного Управлению Петроградского Агрономического института в апреле 1920 г.» приложен обширный список мебели на пяти листах: «комоды красного дерева, шкафы платяные ясеневое дерева, шкаф орехового дерева, шкаф-буфет, шкафы книжные, стулья букового дерева венские и др. 20 сентября 1922 г. Управление дворцами просило „вернуть обратно Павловскому дворцу имущество, находящееся во временном пользовании Аграрного института»***.

Для подготовки специалистов с высшим образованием Агрономический институт обсуждал вопрос об открытии Садово-паркового факультета и о значении его для Царскосельских и Павловских садоводств. В «Записке в прези-

* ЦГА СПб. Ф. 4351. Оп. 1. Д. № 158. Л. 25.

** ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 63. Л. 4, 5.

*** Там же. Л. 46.

диум Детскосельского Агрономического института», составленной В. Я. Курбатовым в начале 1920 г., предлагалось организовать «высший садово-парковый Институт или Отделение Агрономического института и ввести курс: 1. Пейзажной разбивки парков, 2. Цветочного украшения садов, 3. Садово-парковой архитектуры, 4. Садово-паркового искусства, 5. Курс истории искусств» (1920 г.)*. Садово-парковый факультет должен был состоять из трех отделений: 1) парковое, 2) садовое, 3) огородное, и рассчитан был на три года для подготовки профильных специалистов (протокол от 10.05.1920 г.)**. 16 сентября 1920 г. был заслушан вопрос о выборах преподавателей специальных предметов для садово-паркового факультета. В. Я. Курбатов дал характеристику на всех кандидатов. По результатам баллотирования постановили: «Считать А. П. Остроумову-Лебедеву избранной преподавателем живописи, Л. А. Ильина — композиции, В. И. Яковлева — композиции, В. Н. Талепоровского — садово-парковой архитектуры, В. Я. Курбатова — преподавателем эстетики и истории искусств»***. Жена Владимира Яковлевича Курбатова — Варвара Захарьевна Курбатова ассистировала мужу при чтении лекций по истории садового искусства. По воспоминаниям художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой, она жила в эти годы на бывшей даче Котлера — Надворотная ул., № 4 в Слуцке. «Дача, в которой мы жили, считалась одной из лучших в Павловске. Она принадлежала Котлеру, который сдавал ее... Мы жили внизу, а наверху снимал квартиру наш друг В. Я. Курбатов с семьей»****. «В. Я. Курбатов, профессор химии Петроградского Агрономического института, 1878 года рождения, жена — В. З. Курбатова, сын — 7 лет, мать — Мария Александровна — 60 лет» 5*.

Новому факультету нужны были помещения. Вопрос в те годы решался просто, что видно из следующих документов. «Петроградский Агрономический Институт. Пг., Фонтанка, 6 (головное административное здание.— А. В.) 6 мая 1919 г.

* ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 1 об., 2.

** Там же. Л. 19.

*** ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2132. Л. 1.

**** Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки: в 3 т. Т. 3. М., 1974. С. 43.

5* ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2062. Л. 12, 15, 19.

Гражданину Илье Борисовичу Штейну. Осмотрев принадлежащие Вам в г. Слуцке по Садовой ул. 15 дачу вместе с прилегающими к ней двумя деревянными дачами — все принадлежащие Вам, — и, находя таковые помещения пригодными для нужд агрономического Института, последний сообщает Вам о том, что согласно личных с Вами переговоров таковые помещения вместе со всем находящимся в них инвентарем занимаются институтом, о чем одновременно с сим ставится в известность Финансово-технический подотдел г. Слуцка. Члены президиума. Зав/ канцелярией Детскосельскими отделениями Агрономического института»*. 17 августа 1921 г. Садово-парковый факультет был открыт**, а 16 августа 1922 г. В. Я. Курбатов, в записке от руки, сообщил «о фактическом закрытии факультета»***. В дальнейшем здесь располагались различные государственные учреждения, а в настоящее время — Детский центр дошкольного образования (так называемый Музыкальный дом Шостаковичей)****.

Материалы, представленные в данной статье, вводятся в научный оборот впервые. Они рассказывают о страницах истории знаменитых парков Пушкина, Павловска в те годы, когда эти парки входили в состав Петроградского Агрономического института (современного Санкт-Петербургского государственного аграрного университета) — в период трудной, противоречивой и в то же время динамичной жизни новой России.

* ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 30. Л. 148, 149.

** Там же. Д. 85. Л. 32.

*** Там же. Л. 34.

**** Лазаренкова Н. Музыкальный дом Шостаковичей // Городской калейдоскоп. 2015. № 6. С. 42–45.

О. М. Кормильцева

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ПРИГОРОДОВ ПЕТРОГРАДА ДЛЯ НОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (1917–1927)

О ПУСТЕВШИЕ дворцы, особняки, дачи поставили перед Отделом по делам музеев и охране памятников проблему приспособления их для нового использования. Отделом были разработаны критерии использования исторических зданий.

Здания, представляющие историко-архитектурное значение, с высокохудожественной отделкой интерьеров, с коллекциями декоративно-прикладного искусства, преобразовывались в историко-бытовые музеи. Дворцы Строгановых, Шуваловых, Шереметевых, а также все пригородные дворцы были реорганизованы в музеи, которые активно участвовали в проведении культурно-просветительной работы. Основной формой этого вида были экскурсии, которые проводили сотрудники Отдела, но вследствие их малочисленности, к объяснениям привлекали и комнатных служителей, которые не соответствовали требованиям, предъявляемым к проведению экскурсий. Вследствие этого в апреле 1919 г. при Экскурсионной секции Отдела по делам музеев и охране памятников были организованы курсы для подготовки экскурсоводов, где В. Я. Курбатов и П. Н. Столпянский прочли цикл лекций по истории пригородных дворцов.

В мае 1919 г. в Павловске, Петергофе и Детском Селе были экскурсионные станции для школьников, где они могли отдохнуть по приезде и с помощью инструктора подготовиться к восприятию экскурсии*.

Одним из важных направлений культурно-просветительной работы была лекционная деятельность. Наряду с локальными тематическими лекциями, с 1919 г. открывается чтение лекционных циклов. Так, лекции по истории фарфора провел художник С. В. Чехонин, по истории развития стилей мебели, садово-парковому искусству — известный историк искусства В. Я. Курбатов**.

* Известия Петросовета. 1919. 31 мая.

** Красная газета. 1919. 19 марта.

Наряду с экскурсиями и лекциями, делу популяризации памятников истории и культуры служили выставки, которые устраивали как коллективы сотрудников пригородных дворцов-музеев, так и представители других учреждений. Значительную роль сыграла отчетно-показательная выставка Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины в 1920 г., на которой были продемонстрированы все направления работы Отдела*.

В этот период отмечается активная издательская деятельность по популяризации памятников истории и культуры. В 1918 г. появляется серия путеводителей по Детскому Селу и Петергофу**.

К 1 мая 1923 г. после реэвакуации предметов из Москвы были открыты парадные залы Екатерининского и Александровского дворцов в Детском Селе***. В том же году открыли для посещения в Петергофе Монплезир, Марли и Эрмитаж****.

Следующим годом, отмеченным интенсивным открытием парковых павильонов к летнему сезону, стал 1926. Весной этого года были открыты для посещения церковь в Павловском дворце, летом Белая башня в Александровском парке, Розовый павильон в Павловском парке. Именно с этого года детскосельские парковые павильоны стали работать как музейные экспозиции целый год, тогда как до этого времени функционировали только весной и летом^{5*}.

В 1927 г. к 10-летию юбилею Советской власти открыли Баболовский дворец^{6*}.

В музеях Петрограда и пригородов с 1 декабря 1922 г. была введена плата за посещение, причем от нее освобождались только учащиеся художественных школ, красноармейцы и специальные экскурсии Политпросвета. Деньги, полученные от продажи билетов, направлялись «на расходы, связанные с увеличением доступности музеев для широких масс населения и улучшением популя-

* Жизнь искусства. 1920. 4 августа.

** Лукомский Г. К. Краткий каталог музея Александровского дворца. Пг., 1918; Измайлов М. М. Островки и павильоны. Пг., 1918.

*** ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1191. Л. 52.

**** Красная газета. 1923. 21 июня.

^{5*} Красная газета. 1926. 8 сентября.

^{6*} Красная газета. 1927. 13 августа.

ризационной деятельности музеев»*. Летом 1925 г. заведующий Отделом по делам музеев и охране памятников Г. С. Ятманов издал циркуляр о бесплатном допуске в музеи безработных**.

В активизации экскурсионной деятельности большую роль сыграли семинарии по изучению пригородов первый из которых был открыт в Павловске 25 июня 1922 г.; затем последовательно открылись Детскосельский и Гатчинский — под руководством В. К. Макарова***.

Основной целью семинариев, образованных Экскурсионным институтом, была подготовка квалифицированных экскурсоводов, получавших знания по истории искусства. По окончании курса слушатели сдавали зачет и получали возможность самостоятельной работы. Руководители семинариев были известные представители художественной интеллигенции. Архитектурную секцию Павловского семинария вели члены общества «Старый Петербург» И. Б. Михаловский, архитектор В. Н. Талепоровский, художественную — А. Н. Бенуа****.

Основные формы популяризации памятников искусства и старины были разработаны органами по охране памятников уже в период 1918–1921 гг., в дальнейшем они совершенствовались.

Судьба других исторических зданий решалась иначе. Сооружения, представляющие историко-архитектурную ценность, оставались в ведении Отдела по делам музеев и охраны памятников, но передавались в ведение учебных, лечебных и иных учреждений, которым они сдавались в аренду на определенных условиях, главным из которых запрещение любых изменений фасадов и интерьеров зданий без разрешения Отдела.

Первым мероприятием, которое проводилось до передачи, было составление описей предметов декоративно-прикладного искусства сотрудниками Отдела по делам музеев и охране памятников, затем упаковка и вывоз художественных ценностей на склады Отдела или Госфонда.

В Детском Селе было решено организовать центр детского отдыха, часть исторических особняков была передана уже в 1918 г.

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 578. Л. 53.

** ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1263. Л. 26.

*** ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 87.

**** ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

в ведение учреждений для устройства детских санаториев, колоний и других организаций.

В этот период были организованы два типа колоний: летние — предтечи будущих пионерских лагерей, а также круглогодичные, в которых обучение совмещалось с профессиональными навыками. Созданием указанных колоний была решена проблема не только использования пустовавших зданий, но и социальная проблема многих детей, лишившихся родителей, которые получили по окончании этих учреждений «путевку в жизнь».

Центром организации летних колоний стало Детское Село, где в жилых помещениях Екатерининского дворца, не имеющих художественной отделки, были размещены 400 человек*. В том же году детская колония расположилась на даче принца Ольденбургского в Петергофе**. В 1919 г. летние колонии были устроены в Михайловском, Константиновском и Английском дворцах***.

В марте 1921 г. Петроградский отдел народного образования обратился в Центральный жилищный отдел с просьбой о ремонте частновладельческих дач в Павловске для реорганизации их под детские колонии****.

Необходимо отметить, что к использованию исторических зданий для детского отдыха подходили дифференцированно. В октябре 1918 г. при рассмотрении вопроса о передаче дворца Палей детской колонии отмечалось, что «дворец Палей представляет музейную ценность и должен быть сохранен в настоящее время в неприкосновенности»^{5*}.

В октябре 1918 г. решался вопрос об использовании имения герцога Лейхтенбергского (Сергиевской дачи). Здание было признано памятником архитектуры и передано в ведение Комиссариата по просвещению. В марте 1920 г. Коллегия по делам музеев постановила передать Сергиевскую дачу Первому Петроградскому университету для устройства в ней биостанции. Такое решение было признано «вполне рациональным, при соблюдении усло-

* Петроградская правда. 1918. 5 июня.

** Северная коммуна. 1918. 17 августа.

*** Жизнь искусства. 1919. 27 мая.

**** Красная газета. 1921. 24 марта.

^{5*} ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 57.

вия, чтобы никакие переделки, переустройства как в зданиях, так и в парке, не разрешались бы иначе, как после рассмотрения и утверждения Археологическим отделом»*. На аналогичных условиях была совершена передача 15 марта 1920 г. имения «Михайловка» на один год Географическому музею**.

Новым явлением, как и детские летние колонии, стали санатории и дома отдыха для рабочих. Этим учреждениям, также как и остальным, здания, или частично его помещения, сдавались в аренду, под контролем Отдела по делам музеев и охраны памятников с запрещением любых изменений и переделок без особого разрешения охранного органа.

В августе 1919 г. на берегу Финского залива в бывшей даче адмирала Авеллана был открыт санаторий на 60 человек для рабочих и служащих Северо-Западной железной дороги***.

В. Д. Бонч-Бруевич в одной из статей о домах отдыха отмечал новаторскую роль Петроградского совета рабочих депутатов в использовании дач для отдыха рабочих.

В июне 1921 г. Большой дворец в Ораниенбауме был открыт в качестве дома отдыха на 500 человек, вследствие чего необходимо было провести работы по его приспособлению. На заседании Отдела по делам музеев и охране памятников 11 августа того же года постановили организовать наблюдение за проведением работ, главным условием которых было сохранение фасадов и отделки интерьеров здания****.

В марте 1923 г. в Детском Селе, в здании бывшей Школы нянь, состоялось открытие первого в стране школы-санатория для больных туберкулезом детей на 75 человек^{5*}. В июне того же года в трех дачах Детского Села, представлявших историко-культурный интерес, было организовано санаторное отделение центрального красноармейского госпиталя на 60 человек.

В июне 1926 г. было принято решение об устройстве во дворце Кочубея здравницы для научных работников. Однако в январе следующего года во исполнение постановления ЦИК СССР

* Научный архив ИИМК РАН. Ф. 67. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

** Там же. Л. 59.

*** Петроградская правда. 1919. 30 июля.

**** ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 49.

^{5*} Красная газета. 1923. 18 марта.

о 20-летней годовщине первой русской революции, Наркомат социального обеспечения постановил организовать во дворце Кочубея Дом ветеранов революции*.

В 1927 г. циркумференции Екатерининского дворца передали в аренду для устройства дома отдыха.

С лета 1924 г. управления пригородными дворцами-музеями организовали сдачу внаем флигелей и помещений домов, где жили придворные, на летний сезон, для получения дополнительных финансовых средств. В 1925 г. в Петергофе были сданы министерские дома и флигели Большого дворца, где жили придворные.

В то же время исторические здания передавались учебным заведениям. В 1927 г. корпус дворцовой охраны в Федоровском городке и здание Офицерского собрания передали в аренду Сельскохозяйственному институту**.

Дворец Палей перешел в ведение Всесоюзного института прикладной ботаники, который уже с 1918 г. занимал ансамбль дачи вел. кн. Бориса Владимировича.

Следовательно, уже в период 1918–1927 гг. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины разработал критерии сдачи в аренду памятников архитектуры и реализовал их на практике, сохранив опустевшие здания от разрушения и разграбления.

* Красная газета. 1927. 22 октября.

** Красная газета. 1927. 11 апреля.

«Я ОЧЕНЬ АКТИВНО ВРЕЗАЛСЯ В ПОСТРОЙКУ...»: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРХИТЕКТОРА А. Л. ЛИШНЕВСКОГО

Посвящая статью юбилейной вехе, с сожалением вынужден признать, что точная дата рождения Александра Львовича Лишневецкого (1868–1942)* исследователям неизвестна — знаем лишь, что будущий архитектор родился осенью, вероятнее всего, в ноябре**.

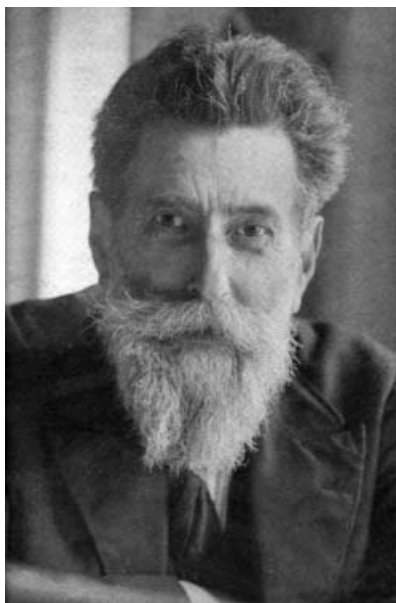
Получив основательное профессиональное образование, Лишневецкий за 23 года самостоятельной практики (1895–1917) приобрел богатый опыт проектирования и строительства. О дореволюционной профессиональной деятельности А. Л. Лишневецкого автору уже приходилось писать***, а в настоящей статье осветим некоторые аспекты последнего десятилетия работы мастера.

В 1918 г. Лишневецкий покинул Петроград и возвратился на невиские берега в 1923 г. Поначалу занимался ремонтом и реконструкцией зданий, и лишь в начале 1930-х гг., когда в стремительно растущем Ленинграде началось масштабное строительство, включился в активную проектную работу.

* О нем см.: Федоров С. Г. И образ, и функция: страницы творческой биографии А. Л. Лишневецкого // Строительство и архитектура Ленинграда. 1980. № 6. С. 31–35; Чепель А. И. Об архитекторе А. Л. Лишневецком // Невский архив: историко-краеведческий сборник. Вып. IX / науч. ред. В. В. Антонов. СПб., 2010. С. 163–177.

** В личном деле А. Л. Лишневецкого, относящемся ко времени его обучения в Академии художеств (РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1888 г. Д. 107), в двух представленных для поступления документах указан ноябрь (без указания числа). В собственноручном жизнеописании (Curriculum vitae), составленном А. Л. Лишневецким в 1908 г., значится сентябрь (тоже без числа). Полагаю, что следует доверять более ранним документам, к тому же составленным независимо друг от друга.

*** О дореволюционной практике А. Л. Лишневецкого см.: Чепель А. И. Социально-экономические проблемы российского строительства периода модерна (на примере деятельности А. Л. Лишневецкого) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 96–111.

А. Л. Лишнеvский. Фотография 1930-х гг. из семейного архива потомков архитектора

С целью «обеспечить ленинградские стройки высококачественными проектами»* на базе Ленпроекта были созданы мастерские и архитектурно-проектировочные группы, одну из которых и возглавил Лишнеvский. В новых условиях зодчим приходилось работать в русле идеологических установок. 28 февраля 1932 г. вышло известное постановление о проекте московского Дворца Советов, ориентировавшее архитекторов на использование «как новых, так и лучших приемов классической архитектуры с учетом достижений современной техники»**. Лишнеvский решением подобных проблем занимался и до революции, продемонстрировав в своем творчестве множество вариантов соединения современных технологий и новых художественных веяний с мотивами исторических стилей. Сильной стороной архитектора было умение руководить коллективами и решимость добиваться выполнения поставленных задач, не пасуя перед властями предрежащими. Чтобы продемонстрировать результат работы мастера в советский период, рассмотрим основные ленинградские постройки возглавляемой им группы, которая проектировала два типа зданий — школы*** и жилые дома.

Сильной стороной архитектора было умение руководить коллективами и решимость добиваться выполнения поставленных задач, не пасуя перед властями предрежащими. Чтобы продемонстрировать результат работы мастера в советский период, рассмотрим основные ленинградские постройки возглавляемой им группы, которая проектировала два типа зданий — школы*** и жилые дома.

* Бама Л. Г. На базе мастерских // Архитектурная газета. 1935. № 2. 8 января. С. 3.

** Цит. по: Курбатов Ю. И. Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург: архитектурно-градостроительные уроки. СПб., 2008. С. 47.

*** Школьное строительство в Ленинграде в 1935 г. / отв. ред. Л. Г. Бама Л., 1935.

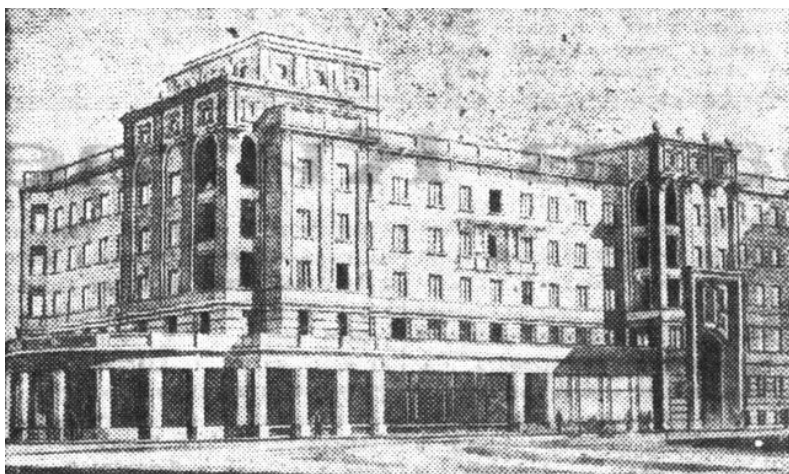

Школа. Благодатная ул., 45. 1934–1935 гг. Проект

Московский пр., 80 (школа). 1934–1936 гг. Архитектор полностью использовал возможность свободной планировки на достаточно обширном участке. Школа поставлена с отступом от магистрали и вытянута в глубину участка, что уменьшает уровень уличного шума в учебных помещениях. В проекте сильнее, чем в натуре, чувствуется влияние конструктивизма: соединение крупных объемов разной формы; массивный выступ на тонких «ножках»; ленточный горизонтальный орнамент. Значительную роль в экстерьере должна была играть фактура фасадов: контраст выложенного плитками поля стены, гладких (межэтажные тяги) и объемных (барельефы) горизонтальных лент, гладких столбов-«ножек».

Благодатная ул., 45 (школа). 1934–1935 гг. Для здания вновь выделен свободный участок, и использована схема, сходная с предыдущим проектом: два корпуса соединены перемычкой. Вновь динамичное столкновение объемов, отделка фасада плитками разной фактуры. Применен популярный в ар-деко* антовый ордер (пилоновый портик), вызывающий ассоциации с заупокойным храмом женщины-фараона Хатшепсут, или с библиотекой Ленина в Москве (РГБ). С портиком контрастируют вертикали остекления, взятые из арсенала конструктивизма. Эта школа группы Лишнеvского была признана лучшим учебным зданием

* Бархин А. Д. Дореволюционный Петербург: от модерна к ар-деко // Архитектура в диалоге с человеком. М., 2012. С. 427.

Жилой дом «для специалистов». 1935 г. Проект

из построенных в 1935 г. Руководимое опытным мастером подразделение блестяще справилось с задачей, хотя несколько раз менялись участки и проектировщикам «буквально за день приходилось большую школу переделывать в маленькую и наоборот»*.

В те годы звучала критика в адрес некоторых школьных зданий, построенных «в чрезвычайно монументальных формах, с выступающим портиком высотой в три этажа», в результате чего школы носят то «тяжелый банковский характер», то «характер старого барского особняка». На этом фоне особенно выигрышно смотрелись здания группы Лишневского, умевшей «относительно простыми средствами достичь в своих проектах большой выразительности»; критики признавали, что созданные этой группой здания, «благодаря отсутствию элементов больших масштабов, воспринимаются легко и свободно»**. Лишневский был убежден, что главное для внешнего облика дома — чтобы у зрителя создалась «непоколебимая уверенность

* Барласов. Награждение авторов школьных проектов // Архитектурная газета. 1935. № 31. 3 июня. С. 4; Лучший проект школы в Ленинграде // Постройка. 1935. № 37. 27 апреля. С. 1.

** Данкман Г. Ленинград соревнуется с Москвой // Архитектурная газета. 1935. № 19. 3 апреля. С. 2.

Школа. Воронежская ул., 42. 1934–1936 гг. Проект

ность в том, что все элементы здания приведены в равновесие». Зодчий, по словам Лишневского, должен формировать образ здания, «исходя из возможной простоты и избегая архитектурных „аттракционов»»*.

Воронежская ул., 42 (школа). 1934–1936 гг. Это здание, в отличие от рассмотренных ранее, поставлено в плотной исторической застройке, в ряду дореволюционных домов, поэтому фасад решен симметрично, оформлен сдержанно, а горизонтальные линии окон увязаны с рядами оконных проемов соседних построек.

«Жилой дом на Проспекте 25 Октября». 1935 г. Конкретный участок Невского пр. (в 1918–1944 гг. — пр. 25 Октября), предположенный под эту постройку, неизвестен**. Ренессансные угловые лоджии на стене поддерживаются аркатурой. Эти мотивы из прошлого соседствуют с застекленной горизонталью первого этажа, расчлененной конструктивистскими столбами. Венчающий объем прорезан окнами-«иллюминаторами».

* Лишневский А. Л. Овладеть конструкцией // Архитектурная газета. 1935. № 31. 3 июня. С. 2.

** На проспекте 25 октября в Ленинграде будет выстроен дом для специалистов // Постройка. 1935. № 55. 29 июня. С. 3.

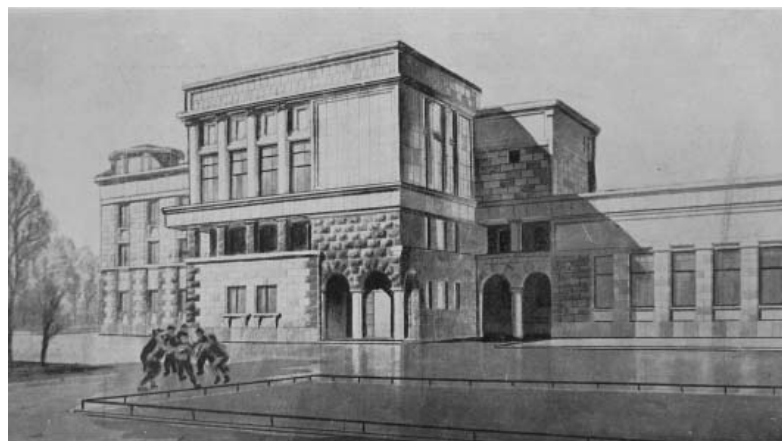
Невский пр., 141. 1934–1936 гг. В облике этого жилого дома конструктивистские элементы переплетены воедино с классицистическим планом и витиеватым декором. Автор сумел органично вписать здание в окружающую застройку. По словам Л. А. Ильина, дом «неплохо стал в улице по массам», однако он же высказал критические замечания: «декорация трактована в таких тонах, которые мы не хотели бы видеть в современном доме» — дом «как будто современной архитектуры, но вдруг на нем такие легковесные», во вкусе 1890-х годов, «деталечки, что нельзя не впасть в уныние»*. Симметричное классицистическое построение плана, необходимое с учетом постановки здания в линии дореволюционных домов, оживлено «конструктивистской» асимметричной компоновкой ризалитов. Остекленные горизонталы лестничных пролетов смело выведены на главный фасад, окна-«иллюминаторы» богато украшены барочной лепниной, стены обогащены барельефами с загадочной символикой. Здание тяготеет к стилистике ар-деко, сталкивавшего геометрически четкие формы и объемы с яркими сочными деталями**. Одним из популярных мотивов ар-деко были ряды круглых окон, возможный прототип которых — античная Гробница пекаря в Риме***. Впрочем, обрамленные сочной лепкой круглые окна можно найти и ближе — на фасадах Строгановского дворца и дворца Белосельских-Белозерских.

Добиться осуществления задуманного проекта подчас было затруднительно. В 1937 г. Лишнецкий заявил о нарушении своих авторских прав при постройке жилого дома на Исполкомской ул., 11. Дом этот напоминает здание на Невском пр., 141, но оформление его значительно скромнее. В те годы проектировщику чуть ли не силой приходилось прорываться на леса (присутствию архитектора на стройплощадке препятствовали различные организационно-юридические нюансы): если на стройке появлялся для осуществления надзора за ходом строительства автор проекта, то организация, ведущая работы, нередко видела в нем своего вра-

* Цит. по: Чепель А. И. Об архитекторе А. Л. Лишнецком. С. 172.

** Чепель А. И. «Гробница пекаря» лишилась брата // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. № 157. 24 августа. С. 4.

*** Бархин А. Д. Дореволюционный Петербург: от модерна к ар-деко. С. 429.

Школа. Ул. Черняховского, 30. 1934–1936 гг. Проект

га, мешавшего удешевить проект. По словам Д. А. Крыжановского, современника и коллеги Лишнецкого, в результате «модернизации» проекта «иногда и прямо не узнаешь своей постройки, стараешься от нее отвернуться»*. Лишнецкому, в 1937 г. утверждавшему: «Я очень активно врезался в постройку и обладаю большой настойчивостью и смелостью...»**, нередко приходилось конфликтовать с производителями работ. Например, в том же 1937 г. прораб Ушаков позволил себе «грубость по отношению» к почти 70-летнему архитектору, который вынес этот вопрос на заседание Президиума правления ЛОССА***.

Ул. Черняховского, 30 (школа). 1934–1936 гг. Школа составлена из динамично сочлененных объемов разной формы — признак конструктивизма. Применены и пилоны, и упрощенные колонны, а также ренессансная (или романская) аркада. Грубоколотый камень на фасаде должен был играть роль вставленного в рамку

* Цит. по: Чепель А. И. Архитектор и город: к 145-летию со дня рождения художника-архитектора Д. А. Крыжановского (1871–1942) // Сборник докладов Пятой научно-практической конференции преподавателей и студентов «Память в истории культуры России: события и времена» / отв. ред. И. В. Добряк. СПб., 2016. С. 104.

** ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 293. Л. 4 об.

*** ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

панно; кронштейны под окнами первого этажа задуманы нарочито увеличенными — это «любование» деталью характерно для ар-деко. Вероятно, здание не получило задуманной отделки, что тогда случалось нередко из-за нехватки отделочных материалов.

Пр. Стачек 86–88, корпуса 1 и 2 (дома и общежитие). 1936–1938 гг. Первоначальный проект, предложенный мастерской Лишневского, предполагал собрать два жилых дома с находящимся в глубине квартала общежитием в единый ансамбль. Дома по красной линии проспекта было задумано соединить аркадой из пяти арок, которая зрительно развивалась бы трехарочной лоджией второго этажа общежития. В натуре постройки значительно упрощены по сравнению с проектом; торец общежития, лишенный арочной лоджии, потерял роль архитектурного акцента*.

В те годы архитекторам ставили противоречивые задачи. На совещаниях работников строительных и проектных организаций Ленинграда в 1938 г., проводившихся с участием представителей общественности, звучали такие слова: «Современное строительство похоже на казарменное. Можно взять архитектуру со старых домов, у нас много таких есть, скопировать и покрасивее строить наши новые дома». И тут же: «Трудящимся Ленинграда не нужны дома-коробки, но вместе с тем следует вести решительную борьбу излишним нагромождением колонн, эркеров, лоджий, барельефов и прочих элементов, обезображивающих здания и удорожающих их»**. Лишневский, стремившийся как раз использовать в своих постройках детали и мотивы «старых домов», подвергался критике за «беспринципное повторение... упадочной архитектуры» дореволюционного периода***.

8-я Советская ул., 6–8. 1935–1938 гг. По мнению критиков, в этом доме удачно решена «задача преодоления конструктивистской коробки». Вновь, как и на Невском пр., 141, применено симметричное построение плана в сочетании с асимметричной композицией ризалитов. Яркий заметный акцент, воедино соби-

* Чепель А.И. Палаццо для корабелов // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. № 199. 25 октября. С. 6.

** ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 574. Л. 105.

*** Нейман М. Ошибки и недостатки Ленинградской организации // Архитектурная газета. 1937. № 28. 18 мая. С. 1.

рающий фасад — трехарочная лоджия, вознесенная под самый карниз. Фасад украшен выразительными горельефами и лепниной в духе барокко. В процессе проектирования этот дом «подвергался многочисленным изменениям, что не помешало, однако» в результате «дать незаурядное и интересное фасадное решение», и это «свидетельствует о глубоком профессиональном мастерстве автора», — признавали критики*.

Пр. Римского-Корсакова, 4 (школа). 1935–1938 гг. Школа, составленная из нескольких корпусов, поставлена в историческом окружении. Классицистические мотивы соседствуют с «готическими» столбиками на башнеобразных выступах, в которых заключены лестничные клетки. Лестничные башни с узкими окнами смело выведены на главный фасад. В декоре применены классицистические элементы (треугольный фронтон, пилястры). Школа получилась несколько дробной, и в 1938 г. архитектор И.И. Фомин иронически назвал эти постройки «с позволения сказать ансамбль»**.

Батайский пер., 6 (школа). 1936 г. Лишневский применял различные приемы для придания зданиям выразительности. Здесь угол плавно срезан по дуге, что делает здание зрительно больше, чем оно есть на самом деле. Вспоминается скошенный угол дворца Петра III в Ораниенбауме.

Ленинградский период творчества Лишневского и его коллег проходил в условия тотального контроля архитектурной деятельности: место прежнего частного заказчика заняло государство, диктовавшее стилевые характеристики строящихся зданий. В этих условиях для практикующего архитектора риск не соответствовать предъявляемым требованиям был велик: взгляды руководства на архитектуру менялись неожиданно и непредсказуемо, а отклонение от единственно верного курса каралось сурово. Деятельность Лишневского в этот период характеризует его как опытного архитектора-практика, стремившегося эффективно применять свой огромный проектный опыт, не опуская руки перед меняющимися стилистическими пред-

* Жильцы о новых домах // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2 (4). С. 77; Родионов С. Жилье дома на 8-й Советской // Архитектура Ленинграда. 1939. № 6 (17). С. 27.

** ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 583. Л. 41.

почтениями. Характерное для дореволюционного творчества Лишневского умение добиваться успешного выполнения главной задачи зодчего — строить красивые, прочные и удобные дома — в полной мере применялось мастером и в новых условиях. Перешагнувший 70-летний рубеж архитектор продолжал сохранять поразительную энергию, оставаясь, наравне с более молодыми коллегами, одним из самых активных застройщиков Ленинграда. Архитектор стал жертвой ленинградской блокады: эвакуированный по Ладоге, он умер 6 февраля 1942 г. в ярославской больнице. В 1946 г., характеризуя профессиональный путь зодчего, Ленинградское отделение Союза советских архитекторов отметило: «Один из старейших ленинградских мастеров архитектуры с громадным опытом по жилищному строительству, построивший в Ленинграде более 100 крупнейших многоэтажных домов, и воспитавший на своей практической работе многочисленные кадры высококвалифицированных строителей»*. Имя Лишневского, наряду с именами его коллег, погибших в годы Великой Отечественной войны, высечено на мраморной доске в Доме архитектора в Санкт-Петербурге.

* Цит. по: Чепель А. И. Об архитекторе А. Л. Лишневском. С. 176–177.

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ ГОРОДА ПУШКИНА. ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ ГОЛОВЧИНЕР

В пушкине в 1957 г. группа неравнодушных людей создала «инициативную группу», поставив задачу: «Ознакомить жителей города Пушкина с именами известных деятелей культуры, выдающихся писателей, живших и творивших в нашем городе».

Председателем этой группы дольше всех был Владимир Николаевич Смирнов, а бессменным секретарем — Евгений Маркович Головчинер. Сохранились его рабочие тетради. Их 44. Кто же такой Евгений Маркович Головчинер?

Он родился в 1895 г. в семье военного врача на Украине. В 1913 г. окончил гимназию с серебряной медалью. Медицинское образование получил в Киевском университете. Как врач-хирург работал в больнице г. Киева, затем Чернобыля. В 1936 г. был приглашен в Детскосельскую городскую больницу. С этого времени семья Головчинеров, сейчас уже праправнуки Е. М. Головчинера, живет в г. Пушкине и в Петербурге.

Е. М. Головчинер — участник советско-финляндской, затем Великой Отечественной войны. Сражался на Волховском, Ленинградском, 2-м Белорусском фронтах. С госпиталем дошел до Берлина. В 1946 г. вернулся в Пушкин, продолжил работу в больнице. Это был хирург «божьей милостью».

У Евгения Марковича было и другое увлечение —

Е. М. Головчинер

Скульптурные работы Е. М. Головчинера

любовь к искусству. Семья бережно хранит скульптурные работы Евгения Марковича. Среди них бюсты Л. Толстого, Ф. Шаляпина, М. Горького.

Евгений Маркович всегда интересовался историей г. Пушкина (Царского, потом Детского Села). После выхода на пенсию краеведение стало основным его делом. 4 главных направления его занятий, исследований: работа в «инициативной группе»; сбор материала для подготовки статей о замечательных людях, живших в нашем городе; поиски захоронений на Казанском кладбище, увековечивание памяти некоторых «царскоселов»; поиск местонахождения Софийского почтового двора.

О работе «Инициативной группы» лучше всего говорят документы протоколов, писем, отчетов.

Приведу некоторые из них. «В редакцию газеты „Вперед“.

Тетради
Е. М. Головчинера

Расшифровка одной
страницы тетради

Страница из фотопяпки
«16. Замечательные люди, жившие в Пушкино»
и расшифровка аналогичного списка
из фотопяпки «16. Замечательные люди,
жившие в Пушкино»

«Город муз»	
Поэты: Г.Р. Державин А.С. Пушкин П.Я. Чаадаев М.Ю. Лермонтов Ф.И. Тютчев А.А. Фет (кратковременно) — от Козана И.Ф. Анненский Всеволод Рюмкин С.А. Есенин А.А. Ахматова П.С. Гумилев	Художники: П.П. Чистяков К.А. Горбунов Н.Е. Сверчков Петров-Водкин Ю. Клевер А. Гаполин
Писатели: Н.М. Карамзин Н.Г. Гарин-Михайловский Д.Н. Мамин-Сибиряк А.К. Толстой В. Шшшков Ф.Д. Фортис А.Р. Белчев 1831-1942 Конс. Федин В. Панова	Литературовед: Л.Ф. Коган Искусствовед: Голлербах Композиторы: Шалорин Богданов-Березовский В.М. Дешевов Асафьев Г.Н. Полюев
Политические деятели, критики, литераторы: А.К. Слюнин Аровьев 1837-1919 П.В. Бывов Евгеньев-Максимов	
Артисты: И.В. Ерахов Славинский Г.П. Гайдебуров Н.Ф. Снарская Уланова Балетная школа Вечеслова др. Юсуповский	
Наши современники: Френкель Захарий Григорьевич Можавев Алексей Васильевич	

3 октября 1958 г. исполняется 85 лет со дня рождения выдающегося советского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова. Общественность нашего города предлагает отметить эту дату следующими мероприятиями: (небольшие выдержки)

1. Установить мемориальную доску на доме по Московской улице, д. № 7, где с 1930 г. по 1941 г. жил В. Я. Шишков.

2. Ходатайствовать о присвоении одной из школ города Пушкина имени В. Я. Шишкова. Писатель всегда горячо относился к молодым, присутствовал на выпускных экзаменах.

3. 2 октября в газете „Вперед“ поместить статью с портретом В. Я. Шишкова.

4. 4 октября сего года в городской библиотеке устроить вечер, посвященный памяти В. Я. Шишкова».

Подписи: Е. С. Гладкова — депутат Пушкинского райсовета, главный хранитель пушкинских дворцов и парков; В. А. Брызгалов — депутат райсовета, директор Сельхозинститута; В. В. Лемус — зам. директора пушкинских дворцов и парков; В. Н. Смирнов — член инициативной группы города Пушкина; Н. А. Трофимова — член инициативной группы г. Пушкина; А. А. Смирнова — зав. учебной части 407 школы; Л. А. Гуревич — директор Пушкинского Дома культуры; Е. М. Головчинер — член инициативной группы города Пушкина (в группе работали и директор Дома Культуры, и ректор Сельхозинститута, были медики, военные).

Мемориальная доска Шишкову была установлена, а хлопоты по установке доски на доме по Церковной (тогда Пролетарской), д. 6, где жил А. Н. Толстой, не увенчались успехом.

Еще один документ: Протокол от 15 октября 1959 г.

«2. Слушали: О предстоящем 250-летнем юбилее 24 июня 1960 г.

Постановили: Организовать выставку к юбилею города. Экспонаты выставки должны явиться началом организации музея города.

4. Слушали тов. Гладкову о памятнике Ленину, лучшим местом считает центральный сквер. Постановили: Считать наиболее удачным местом для памятника центральный сквер города.

5. Слушали: О составлении карты-плана города с аннотацией памятных мест. Постановили: издать к маю 1960г. путеводитель по городу».

В райком КПСС отправили отчет о работе группы. В конце говорилось о «необходимости определиться с положением „инициативной“ группы. Не может она и год, и два, и три оставаться просто «инициативной», без четкого места в структуре городской жизни».

На Казанском кладбище в нашем городе много захоронений известных людей. В 1919 г. был похоронен художник, учитель живописи Павел Петрович Чистяков. Памятника на могиле не

Открытие памятника на могиле П. П. Чистякова. Слева направо: А. В. Можяев, неизвестный, И. В. Чистяков, Б. Г. Головчинер, М. Г. Платунов, О. Э. Мейер-Чистякова, Я. В. Дурдин, Р. М. Коврова, И. П. Степашкин, А. Я. Казунин, Н. С. Эпштейн, Н. Г. Гратвол, О. Д. Форш, Е. М. Головчинер, И. Е. Головчинер, А. А. Смирнова, неизвестный, А. А. Гратвол

было. К 125-летию со дня рождения художника была создана комиссия по увековечению памяти великого художника, в которую от общественности вошел Е. М. Головчинер. В 1957 г., то есть за год до юбилея, была напечатана большая статья Головчинера «Художник П. П. Чистяков», в которой отражена биография художника, его творчество; предлагался перечень возможных мероприятий; говорилось, что пора подумать о музее в доме Чистякова на Московском шоссе, о персональной выставке работ художника, о памятнике на могиле Павла Петровича.

Был отлит из бронзы барельеф Чистякова работы В. Е. Савинского. 1 июня 1958 г. на Казанском кладбище состоялось открытие памятника. Митинг открыл и сказал вступительное слово Е. М. Головчинер. Дом-музей П. П. Чистякова открыли только в 1987 г.

Евгений Маркович занимался нахождением и обустройством захоронений И. Ф. Анненского, А. Р. Беляева, К. А. Горбунова (художника, соседа П. П. Чистякова по Московскому шоссе).

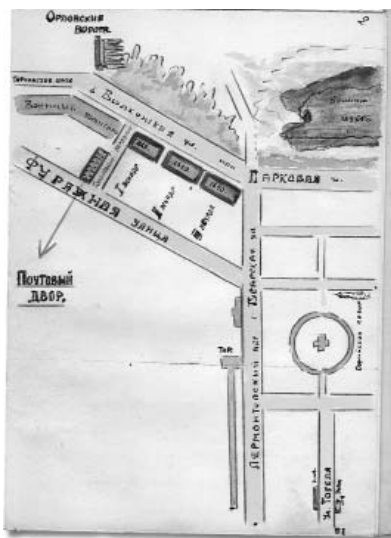

Схема местонахождения Софийского почтового двора

Сложность была в том, что население оккупированного г. Пушкина в феврале 1942 г. было вывезено в немецкие лагеря, среди них семья Беляевых (вдова, дочь, Александр Романович умер в январе 1942 г., остался не погребенным), невестка и внучка И. Ф. Анненского, и многие другие. В г. Пушкин вернуться не разрешили никому. Беляевым только в 1956 г. разрешили жить во Всеволожске. Там их и нашел Евгений Маркович. Нашел адрес внучки И. Ф. Анненского, живущей в Зеленогорске, внучки К. А. Горбунова. В 1961 г. были установлены надгробия

на могилах И. Ф. Анненского и К. А. Горбунова (хлопоты, запросы, письма начались с 1959 г.).

В книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» можно прочитать: «...Кибитка моя толкнулась, меня разбудила. <...> Остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом.

— Что такое? — спрашиваю я у извозчика моего.

— Почтовый двор. — Да где мы? — В Софии».

Е. М. Головчинер, житель района Софии г. Пушкина, решил найти здание бывшего почтового двора. Известно, что столбовая дорога из Санкт-Петербурга проходила мимо Орловских ворот. Сохранился верстовой столб, на нем солнечные часы и надпись: «От Санкт-Петербурга 22 версты». Здесь же был Софийский почтовый двор. На территории за бывшим военным госпиталем нашли развалины двухэтажного здания. Неплохо сохранился и был заметен въезд для карет и саней. Надо было убедиться, что обнаруженные остатки здания относятся к XVIII в. Обратились к архитектору А. Кедринскому. Анализ скрепляющей известки —

Газеты со статьями
Е. М. Головчинера

цемянки подтвердил догадки. Действительно, это были остатки Софийского почтового двора.

Евгений Маркович Головчинер подготовил десятки статей по краеведению. Большинство их было опубликовано в 1957–1967 гг. в районной газете «Вперед».

Подготовка статей требовала кропотливой работы в библиотеках, в основном, в Публичной или Пушкинского дома, в архивах, долгих бесед со старожилами, родственниками героев статей.

Читать рабочие тетради Е. М. Головчинера очень интересно. Есть дата первой записи — 28 июля 1957 г. и списки: поэты (от Г. Р. Державина до С. А. Есенина), художники (Чистяков, Сверчков, Головин, Горбунов, Петров-Водкин), писатели (от Н. М. Карамзина до А. Р. Беляева и В. Пановой), литературоведы, артисты (И. В. Ершов, Сливинский, Г. П. Гайдебуров), композиторы (В. М. Дешевов, Асафьев, Богданов-Березовский), искусствоведы, политические деятели... Более 40 имен, для каждого отводится отдельная тетрадь. Накопление материала идет параллельно, поэтому записи в различных тетрадях бывают в один день.

Уже в первой тетради — более 30 фамилий старожилов города.

По-разному собирался материал для статей. О художнике XIX века Сверчкове напомнил В. Н. Смирнов. Найти дом на

Павловском шоссе, где до 1898 г. жил художник, помогла О. Э. Мейер-Чистякова, племянница жены Чистякова, продолжавшая жить в бывшем доме Чистякова. Она бывала в том доме на Павловском шоссе, хорошо его помнила до 1917 г. Весь материал о А. Р. Беляеве Головчинер согласовывал с вдовой и дочерью писателя.

В процессе сбора материала о Н. И. Вавилове Головчинер беседовал со старейшим сотрудником ВИРа Василием Калистратовичем Омельченко. Статья, опубликованная к 80-летию со дня рождения Н. И. Вавилова «Выдающийся ученый», возможно, была первой публикацией об ученом после посмертной реабилитации генетиков России.

Интересовал Головчинера Э. Ф. Голлербах. Евгений Маркович читал его статьи, делал выписки. Нашел старожилов, знавших Голлербаха, записал их воспоминания, но много было в них противоречий. Статьи не получилось.

К 25-летию полета стратонавтов в январе 1959 г. была напечатана статья «Памяти Андрея Васенко». Нашел Евгений Маркович вдове Андрея Богдановича и сына Владимира, ставшего врачом.

Как искал? Например, через адресное бюро. Сохранились некоторые бланки-заказы: В. Ф. Пановой, В. А. Васенко, Н. В. Крандиевской-Толстой...

Головчинер вел обширную переписку. В письмах просил уточнить время пребывания в г. Пушкине, адреса. Есть ответы от К. А. Федина, В. Ф. Пановой, Т. А. Щепкиной-Куперник, С. Я. Маршака и др.

За 10 лет в газете «Вперед» было опубликовано более 30 статей Головчинера. В тетрадях остался материал будущих публикаций. Евгений Маркович подписывался: врач-хирург, краевед.

Постоянная работа «Инициативной группы» сошла «на нет», но дело изучения родного города не прекратилось. В. Н. Смирнов в соавторстве с библиографом Э. Э. Рабиным подготовили серию очерков «Прогулки по старому городу» (12 блоков), которые в 1982–1983 гг. публиковались в газете «Вперед». В 2006 г. вышла книга «Прогулки по старому городу», включившая все статьи — эта книга уже стала библиографической редкостью.

Дело энтузиастов-краеведов 1950–1960-х гг. не пропало. Выпущены сотни книг краеведческого направления. Но «белые пятна» есть. Они ждут своих исследователей.

ДЕРЕВЯННАЯ БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ ЦАРСКОГО СЕЛА

То, что в Царском Селе кроме дворцов и каменных особняков было еще немало деревянных домов, из которых некоторые стали подлинной достопримечательностью города, еще не совсем поросло быльем в памяти его старожилов. В их проектировании и строительстве принимали участие лучшие архитекторы того времени: В. И. Гесте, В. П. Стасов, В. И. Монигетти, Н. С. Никитин, А. Ф. Видов, А. Х. Кольб, С. А. Данини и др. В настоящее время от всей этой деревянной, теперь уже весьма ветхой красоты осталось очень немного, да и то находящееся под угрозой полного исчезновения. В канун 300-летия города почти все эти деревянные дома были пущены на продажу, что называется с молотка. Часть этих домов признана архитектурными памятниками исторического и культурного наследия и продавалась с условием сохранения их внешнего вида при возможной перестройке внутренних помещений. Это так называемая продажа с обременением похоже не слишком обременяет новых хозяев этих старых построек, и их судьба складывается не самым лучшим, а порой и самым худшим образом.

О грустной судьбе старинных и обветшавших деревянных домов нашего города говорилось и писалось много раз. Те не многие оставшиеся в настоящее время можно теперь сосчитать по пальцам, скоро уже одной руки. И это несмотря на то, что почти все они были объектами культурного наследия. Вот уже снесли и дом 42 по Малой улице (Н. Е. Петровского), такая же судьба, очевидно, ждет и соседний дом 46 (вдовы вице-адмирала М. К. Траверсе). Дом 42 недавно воспроизвели как копию прежнего. Несколько лет стояло без всякого внимания то, что осталось от сгоревшего дома Кемпера (Московское шоссе, 16), последнего из сохранившихся домов немецкой Фриденвальской колонии. Дом был возведен архитектором В. П. Стасовым в 1819–1820 гг. и принадлежал выборному старосте колонистов Абраму Кемперу и его наследникам. Вторая его половина предназначалась для общественных нужд

Дом А. Кемпера. Фотография до 1980 г.

Дом А. Кемпера. Фотография 2015 г.

(контора, школа). Впоследствии эта часть дома с мезонином сдавалась внаем под дачу поэту графу А. А. Голенищеву-Кутузову. Как памятник, дом по инициативе вдовы поэта состоял под покровительством «Общества защиты и сохранения старины», исторического предшественника ВООПИиК. В наше время власти города не нашли ему более достойного применения как медвытрезвитель. Уделом такого использования стал пожар с криминальным следом. Несколько лет ушло на следствие, и до сих пор сгоревшие остатки дома стояли как позорный памятник нашего вечного разгильдяйства, в том числе и в отношении охраны и спасения объектов культурного наследия. Лишь совсем недавно их снесли и оградили забором. Что возведут за ним — пока не известно.

Наиболее типичный случай, когда заброшенные, проданные и перепроданные дома поджигаются, лишаются охранного статуса, сносятся и на их месте строятся разностильные каменные коробки. Примером такого архитектурно-градостроительного произвола являются исчезнувшие деревянные дома 36 и 40 по Московской улице (усадебя А. Н. Баутлера). То, что теперь воздвигнуто на их месте, отнюдь не украшает его, и вообще не понятно, кто и на каких основаниях допускает такого рода «модерн» в исторической части города. На месте памятников культурного наследия возводится что-то совершенно к культуре отношения не имеющее. Другой вариант, не столь типичный, но имеющий место быть — это когда на месте снесенного дома возводится его копия или подобие, то, что принято называть новоделом. Примерно это произошло с домом 30 на Павловском шоссе, дача Н. Е. Сверчкова (С. А. Тами). Правда, для того, чтобы поставить здесь новодел, старый дом спалили. То, что построили на этом месте, выглядит неплохо, но никакой уже исторической и культурной ценности не представляет. Новодел есть новодел, и отношение к нему уже не то, что к оригиналу. Копия, даже самая высококлассная, остается лишь копией, муляжом, мало что имеющим общего с первоисточком, как внешне, так и внутренне. Тем более что внутреннее устройство и убранство дома совершенно иное. И, тем не менее, это иногда допустимо, а порой и просто необходимо. В нашем городе мы имеем новоделы, можно сказать, экстракласса, без которых уже трудно представить городскую среду. К их числу, бесспорно, относится Екатерининский

Дача Н. Е. Сверчкова. Фотография 2010 г.

собор, да и Янтарная комната Екатерининского дворца стала великолепным примером такого рода творения. Это уникальные случаи воспроизведения исчезнувшего. И всё же, например, сохранившийся и отреставрированный Стеклярусный кабинет Китайского дворца в Ораниенбауме имеет, на наш взгляд, гораздо большую историческую и художественную ценность, чем нынешняя Янтарная комната.

Без всяких признаков консервации и текущей реставрации стоит уже очень давно и всё более ветшает дом В. И. Вуича (Церковная ул., 6), где жил А. Н. Толстой. За этот дом активно боролись жители города, отстаивали его и в результате дом передали историко-литературному музею. И сейчас он стоит в запустении, однако появилась, наконец, реальная надежда, что дом воскреснет как литературный музей. В городе имеются архитектурные образцы и несколько другого типа. Не все знают, что деревянных домов здесь несколько больше, чем привыкли считать. Несколько из них было отштукатурено и приняло облик каменных. К ним относятся, например, д. 1 на Пушкинской ул. (А. Н. Оленина),

д. 40 на Магазиной ул. (М. А. Стеткевич, музей «Царскосельская коллекция»), д. 21 на ул. Красной Звезды (Е. Р. Фридрици), да и тот же д. 6 на Церковной ул. Такой прием или стиль можно считать подделкой, имитацией. Тем не менее, эти дома сохранились, и не факт, что их не снесли бы, если бы они выглядели как деревянные. Можно сказать, что эти дома спас не столько их архитектурный облик как таковой, а обычная штукатурка, которая, однако, имеет свойство осыпаться, что и видно теперь. Дома эти нуждаются в косметическом ремонте, а некоторые в реставрации. Принцип обратной имитации, кстати, может быть использован и используется при восстановлении деревянных домов, когда после их сноса возводятся похожие здания из кирпича и обшиваются затем доской или иным материалом, имитирующим дерево. Нечто подобное и произошло с домом 30 на Павловском шоссе, а теперь с домом 42 по Малой улице.

Надо признать, что восстановление старых, надолго заброшенных домов, с признаками гниения, разрушения, а иногда и воздействия огнем — далеко не простая задача. Проще их снести и возвести нечто похожее по фасаду, но полностью перестроенное внутри, убрав все нагромождения советского коммунального жилища. И всё же то, что проще — не всегда лучше. Не все деревянные дома пришли за века их использования в руинное состояние. Примером довольно бережного сохранения и восстановления является д. 18 на Леонтьевской ул. (Ф. Каноббио), возведенный в 1815 г. по проекту В. И. Гесте. Не понадобилось никакого сноса, в приемлемые сроки дом был заново отреставрирован, не потеряв своей привлекательности, а главное — исторической ценности. Остается лишь правильно использовать его в дальнейшем. Вряд ли он годится для обычного жилья, для лучшей сохранности его можно было превратить или в музей, например, городского быта с использованием замечательной коллекции И. А. Фоминых, или, например, в кондитерское кафе, в память о стоявшем когда-то рядом заведении Голлербаха. Нынешнее его использование в качестве ресторана, анонсированного как «Музей для друзей» без должной привязки к истории города, вряд ли достойно такого старинного здания.

Примеры замечательного сохранения деревянных зданий в городе всё же есть. Это прежде всего — дом Я. В. Китаева на

Пушкинской ул., 2 (ныне филиал музея А. С. Пушкина); дом 14 на той же улице (Н. Г. Полякова); музей П. П. Чистякова на Московском шоссе, 23; дом 8 на Средней ул. (усадебная М. А. Паткуль); дом 15 на Павловском шоссе (усадебная П. Р. Багратиона); уже упомянутый музей на Магазейной ул., 40. В довольно приличном состоянии находятся дома: 32 на Павловском шоссе (Н. Е. Сверчкова — С. Дейчмана), 27 на Московском шоссе (А. Р. Синева, с мемориальной доской, посвященной жившему в нем Н. И. Вавилову). В очень жалком, погорелом, а теперь и в снесенном состоянии — дом 6 (М. Р. Ростовцевой), а также дома: 26 на Павловском шоссе (О. Е. Шухт), 29 на Московском шоссе (Ф. А. Амброжевича) и другие, еще оставшиеся. Буквально рухнул от ветхости дом 18 по Пушкинской ул. (И. К. Кучумова). И скольких других уже нет, которых можно увидеть теперь только в фотоальбоме «Архитектура деревянных домов» («Серебряный век», 2006).

При всей разной вариантности судеб тех или иных деревянных зданий, основная тенденция — их постепенное исчезновение с архитектурного ландшафта города. Отношение жителей к этому явлению также самое разное — от желания поскорее избавиться от всей этой деревянной, как они считают, рухляди, заменив ее любой каменной постройкой, до особо трепетного отношения к этим последним из царскосельских домов-могилкам, без реального учета, кому они нынче нужны. Отношение властных структур, очевидно, также неоднозначное. Что касается строительных компаний, то они, как правило, за снос старого для возведения нового, за малым исключением (фирма «Корф», сохранившая и реставрировавшая дом Каноббио и по-своему воссоздавшая дом Сверчкова). Современный город Пушкин — это уже, наверное, на 99% город каменных построек, в большинстве своем ничего с царскосельской историей и культурой не имеющих. В этом отношении большого оптимизма судьба оставшихся еще подлинных старых домов не внушает. Многие, пережив войну, были снесены еще в советское время. То, что от них осталось, вряд ли переживет этот век, и конец их, очевидно, не столь отдаленный. Важная задача по их сохранению возложена на КГИОП, но и эта организация похоже не очень расположена ими заниматься, иначе, чем объяснить такую легкость, с которой

теперь снимается их охранный статус. Превратится ли старинная деревянная быль Царского Села в печальную и полную небыль забвения — предстоит узнать уже скоро. Время торопит неравнодушных что-то спасти из оставшегося. Говорят, если постучать по дереву, то можно отвести от кого-либо или чего-либо дурное стечение грядущих событий. Хотелось бы постучать по всем уже немногим оставшимся деревянным домам нашего города, чтобы спасти их от окончательного сноса, хотя, что толку от такого стука. Над некоторыми домами из дерева уже отстучал топор, а над другими он уже занесен. Утратит ли их город окончательно, зависит во многом и от всех нас, его жителей, от того, как мы будем к этому относиться. ВООПИиК может и должен также обратить внимание на судьбу памятников деревянного зодчества, защищая их от хищнической каменной и уплотнительной застройки, жертвами которой все они являются.

Список использованной литературы

1. Архитектура деревянных домов. Фотоальбом / сост. А. Г. Груздева, Г. В. Семенова. СПб., 2006.
2. Семенова Г. В. Царское Село. Знакомое и незнакомое. М.; СПб., 2009.
3. Трускинов Э. В. Отпечатки времени в городе муз. СПб., 2013.

И. В. Руднева

ЖЕМЧУЖИНЫ ПЕТЕРБУРГСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

По случаю знаменательной годовщины пятидесятилетия со дня создания Общества охраны памятников истории и культуры хотелось бы напомнить об еще одной заслуге ВООПИиК. О том вкладе, который Общество внесло в защиту и поддержку традиции, без которой значительная часть культурных богатств России была бы безвозвратно утеряна.

Я говорю о российской традиции собирания коллекций, среди которых одно из главных мест занимают коллекции произведений искусства.

Вообще коллекционирование — одно из довольно древних увлечений. Некоторые исследователи склонны считать, что собирать и систематизировать произведения искусства состоятельные люди начали еще в эпоху расцвета Древнего Египта. Правда, документальных подтверждений этому утверждению нет. А вот любители изящного и изысканного — патриции Древнего Рима, и впрямь собирали коллекции — сохранились описания некоторых из них.

Развитие собирательства, унаследованное Европой в эпоху Возрождения, привело к созданию новой науки, науки, без которой ныне невозможно представить себе цивилизацию. Эта наука называется «история искусства». Но она не могла бы существовать и развиваться, если бы традиция собирания сокровищ мировой культуры, в свою очередь не продолжалась и не развивалась.

История бережно хранит имена тех, кто вносил свой вклад в мировую сокровищницу коллекций: Лоренцо Медичи, Д. Орсини, П. Рубенса, Э. Фальконе, И. Шувалова, П. Третьякова, династии Строгановых. Есть и немало других имен людей, вложивших многие силы и немалые средства в собирание и сохранение отечественных и зарубежных произведений искусства.

Уже названные имена явно говорят о том, что России принадлежит очень значительная роль в этой работе. Мы с благодарностью вспоминаем неоценимый вклад П. Третьякова, Н. Лихачева,

Открытие выставки живописи из частных собраний
Москвы и Ленинграда в Манеже

И. Остроухова, С. Щукина, М. Морозова. Их коллекции входят в экспозиции крупнейших музеев России.

И, надо сказать, в нашей стране традиция коллекционирования сыграла совершенно особенную роль. Все мы помним и понимаем, что Россия пережила время, когда всю нашу прошлую историю пытались стереть, объявить несостоятельной. Это относится не только к наступлению на православную культуру и православные традиции, но и ко всему нашему прошлому вообще. Из-за намеренно пренебрежительного отношения к нашим традициям, насаждаемого «сверху», бесценные памятники архитектуры, произведения искусства, в том числе декоративно-прикладного, оказались под угрозой уничтожения. О них не только перестали заботиться, но и намеренно обесценили их, давая понять, что мы в них больше не нуждаемся.

Приведу самый простой, я бы сказала, примитивный пример. В 60–70-е гг. прошлого века наши граждане, уверенные, что оставшаяся им в наследство от прошлых поколений старая добротная мебель — хлам и пережиток прошлого, выкидывали на свалку великолепные, зачастую антикварные предметы, втыкая на их

Л. П. Тихонов, В. М. Голод и И. В. Руднева на открытие выставки в Манеже

место однотипную полированную халтуру, «стенки», сделавшие все квартиры одинаковыми и безвкусными.

И вот, если бы неравнодушные люди, люди, обладающие немалым культурным багажом, не стремились даже в самые тяжелые годы собрать, сберечь, привести в порядок всё то, что по сути было зеркалом жизни прошлых поколений, мы лишились бы огромного пласта нашей национальной памяти.

В 1966 г. было создано Общество по охране памятников истории и культуры. Одной из его секций стала секция «Собирателей художественных коллекций», руководителем которой на протяжении многих лет была Валентина Михайловна Голод, ленинградский драматург-переводчик и знаменитый коллекционер. Секция объединила людей разных профессий, разного возраста, исповедующих активную гражданскую позицию. Они собирали свои коллекции не только и не столько потому, что от всего сердца любили искусство: их целью было сделать свои собрания открытыми и доступными для всех, чтобы граждане могли по-прежнему знакомиться с выдающимися произведениями искусства.

Делом своей жизни считал собирательство произведений русского искусства ученый-физик Александр Павлович Ковылов.

Репин, Айвазовский, Дубовской — трудно перечислить все жемчужины его прекрасной коллекции. Писатель-публицист Сергей Петрович Варшавский любил и собирал произведения искусства Востока: бронзу Монголии, фарфор Китая и Японии. Собрание артиста Мариинского театра Вячеслава Петровича Кузнецова не уступало экспозициям Музея этнографии. Резная кость и дерево — дивные ларцы и теремки Русского севера. Иосиф Моисеевич Эзрах завещал свою коллекцию Музею Большого Петергофского дворца. Это были шедевры мастеров Западной Европы и России: стекло и фарфор. Братья Яков Александрович и Иосиф Александрович Ржевские собирали и заботливо хранили великолепную старинную мебель и картины западноевропейских мастеров. Эти сокровища они оставили экспозиции Русского музея в Мраморном дворце. Математик, преподаватель одного из петербургских вузов Владимир Леонидович Фомин собирал картины и графику русских и зарубежных мастеров, русские книги и рукописи. Ольга Иосифовна Рыбакова собирала живопись и предметы прикладного искусства. Головин, Врубель, Нестеров, Рерих. После смерти Ольги Иосифовны ее коллекцию бережно хранит дочь — сотрудник музея Академии художеств Жозефина Борисовна Рыбакова.

Прекрасный человек и замечательный художник Владимир Александрович Покровский стоял у истоков советского кино. И при этом собирал бесценные иконы XVI–XIX вв., бережно хранил картины Врубеля, Рериха, Самохвалова, Тышлера, Дейнеки.

Неоценимым стал и вклад бессменного руководителя секции «Собиратели художественных коллекций». Под ее руководством выпускались каталоги и сборники статей, организовывались выставки, проходили тематические вечера. Знаменитая коллекция миниатюр, собранная Валентиной Михайловной, вызывала зависть во многих музеях страны. А в работе ее секции принимали участие многие известные искусствоведы: Марк Александрович Эткинд, Ирина Борисовна Чижова, Иосиф Александрович Бродский, Григорий Наумович Голдовский и другие.

До сих пор петербуржцы вспоминают выставки живописи в Манеже, прикладного искусства в залах Музея этнографии, выставку «Русский самовар» в музее «Смольный собор»,

организованную Андреем Андреевичем Лобановым. Эта выставка совершила триумфальное путешествие по городам России.

Эта самоотверженная, патриотическая работа продолжается и по сей день. И Общество охраны памятников истории и культуры по-прежнему играет в этой работе огромную роль. Да, сейчас отношение к нашему прошлому изменилось в лучшую сторону. И на общественном, и на государственном уровне. Но у всякой медали есть обратная сторона. После того, как произведения искусства некогда отвергаемого прошлого стали вновь ценить, после того, как люди осознали, что оказывается, всё это стоит немалых денег, возникла новая опасность: сокровища могли попросту разворовать и распродать, переправить «за бугор»...

И наличие в нашей стране Общества охраны памятников, оказывающего огромную поддержку отечественным собирателям, помогающего всё это богатство охранять и сберегать от расхищения, стало вдвойне неоценимым.

У нас впереди не меньше, а больше кропотливой, нелегкой, упорной работы. Юбилей Общества — лишь этап его долгого, полного труда пути. Будем работать дальше!

А. Н. Журавская

СТРЕЛЬНИНСКОЕ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОЕ ХОЗЯЙСТВО. СВЯЗЬ ВРЕМЕН

ОТВОЕВАННЫЙ Петром I в ходе Северной войны* со Швецией южный берег Финского залива, как нельзя лучше подходил для устройства садов и парков на литориновом** уступе. Идея Петра I создать на возвышении вдоль залива ожерелье великолепных дворцов и парков нашла свое воплощение и в Стрельне. Строительство парадной царской резиденции здесь началось в 1714 г. После нескольких пробных проектов разбивки парка за основу был взят проект известного французского архитектора Ж. Б. Леблон*** ученика А. Ленотра — создателя парка в Версале****, дополненный затем Н. Микетти^{5*}.

Перед южным и северным фасадом Большого Стрельнинского Каменного дворца^{6*} раскинулись два парка: Верхний — в английском пейзажном стиле и Нижний регулярный французский парк.

* Северная война (1700–1721) — между Швецией и коалицией североевропейских государств, в т. ч. Россией, за обладание прибалтийскими землями, закончившаяся поражением Швеции.

** Литориновый уступ — древний южный берег Литоринового моря (от названия моллюска *Littorinalittorea*), образовавшегося после последнего оледенения и некогда соединявшегося с нынешним Ладожским озером.

*** Жан-Батист Александр Леблон (1679–1719) — французский архитектор и мастер садово-парковой архитектуры, с 1716 г. и до конца своих дней — главный архитектор Санкт-Петербурга, автор Генерального плана 1717 г. и «образцовых» домов в Петербурге.

**** Андре Ленотр (1613–1700) — французский ландшафтный архитектор, придворный садовод Людовика XIV. Ленотр считается признанным создателем системы французского регулярного парка, господствовавшей в Европе до середины XVIII в.

^{5*} Никола Микетти (1675–1759) — итальянский архитектор, работавший в Риме и Санкт-Петербурге. В 1719–1723 гг. был главным придворным архитектором всех строительных работ в Петербурге и его пригородах.

^{6*} Уточнение «каменный» существовало с начала строительства дворца, так как, в западной части парка по воле Петра I в 1716 г. был построен деревянный путевой дворец, который бережно сохранился, с небольшими перестройками дошел до наших дней, и ныне является музеем.

Дворец и парк в первой половине XIX в. (1848 г.). Северный фасад

Нижний — один из самых старых парков XVIII в. после Летнего сада.

Но, к сожалению, замысел о создании «русской Версалии» Петр I так и не успел осуществить. Стрельне не суждено было стать парадной резиденцией русских императоров. Этому мешали финансовые трудности и географические особенности места. После кончины императора Стрельнинское имение до конца XVIII в. продолжало, в основном, существовать как большое придворное оранжерейно-садовое хозяйство, снабжавшее различными овощами и фруктами императорский стол в Петербурге, а также приносившее доход от продажи всего выращенного.

В 1797 г. после пожалования Стрельны императором Павлом I в собственность сыну, великому князю Константину Павловичу*, имение превратилось в великокняжескую загородную усадьбу. Новый владелец бывал здесь нечасто, так как много времени

* Константин Павлович (1779–1831) — великий князь, российский цесаревич. Генерал-адъютант, командир Гвардейского корпуса, генерал-инспектор всей кавалерии. На протяжении 16 дней, с 27 ноября по 13 декабря 1825 г., признавался Императором и Самодержцем Всероссийским Константином I, хотя на престол не вступил и не царствовал.

проводил в военных походах. Садовым хозяйством занимался в Стрельне Г. И. Энгельман. П. П. Свиньин так писал о его деятельности: «... „В теплицах... г. Энгельман делал опыты взращивать ананасы, дыни, арбузы, ранние огурцы и другие овощи посредством паров; плоды были очень сочны, ..., имели приятный вкус, особенно ананасы»*.

После кончины Константина Павловича в 1831 г. Стрельнинское имение перешло к новому владельцу, его племяннику великому князю Константину Николаевичу**. Садово-оранжерейное хозяйство продолжало успешно работать и развиваться. Так, уже в марте 1832 г. к продаже предлагались «персики, абрикосы, слива-венгерка, белые сливы, виноград, огурцы..., земляника в горшках»***. А в июле этого же года из оранжерей продавались большое количество «испанских вишен, малины, крыжовнику, смородины черной, красной и белой, клубники и яблоков...»****. Согласно указа Департамента уделов Министерства императорского двора, садовый мастер получал 10% от сумм за продажу выращенного в садах и оранжереях*. Таким образом, он имел прямую выгоду от качества и количества произведенной и проданной продукции сада и оранжерей. Кроме продукции парников и оранжерей продавались и сенокосные травы. 9 сентября 1836 г. смотритель дворца пишет рапорт в Министерство императорского двора: «Поступившие от полкового квартирмейстера лейб-гвардии Конного полка... за купленную... для означенного полка из Стрелинских садов и лугов на скос нынешним летом траву, деньги тысячу рублей десять копеек при сем в Департамент Уделов честь имею представить»**.

* Свиньин П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1816. С. 64–66.

** Константин Николаевич (1827–1892) — великий князь, генерал-адмирал, второй сын императора Николая I. С 1865 г. — Председатель Государственного совета. С 1855 по 1881 г. управлял Морским министерством. С 1860 по 1861 г. — председатель Комитета по отмене крепостного права. Похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в Петербурге.

*** РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2397. Л. 2, 9.

**** РГИА. Ф. 495. Оп. 2. Д. 1762. Л. 176, 32, 35.

* РГИА. Ф. 495. Оп. 2. Д. 1762. Л. 6.

** РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2286. Л. 16.

Обрабатывались Стрельнинские сады наемными садовниками и руками крестьян, приписанных к великокняжеской мызе. Из отчета по Стрелинскому дворцовому ведомству с 1.01. по 1.05.1832 г. мы видим, что приход, за проданную из Стрелинских садов продукцию составляет 15911 руб. 99 коп. Расход по имению — 16 558 руб. 75 коп.*. Таким образом, благодаря трудам садовых мастеров содержание дворцово-паркового хозяйства было фактически на самоокупаемости.

Поддержание в порядке дворцово-паркового хозяйства было одной из обязанностей придворного архитектора Х. Ф. Мейера**. Перед нами выписка из сметы ремонтных работ архитектора Мейера от 14 апреля 1837 г., в которой намечаются работы: «...по оранжереям и фруктовому саду..., по цветочному саду...»*** и другим постройкам. Ремонтные работы продолжались полтора года и 5 ноября 1838 г. смотритель майор Михайлов рапортует в Департамент уделов об окончании архитектором ремонтных работ «по дворцу и зданиям к нему принадлежащих, по оранжереям, садам и прочим местам...»****.

По достижении совершеннолетия великим князем Константином Николаевичем и вступлении им в 1848 г. во владение Стрельной в имении проводятся масштабные ремонтные работы. 13 сентября 1854 г. садовым мастером становится Франц Рук, благодаря которому во второй половине XIX в. Стрельнинские сады и оранжереи получают новую жизнь. Благодаря его усилиям, садовое хозяйство Стрельны «стояло в числе лучших садоводств Империи и даже смело могло претендовать на очень видное место среди европейских садоводств... Он энергично принялся за составление коллекций из всевозможных редких в то время расте-

* РГИА. Ф. 495. Оп. 2. Д. 1850. Л. 2, 3, 5, 7.

** Христиан Филиппович Мейер (1789–1848). С 1817 г. и до последних лет жизни занимался составлением проектов и производством построек по всем имениям Удельного ведомства, в котором с 1819 г. служил архитектором. По его проекту был приведен в порядок (с изменениями) Путьевой дворец Петра I, перестроены мосты в Стрельне и кузница. В 1848–1850 гг. по его проекту был построен конюшенный комплекс. Также много он строил в Красном Селе.

*** РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2280. Л. 12, 14 об.

**** РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2398. Л. 45.

ний... Ежегодно выписывалось все, что только появлялось нового в Западной Европе»*.

Последним владельцем Стрельнинского имения был младший сын Константина Николаевича великий князь Дмитрий Константинович. При нем, и во многом, благодаря его заботам, в Стрельне с 1896 г. работала школа садоводства, которая готовила специалистов для всего северо-запада России.

После революционных событий 1917 г. жизнь Стрельны коренным образом изменилась. Принадлежавшие Константиновичам дворцы и парки, в том числе Стрельнинский, были национализированы. Размещение здесь различных организаций привело к разрушению единой системы садового хозяйства. После Великой Отечественной войны парк с садом, его парники и оранжереи были утрачены. В 1951 г. Исполкомом Ленгорсовета было принято решение «о восстановлении Константиновского парка в поселке Стрельна, являющегося памятником русской культуры XVIII века»**. Но даже в 1956 г. Стрельнинский парк еще находился «...в запущенном состоянии. Каналы давно не очищались и превратились в болото и рассадник комаров...»***. Только в 1957 г. были проведены первоочередные работы по расчистке парка и каналов. В конце 1960—начале 1970-х гг. были частично проведены работы по очистке дна и укреплению берегов каналов. В 1974 г. Управлением дворцово-паркового хозяйства и зеленого строительства Ленгорисполкома была подготовлена техническая документация на ремонт Стрельнинского парка и составлена смета. Реставрационные работы должны были включать в себя очистку прудов, приведение в порядок мостов, восстановление каналов и прокладку водопровода вдоль дороги. В ходе реставрационных работ 1970–1980-х гг. в парке были отремонтированы дорожки, выровнены откосы каналов, сделаны шаги по возвращению исторической планировки площадок (однако их историческая конфигурация не была соблюдена). Сам же зеленый массив был почти

* Кичунов Н. И. Стрельнинское дворцовое садоводство и Стрельнинская дворцовая школа садоводства // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1908. № 2. С. 58–60.

** Бюллетень. 15 марта 1951 г.

*** Ленинградская правда. 13 июля 1956 г.

полностью вырублен: архитекторы ЛенНИИпроекта пошли по пути радикальной замены. При этом были удалены все деревья, как старые и больные, так и молодые, и здоровые. Были сохранены сосны на Петровском острове, по легенде являющиеся потомками сосен петровского времени, а также деревья на побережье залива, и три старых дуба на восточном газоне перед дворцом. На месте снесенных деревьев высадили молодые липы. До начала 1990-х гг. парк обслуживало садово-парковое хозяйство Петродворцового района, а затем началось десятилетие бесхозности и разрушения.

И только в XXI в. Стрельнинскому или, как его стали называть, Константиновскому, дворцово-парковому ансамблю был возвращен статус, заложенный еще императором Петром I — государственной парадной резиденции. На его основе был создан Государственный комплекс «Дворец конгрессов». С декабря 2001 по май 2003 г. Стрельнинский парк, ставший территорией государственного комплекса «Дворец конгрессов», был восстановлен в соответствии с планами архитекторов XVIII века. Благодаря проведенной реконструкции дворцово-парковому ансамблю удалось вернуть черты, заложенные великим реформатором. Если дворец был восстановлен на XIX век, то парку был возвращен регулярный стиль XVIII века. Автором проекта реставрации парка являлась Н. В. Башинская («АСМ» — Архитектурная студия Михайлова). В результате проведенных работ была произведена общая схема композиции, а главное — по проектным чертежам Николо Микетти из коллекции Ф. Берхгольца* были воссозданы партеры перед дворцом.

Сейчас основной древесной культурой Нижнего парка является липа мелколистная и липа шпалерная**. В 2002 г. было высажено 30 тыс. лип, а также каштаны, а в 2006 г. впервые появилась туя. Живые изгороди образует кизильник. В центральной части

* Фридрих Вильгельм Берхгольц (1699–1765) — голштинский дворянин, в течение многих лет в детстве и юности живший в Российской империи, где его отец Вильгельм был генералом на императорской службе, и известный благодаря подробному дневнику о пребывании в России, который он вел в 1721–1725 гг. Дневник Берхгольца позволяет восстановить картину придворной жизни на исходе царствования Петра Великого.

** Шпалерная липа — это кустовая форма липы мелколистной, достигаемая стрижкой побегов.

Центральный канал и восточный партер Нижнего парка.
Фотография 2016 г.

парка высажены ель обыкновенная, клен остролистный, каштан конский, липа мелколистная, шпалерная мелколистная липа. В северной части парка высажены в 2004 г. вяз гладкий, дуб черешчатый, липа мелколистная, сосна кедровая, сосна обыкновенная, дерен белый, жимолость татарская, калина обыкновенная, роза колючейшая, несколько видов спирей, форзиция гибридная, кизильник блестящий*. В Нижнем парке высажена липа мелколистная и шпалерная.

В 2005–2006 гг. впервые в Нижнем парке, а также в оформлении плаца было высажено два вида туи — западная «Globosa» (шарообразная) и туя западная «Brabant». У плаца, вдоль Центрального канала и дорожек высажен кизильник блестящий. Его название происходит от характерно блестящих листьев, растение хорошо поддается стрижке и идеально подходит для живых изгородей. В партерах обновлены посадки двух видов барбариса — барбарис обыкновенный и барбарис Тунберга. По периметру северных партеров и на круглых площадках среди цветов высажена спирея японская — низкорастущий кустарник с желтыми листьями. У прямоугольного (восточного) пруда и в прибрежной зоне

* Выписка из посадочной ведомости 2004 г.

Современный вид боскетов Нижнего парка. 2015 г.

высадили 22 ивы сорта «ива белая». Также в прибрежной зоне высажены: клен Гиннала (кустовой) и бархат амурский.

Цветы на клумбах северных партеров Нижнего парка представлены летниками и многолетниками, такими, как розы, тюльпаны, ирисы, в других цветниках — виолы разных цветов, петунии, астильба, хоста, бегонии и др. В 2006 г. по утвержденному проекту было высажено 60 тыс. цветов. Это виола (синего, красного, белого цвета), цинерария морская, лобелия, тагетус, петуния гибридная, бегония, иризина, агератум, антирурринум, розы*.

При формировании цветника сначала делается металлический шаблон, который укладывается на землю для последующих работ.

На террасе парка высажено 90 европейских елей. По периметру парка — «зеленый экран» — так называются посадки вдоль ограждения парка. Они предназначены для защиты от просматриваемости территории. Для создания «зеленого экрана» использованы 5 видов елей и пихта. Такого количества елей (имеется в виду — такого возраста и размера) нет ни в одном питомнике не только России, но и Европы.

Неотъемлемой частью французского парка является скульптура. По проекту Ж. Б. Леблona пространство ансамбля должен

* Выписка из посадочной ведомости 2006 г.

Панорама дворцово-паркового ансамбля во время проведения саммита G-20. 2013 г.

было быть насыщено скульптурой на темы античной мифологии и аллегорий. Но эти планы не были реализованы, и в XVIII–XIX вв. в Нижнем парке садовой скульптуры не было. Поэтому, современное скульптурное убранство Константиновского дворцово-паркового ансамбля не является исторической реконструкцией. Сегодня Нижний парк украсили скульптуры, традиционные по сюжету для исторических дворцово-парковых ансамблей Санкт-Петербурга и его пригородов.

В 2002 г. в Нижнем парке было сделано 4 больших фонтана, в 2006 г. к ним прибавились еще 4 малых, и на сегодняшний день в парке 8 фонтанов. Современные фонтаны Стрельнинской резиденции имеют механическое устройство.

Восстановлена гидросистема парка и мосты через каналы. Расчищены пруды, реки и каналы, берега их одеты камнем. Устроена система шлюзов, и теперь с залива через каналы можно подойти к дворцу, у стен которого устроен причал, как это было задумано, но не осуществлено Петром I.

На сегодняшний день восстановленный Нижний парк Константиновского ансамбля — один из первых регулярных парков России, и его возрождение — своего рода памятник одному из самых грандиозных замыслов императора Петра Великого, который хотел устроить здесь государственную резиденцию, достойную величия России.

Е. В. Нестерук

ОСОБНЯК ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ДОЛГОРУКОВОЙ
(ЛИТЕЙНЫЙ ПР., 14/1)

На углу Литейного и Фурштатской улицы разместился обширный особняк, своим строгим фасадом отсылающий нас к середине XIX в. Удивительным образом дом практически не изменился с момента своей постройки (1843–1844, архитектор А. И. Низовцев)*. Тот же мерный ряд высоких прямоугольных окон прерывается только в середине фасада по Литейному проспекту: три арочных окна объединяют балкон, сохранивший свои чугунные кронштейны и часть литого ограждения. Интересна формулировка справки, выданная нынешним владельцам особняка: «Предметами охраны являются объемы и проемы». К счастью, надстройка в наше время третьего этажа практически не изменила силуэт, так как сделана со значительным отступлением от края крыши. Несмотря на то, что особняк двухэтажный «на высоких подвалах», он не потерялся среди соседних доходных шести- и семиэтажных домов, благодаря пропорции высоких окон, увеличивающих его масштаб.

История этого участка, как почти всегда в Петербурге, уходит к основанию города и содержит немало интересных фактов. Так, уже на плане Зигхейма 1738 г. на интересующем нас участке есть несколько деревянных строений. Первым известным нам владельцем был в 1780–1790-е гг. серебряных дел мастер И. Г. Блом**. А затем в 4-м квартале Литейной части под № 502 «мая 30-го дня 1808 года» бронзовый мастер Валтер просит дозволения построить «на лицо деревянное на каменных жилых погребях здания, а во дворе деревянное без фундамента»***. Иоганн Валтер обязуется закончить строительство в 1809 г. Известно, что в 1826–1827 гг. домом владел майор Сергей Васильевич Татищев****.

* Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 228.

** Дубин А. С. Фурштатская улица. М., 2005. С. 14.

*** ЦГИА СПб. Ф. 823. Оп. 1. Д. 172. Л. 38 об., 39.

**** Дубин А. С. Фурштатская улица. М., 2005. С. 14.

План Ф. Ф. Шуберта 1828 г. демонстрирует, что участок в это время застроен практически полностью по периметру, свободными остаются небольшой двор и проезд со стороны Литейного проспекта.

Как выглядела Литейная часть в это время, хорошо отражают акварели Ф. Ф. Баганца. С трогательным миром Литейной части 1840–1860-х гг. знакомит нас книга «Петербург неузнаваемый»*. Очевидно, в таком виде в 1843 г. участок и приобретает Варварой Васильевной Долгоруковой, женой гвардии ротмистра и дочерью обер-штальмейстера двора Василия Васильевича Долгорукова.

Проект особняка супруги Долгоруковы заказали архитектору А. И. Низовцеву. В Фонде Петроградской городской управы находится дело о построении «2-х этажного каменного дома жены гвардии ротмистра княгини Долгоруковой под номером 2 и 11 по Литейной улице»**. Первый проект был высочайше утвержден 18 июля 1843 г. Затем последовали переделки, заключавшиеся в еще более строгом оформлении фасада. Так, например, были убраны пальметты над окнами второго этажа. Второй проект высочайше утвержден 15 мая 1844 г.***

Чета Долгоруковых: сама княгиня Варвара Васильевна (1816–1866) и ее муж Владимир Андреевич (1810–1891; будущий генерал-губернатор Москвы с 1866 г.) в особняке не жила.

Уже в 1847 г. участок с домом перешел во владение Его Светлости князя Бориса Дмитриевича Голицына (1819–1878), для которого архитектор П. С. Садовников (бывший крепостной бабушки владельца — легендарной княгини Натальи Петровны Голицыной) оформил интерьеры****. Здесь он жил с женой княгиней Екатериной Васильевной (урожд. Левашовой, 1826–1853), очевидно, в этом доме росли их дети — Евдокия (в замужестве Шереметева, 1848–1910), Татьяна (1849–1850), Дмитрий (1851–1920).

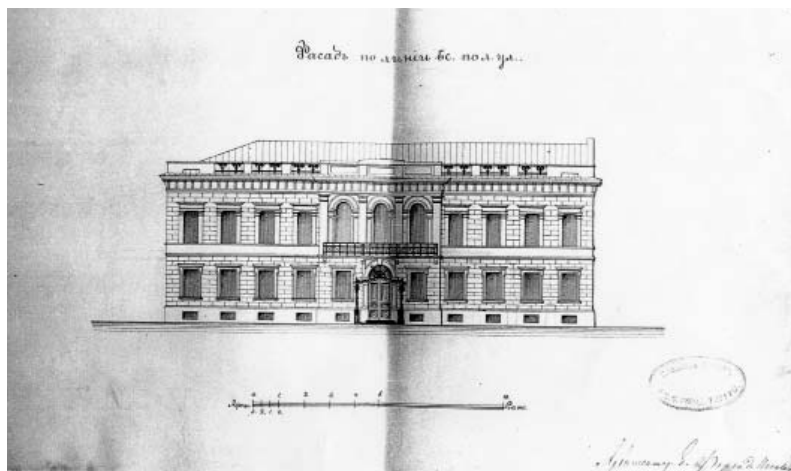
После смерти жены в 1853 г. князь Голицын продает дом графу Карлу Васильевичу Нессельроде (1780–1862), бывшему министру иностранных дел.

* Петербург неузнаваемый в акварелях Ф. Ф. Баганца / сост. А. М. Павелкин. СПб., 2005.

** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4507.

*** Там же. Л. 1–2.

**** Там же. Л. 8–9.

Е. И. Ферри де Пиньи. Фасад дома по Литейному проспекту. 1856.
ЦГИА СПб

Уже в 1856 г. для него архитектор Е. И. Ферри де Пиньи производит незначительные переделки интерьеров. Кроме того у парадного входа по Литейному проспекту появляется «зонтик», опирающийся на колонки из чугуна*.

В 1872 г. сын бывшего канцлера Дмитрий Карлович Нессельроде продает дом князю, генерал-лейтенанту Александру Ивановичу Шаховскому (1822–1891). В это время он женат второй раз на Ольге Александровне (урожд. Озеровой; 1848–1924). Для них архитектор А. А. Бравура переделывает парадную лестницу и пробивает дополнительный вход с Фурштатской улицы, устраивая над ней «фонарь» для естественного освещения**. Парадная лестница с Литейного проспекта становится трехмаршевой, изменяется рисунок ограждения. В 1886 г. под ротондой на первом этаже устраивается колорифер, и отопление залов лицевого дома производится с помощью теплого воздуха. В связи с этим в залах устанавливаются латунные вентиляционные решетки удивительных рисунков.

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4507. Л. 20–21.

** Там же. Л. 41 об.

Владельцы дома обычно занимали квартиру № 1, состоящую «из чистых 29 комнат в бельэтаже, в антресолях 16, в подвале 7 комнат», а также конюшни во дворе на 6 стойл, каретный сарай, ледник общий с арендаторами*.

Квартиру на первом этаже (№ 2) в разное время арендовали такие известные люди, как князь Григорий Григорьевич Гагарин, ставший вице-президентом Академии художеств после выхода в отставку с военной службы. По этому адресу он жил в 1850–1860-е гг. Квартира состояла из «10 чистых комнат в первом этаже, 7 в подвале», к ней же относились конюшни на 6 стойл, каретный сарай и отдельный винный погреб**. На Кавказе князь служил с М. Ю. Лермонтовым (одна из картин написана ими совместно: «Эпизод сражения при Валерике»), был дружен с К. Брюлловым и Ю. Соллогубом.

С 1872 г. эту же квартиру занимал Михаил Павлович Тучков, генерал-лейтенант, участник Крымской войны.

В 1886 г. князь Шаховской, испытывая материальные затруднения, переезжает в квартиру первого этажа, а свою, включающую главные парадные помещения второго этажа, сдает внаем князю Борису Сергеевичу Щербатову.

В 1889 г. Шаховской вынужден продать дом по купчей крепости от 15.03.1889 г. купцу Александру Дементьевичу Иванову***, содержавшему магазин золотых и бриллиантовых изделий на Невском проспекте****. 15 марта 1900 г. имущество переходит во владение его вдовы, Ксении Тарасовны*. Только она выплачивает все долги князя Шаховского Городскому Кредитному обществу**.

После ее смерти во владение вступили, так называемые, «наследники Тарасовой», по-прежнему сдававшие помещения внаем. Так, в 1916–1917 гг. квартиру № 1 (2-й парадный этаж) снимала семья бывшего виленского генерал-губернатора, сенатора Дмитрия Николаевича Любимова, чья жена Людмила Ивановна (урожд. Туган-Барановская) стала прототипом княгини Веры

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2920. Л. 5.

** Там же.

*** Там же. Л. 78.

**** Справочная книга о купцах гор. С. Петербурга. 1896. СПб., 1896. С. 34.

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2920. Л. 84.

** Там же. Л. 87.

Парадная лестница

из «Гранатового браслета» А. И. Куприна, с которым семья Любимовых была в дружеских отношениях, и который, возможно, бывал у них в этой квартире.

После революции дом был разделен на коммунальные квартиры. На одном из прекрасно оформленных листов плана дома XIX в. криво, непрофессионально намечены границы предполагаемых комнат и квартир. Отделка интерьеров, конечно же, пострадала, но наибольшие потери были нанесены после расселения дома в 1974 г., когда здание оставалось без отопления и должной охраны в течение нескольких лет.

К счастью, в еще не расселенном доме сотрудниками КГИОП были сделаны обмеры и описи оставшихся деталей интерьера*. Опись фиксирует наличие сохранившейся лестницы из путиловского камня с металлическими перилами из ажурных звеньев, пол из метлахской плитки трех видов, перекрытия лестницы со световым фонарем в форме шатра. Стены лестницы рустованные, на втором этаже имеют ордерное членение пилястрами с компо-

* Архив КГИОП. Ф. 649. Пр-1.

зитными капителями. Интерколумнии разделены профилированными тягами на панно, а краска первоначально была светлая охристая под мрамор. Над зеркалом находилась флорентийская мозаика с портретом девушки, которая позднее была передана в ГМИ СПб*.

В угловой комнате второго этажа, библиотеке, сохранялись живописные полихромные вставки в характере 30–40-х гг. XIX в. Одна из них была утрачена в феврале 1978 г., остальные переданы на временное хранение в ГМИ СПб. Там же находился средистенный резной камин из белого мрамора (осталась часть верхней плиты): верхний ярус терракотовый, окрашенный, с глубокой нишей (эта часть сохраняется до сих пор), в которой ранее было установлено зеркало.

В следующей комнате (гостиной) сохранялась лепка в виде панно с фигурами путти, в верхней части стен — орнаментальный фриз. В танцевальном зале еще оставались фрагменты паркета маркетри из нескольких пород дерева (ныне не существует), на перекрытии и стенах — фрагменты лепки растительного характера в стиле барокко. Латунные приборы окон и мраморные подоконники в 1974 г. еще не утраченные ныне отсутствуют во всех помещениях.

Комната-ротонда образована выступом внутренней стены и также сохранила лепные элементы в готическом стиле, ранее окрашенные в яркие насыщенные цвета (зеленый, бордовый, коричневый). Это, должно быть, создавало иллюзию беседки. Под центральным окном находился камин черного мрамора, ныне утраченный. На месте этого окна — дверь, ведущая в театральный зал, созданный в 1990-е гг. и занимающий пространство двора.

Помпейская гостиная или приемная, не имеющая окон, освещалась верхним светом (световой потолок заложен). Частично сохранялась роспись в «помпейском» стиле, воспроизведенная реставраторами в соответствии с расчистками. За помпейской гостиной находится довольно обширный зал, увеличенный после реставрации на одну ось. Именно здесь в углах находились бронзовые вентиляционные решетки в виде танцующих путти, а кес-

* Архив КГИОП. Ф. 649. П. 3339.

сонированный потолок украшают барельефы, фриз заполнен путти, играющими с собаками и козочками. Все лепные детали изготавливались путем отливки по сохранившимся фрагментам.

Самая интересная находка была сделана в бывшей столовой. Кроме того, что сохранился подлинный деревянный кессонированный потолок, а также частично витражи окон, в замурованной нише камина реставраторы нашли части облицовки камина из светлого известняка (XVI век, Италия). Найденные фрагменты давали возможность полностью воссоздать облицовку камина. Фриз представляет собой трехчастную барельефную композицию. «В центре — герб в картуше с изображением льва, стоящего на задних лапах, и замка с двумя башнями и одноглавым орлом над ним. По сторонам герба — симметричное изображение гиппокампов и аллегорических женских фигур, опирающихся на колонну. За ними — изображение разнобращенных путти, сидящих на гиппокампах. Обрамление топочного отверстия по бокам в виде больших консолей с горельефными фигурами путти»*.

Это ценное произведение прикладного искусства было передано в музей-заповедник «Ораниенбаум» в 1994 г.**. Мною была предпринята попытка отыскать камин непосредственно в Ораниенбауме. В архиве Петергофа есть письмо о том, что «...камин необходим для интерьеров Большого Меншиковского дворца»***. Прием-передача были проведены 7 декабря 1994 г.**** К сожалению, дальше след теряется. Инвентарный номер отсутствует, никто из хранителей, искренне пытавшихся помочь, искомого объекта не хранит. Предположительно (без указания документов), он мог быть передан в Гатчину, когда Ораниенбаумский заповедник соединился с Петергофом. Так что детективная история продолжается...

Первый проект реставрации особняка был заказан Ленинградским городским трестом ресторанов и кафе для приспособления здания под ресторан⁵*. Проектные работы выполнял институт «Гипрогор». Начавшаяся реставрация не была доведена

* Архив КГИОП. Ф. 649. Вх. № 279.

** Там же.

*** Архив ГМЗ Петергоф. Ф. 23. Оп. 5. Д. 216.

**** Архив ГМЗ Петергоф. Ф. 23. Оп. 5. Д. 305. Арх. № 50.

⁵ Архив КГИОП. Ф. 649. Вх. № 713.

Фрагмент фриза и консоли камина. ГМЗ «Петергоф»

до конца. В 1990-е гг. особняк был продан частным лицам. После реставрации в особняке открылся «Дворец Олимпия», в котором первоначально располагалось казино с концертным залом, устроенном на месте внутреннего двора. Клуб «Олимпия» занимает здание до сих пор. Сейчас в концертном зале особняка прохо-

дят торжественные мероприятия, концерты, спектакли. Старый особняк живет новой жизнью!

Р. С. Пока сборник готовился к печати, итальянский камин все-таки удалось найти. Он находится в музейных хранилищах ГМЗ «Петергоф», в фонде «Исторические фрагменты». И действительно, камин был разбит, но складывается впечатление, что восстановить его возможно. Путти, являющиеся консолями, несущими фриз, пострадали мало. Сам фриз, к сожалению, расколот на более мелкие фрагменты. Изображение на фризе еще разнообразнее, чем это было описано в документах, подготовленных для передачи камина в ГМЗ «Ораниенбаум» в 1994 г.

Большое спасибо сотрудникам, с которыми мы собрали фрагменты в почти единое целое и произвели фотофиксацию. Это музейные хранители М. Ю. Левинская (фонд «Исторические фрагменты») и Н. Ю. Хадеева (фонды «Скульптура» и «Скульптура Ораниенбаума»). А также большое спасибо И. П. Беляевой — хранителю фонда «Скульптура» ГМЗ «Гатчина», которая помогла мне в этих поисках.

ГОРОДСКИЕ ВОРОТА ОРАНИЕНБАУМА

Каждаго приезжающего в Ломоносов встречает красивое и величественное здание — арка Городских ворот Ораниенбаума, построенная в строгом классицистическом стиле. Судьба Городских ворот Ораниенбаума уже многие годы волнует жителей города, обеспокоенных тем, что завершение реставрации и достойное использование одного из старейших зданий в историческом центре Ломоносова, до сих пор остается нерешенной проблемой.

Первые городские ворота в Ораниенбауме были построены при въезде в дворцовую слободу со стороны Санкт-Петербурга в 1762 г. по проекту П. Ю. Патона в виде центральной арки и пристроенных к ней невысоких флигелей.

После завершения Отечественной войны 1812 г. в Ораниенбауме началось активное и уже регламентированное строительство, с 1815 г. под руководством архитектора В. П. Стасова город стал расширяться и старые городские ворота оказались внутри городской черты. Начало эпохи Николая I в Ораниенбауме в 1826–1829 гг. было ознаменовано разбором старых и строительством новых городских ворот по проекту архитектора Алексея Максимовича Горностаева (1808–1862), который в то время только начинал свой творческий путь и работал в стиле классицизм.

В творчестве А. М. Горностаева были еще одни триумфальные ворота, которые были возведены в 1830 г. — Московские ворота в Царском Селе.

Работу по строительству Городских ворот Ораниенбаума продолжил архитектор Иосиф Иванович Шарлемань 1-й (1782–1861), автор многих зданий в Петергофе.

Архитектор А. М. Горностаев впоследствии стал известен как автор проектов храмов в русско-византийском стиле, в частности — возведенного в 1859 г. и сохранившегося до наших дней храма Святого Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Пустыни (Стрельна). На кладбище Пустыни сохранилось и захоронение

Городские ворота в Ораниенбауме. Фотография Е. В. Ролич, 2014 г.

архитектора А. М. Горностаева, с памятником в виде большого вырезанного из камня креста, древней формы, на котором изображены постройки архитектора.

Проект Ораниенбаумских ворот предусматривал два двухэтажных караульных помещения, соединенных аркой с полукруглыми окнами на втором ярусе. В 1930-х гг. караульные помещения охраны превратили в гараж, позже были сделаны сквозные проходы, еще памятные жителям Ломоносова.

В годы Великой Отечественной войны в осажденном Ораниенбауме создавались линии оборонительных укреплений. Дорога из Петергофа в Ораниенбаум была перекрыта рядами бетонных противотанковых надолбов. Такая заградительная линия была и у Городских ворот. От нее до наших дней сохранилось четыре бетонных противотанковых надолба — память о героической обороне Ораниенбаумского плацдарма.

В 1998 г. под руководством архитектора-реставратора Дмитрия Александровича Бутырина были начаты работы по комплексной реставрации ворот. Проект был разработан в точном соответствии с первоначальным замыслом архитектора. Новым решением стало отведение проезжей магистрали в объезд памятника,

Городские ворота.
Рельефы арматуры
на западном
фасаде. Фотография
Е. В. Ролич, 2012 г.

как единственный путь сохранения здания и обеспечения пропускной способности Дворцового проспекта. Интересным был замысел «театрализации» пространства вокруг ворот — проектировщики предлагали построить полосатую деревянную караулку, шлагбаум и декоративную стойку для винтовок, характерные для первой половины XIX в. Внутреннее пространство ворот (около 200 кв. м) предполагалось организовать таким образом: на первом и втором этажах предполагалась небольшая музейная экспозиция, посвященная истории Ораниенбаума во время Отечественной войны 1812 г., откуда лестницы вели на третий этаж, где могла расположиться небольшая экспозиция, освещаемая окнами, врезанными в крышу.

Капитальные реставрационные работы по фундаменту, стенам, кровле, перекрытиям были выполнены полностью. Были заложены проходы и восстановлены помещения караулок, в точности в соответствии с линиями кирпичной кладки, обнаруженными в ходе реставрации. Работы остановились на этапе изготовления дверей, специально спроектированных по авторским рисункам. Эти двери предполагалось изготовить из дуба.

По старинным фотографиям был восстановлен оригинальный рисунок рельефных вставок в верхней части ворот — изображение военной арматуры, символа победы. Но во время работ возник вопрос об удешевлении, и были установлены рельефы, выполненные в 1950-х гг., приблизительно напоминающие оригинальные, но не точно их воспроизводящие. Проект предполагал

покрытие кровли медными листами, что было выполнено, но листы были незамедлительно похищены, прямо с реставрируемого памятника, и затем восполнены кровельным железом.

Проект реставрации предполагал восстановление над воротами, со стороны Санкт-Петербурга, герба Ораниенбаума, что было выполнено в точности, а на западном фасаде, со стороны Ломоносова, восстановление надвратной иконы Богоматери, оберегавшей город Ораниенбаум, но вместо нее был установлен стандартный декоративный элемент — львиная маска.

Именно в таком виде проект реставрации был одобрен художественным советом города и Государственной инспекцией охраны памятников. Целью реставрации было возвращение воротам облика, максимально приближенного к тому, как выглядели ворота в 1830-х гг.

Сегодня, по действующему федеральному закону «Об объектах культурного наследия», Городские ворота имеют статус памятника истории и культуры федерального значения.

В 2015 г. при въезде в Ломоносов, на уступе, установлена памятная стела «Ломоносов — Город Воинской Славы», посвященная героическому военному прошлому Ораниенбаума. К стеле ведет широкая гранитная лестница. Современная архитектурная композиция идейно объединена с Городскими воротами.

С 90-х гг. прошлого века и до сегодняшнего дня проблемы сохранения памятника «Городские ворота» всё те же: пустующие внутренние помещения, отсутствие поддерживающего ремонта, обветшание, теряются немалые бюджетные средства уже вложенные в реставрацию. В программу подготовки к празднованию 300-летия Ораниенбаума в 2011 г. был включен вопрос о завершении реставрации Городских ворот, передаче здания в оперативное управление СПбГБУ «Краеведческий музей города Ломоносова» для создания музейной экспозиции «Воинская Слава Ораниенбаума». Но данное административное решение выполнено лишь частично. Здание было передано в оперативное управление, однако реставрация помещений и приспособление ворот под музейную экспозицию не были выполнены.

Список использованной литературы

1. Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2001.
2. Курбатов В. А. Стрельна и Ораниенбаум. Л., 1925.
3. Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Пригороды Ленинграда. Л., 1985.
4. Москвич Г. Г. Петроград и его окрестности. Иллюстрированный путеводитель., СПб., 1915.
5. Путеводитель по дачным окрестностям г. Петербурга на 1903 год. СПб., 1903.
6. Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889 (Репринтное издание. СПб., 1994).
7. Ролиг Е. В. Ворота в Ораниенбаум // Балтийский луч. 2007. № 20.
8. Ролиг Е. В. Ворота в Ораниенбаум // Петергофский вестник. 2007. № 30.
9. Столпянский П. Н. Петергофская перспектива. Исторический очерк. СПб., 1923.

Л. Ю. Сапрыкина

ОСОБНЯК СЛЕПЦОВА
НА БОЛЬШОЙ КОНЮШЕННОЙ УЛ., 9

ЗАСТРОЙКА участка, на котором расположен дом, сформировалась еще в середине XIX в. В конце века он принадлежал Татьяне (Антуанетте) Эрнестовне Сильванской, урожденной баронессе Люцероде. Ее дед по отцу — барон Карл Теодор Люцероде, саксонский посланник в России в 1832–1840 гг., был в дружеских отношениях с А. С. Пушкиным. Отец — Эрнест Лютар Люцероде, барон, камергер; мать — Софья Петровна Норова. Роды Норовых и Люцероде оставили заметный след в истории российского общества. Т. Э. Люцероде вышла замуж за Константина Степановича Сильванского, камер-юнкера двора Его императорского величества, статского советника.

Сильванский — выпускник Александровского лицея, служил в МВД. Член комитета по строительству храма архистратига Михаила в Каннах; награжден орденами Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени, иностранными знаками отличия. Дослужился до чина действительного статского советника, имел звание камергера Высочайшего Двора.

Степан Иванович Сильванский (отец К. С. Сильванского) в 1821 г. окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию со степенью лекаря. За отличие в науках был награжден серебряной медалью и командирован в лейб-гвардии Семеновский лазарет, а через два года переведен штаб-лекарем Кавалергардского полка; в 1827 г. выдержал экзамен на доктора медицины. Участник Русско-турецкой кампании, имел серебряную медаль и к 1853 г. дослужился до чина действительного статского советника. Был определен чиновником особых поручений при Министерстве государственных имуществ, награжден орденами Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени. Происходил из дворян, в духовном звании состоящих; владел имением, не родовым, а благоприобретенным. Был женат на дочери коллежского советника Елене Константиновне Астромовой

и имел детей: Константина (10.11.1852) и двойню — сына Сергея и дочь Юлию (01.04.1853)*.

Участок с каменным двухэтажным домом на Большой Конюшенной в 1881 г. по духовному завещанию перешел к Т. Э. Сильванской от Татьяны Семеновны Норовой, вдовы ее дяди, Петра Дмитриевича Норова. В доме проживало около 30 человек, имелась портерная лавка, прачечная, которую через год переделали под слесарную мастерскую. В 1898 г. Сильванские перестроили хозяйственные флигели в жилые, установили газомотор в 5 сил для электрического освещения**.

В начале 1899 г. по проекту архитектора Л. Л. Фуфаевского лицевой дом надстроили третьим этажом, капитально переделали парадную лестницу. Но уже в мае того же года имущество перешло во владение гвардии капитана Василия Алексеевича Слепцова, по заказу которого Фуфаевский в апреле 1902 г. занялся перестройкой всего дома.

Фасад приобрел элементы стиля модерн. Окна первого этажа раскрылись огромными зеркальными витринными проемами. Появился растительный декор, женские маски, великолепные изогнутые дверные бронзовые ручки, которые еще и сегодня можно увидеть на старых, не тронутых ремонтом дверях. Прямоугольный в плане эркер когда-то охватывал два верхних этажа. Имелся небольшой балкон, утраченный в дальнейшем вместе с эркером. Ажурная решетка с вазами заканчивала композицию дома. Внутриквартальные флигели были полностью перестроены, повышена их этажность, устроен крытый переход между левым и правым флигелями***. Дом выглядел эффектно на фоне остальных зданий. Отделочные материалы заказывались известным петербургским фирмам: глухоозерный портланд-цемент, плитка от фирмы «Линднер», стекло от братьев Франк, бронза от А. Морана, печи от фирмы «Або», ковры на лестнице от Коровина.

Слепцовы занимали в бельэтаже огромную 25-ти комнатную квартиру, с тремя входами, тремя коридорами, тремя уборными, ванной, электрическим освещением.

* ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 2733.

** ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 566.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 192. Д. 3335.

Квартира имела пышное убранство, во всех помещениях были печи и каминны, много лепнины, деревянные и гипсовые потолки. Квартиру (18-ти комнатную) со всеми удобствами выше этажом занимал мануфактур-советник Михаил Августович Битепаж, владелец фортепианной фабрики «Я. Беккер». В дворовых флигелях квартиры были попроще и подешевле. Бетонированные подвалы предназначались под склады различной продукции*.

Кто же он такой, владелец этого дома, о котором известно не очень много? Слепцовы — дворяне Пензенской губернии, но не родовитые. Внесены в VI Дворянскую родословную книгу в 1793 г. Дед В. А. Слепцова, Трофим Алексеевич Слепцов, службу начал в 1783 г. сержантом Ревельского пехотного полка, дослужился до штабс-капитана. В 1801 г. был определен в Государственный ассигнационный банк, получил чин титулярного советника, в 1802 — коллежского асессора. В 1805—1809 гг. занимал должность директора Ассигнационного банка. В 1810 г. присвоен чин надвального советника, а в 1816 — коллежского советника. Дважды был женат, от второй жены Александры Федоровны Лихомановой родился сын Алексей (отец В. А. Слепцова).

Алексей Трофимович Слепцов с 1845 г. исполнял должность канцелярского служащего в департаменте Санкт-Петербургской гражданской палаты, имел чин надворного советника, в 1849 г. произведен в коллежские советники. Состоял заседателем Санкт-Петербургской дворянской опеки. Был женат на дочери действительного статского советника Юлии Васильевне Петровой, имел сыновей: Алексея (24.08.1856) и Василия (21.01.1859). Обладал правом на дворянство по заслугам**.

Послужной список дает представление и о Василии Алексеевиче Слепцове (владелец дома на Большой Конюшенной, 9). Он окончил 1-е военное Павловское училище и поступил на службу юнкером рядового звания. В походах и делах против неприятеля не участвовал, особых поручений сверх прямых обязанностей не имел. За отличную и усердную службу был награжден орденами Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени. С 1892 г. состоял в должности чиновника для поручений при

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7140.

** ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 6484.

начальнике Главного штаба. Наблюдал за приютом для детей нижних чинов Главного штаба и военной типографии. 30 августа 1893 г. произведен в капитаны. В 1896 г. награжден серебряной медалью в память царствования императора Александра III, в 1897 — медалью в память Св. Коронования их императорских величеств, пожалован темнобронзовой медалью за труды по производству Первой всеобщей переписи населения Российской империи. Женат первым браком на дочери коммерции советника Александре Сергеевне Кудрявцевой. Имел сыновей: Бориса (17.11.1890), Валериана (25.04.1892) и дочь Марию (12.07.1898)*.

Слепцов напоминал типичного служаку-чиновника, исправно ходившего на службу, и окружающим казалось, что главная его страсть — служба. До женитьбы не позволял себе малейшей прихоти, так как был человеком скромного достатка и общественного положения. От отца ему достались деревянный дом и два пустопорожных места в Гавани, да и то уже заложенных. Формула жизни была почти такой же, как и у пушкинского Германна — умеренность и трудолюбие. Но втайне мечтал о деньгах, которые бы дали ему власть и молниеносное восхождение по имущественной лестнице. Все это могла дать удачная женитьба. Никто из окружающих и предположить не мог, какая в нем скрывалась авантюрная натура. Слепцов был достаточно честолюбив, сдержан, скрытен, но кипевшие в нем нешуточные страсти все-таки подтолкнули его к соблазну просчитать ход жизни.

Женитьба на А. С. Кудрявцевой давала все, о чем он мечтал, — деньги, а значит и власть! Жена принесла Слепцову очень приличное приданое. После кончины родителей ей достались: 100 тыс. серебром и наличными деньгами, драгоценности, одежда, каменный дом по Николаевской ул., 73, дача на Аптекарском острове на берегу Большой Невки, 34. Покойный батюшка Александры Сергеевны, Сергей Григорьевич Кудрявцев, коммерции советник, был хорошо известен на флоте как дельный и безукоризненно честный подрядчик. На его деньги был построен целый квартал казарм в Кронштадте для мастеровых пароходного завода. Кудрявцевы имели права на казармы, которые в дальнейшем были поделены поровну между детьми: Александрой и ее

* ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 6484.

братьями Николаем и Сергеем. Казармы приносили владельцам ежегодный доход*.

В декабре 1891 г. Александра Сергеевна написала доверенность, где ведение всех имущественных дел передала мужу. Сначала всё шло хорошо и аккуратно. Но пройдет совсем немного времени, и Слепцов начнет игры с недвижимостью. Сначала он продал дачу на Аптекарском острове принцу П. А. Ольденбургскому под Институт экспериментальной медицины. Затем вложил деньги в перестройку дома на Николаевской, 73. Мания величия не давала покоя, и в 1891 г. он приобрел обширный участок земли на Петербургской стороне на Большой Монетной ул., 11, где построил роскошный особняк с большим садом. Такие дома могли позволить себе только очень состоятельные люди, наверное, таким же хотел себя видеть и Слепцов. Он поддавался соблазну видимого обогащения, погнался за своей независимостью, захотел признания значительного общественного положения. Но вскоре особняк был продан светлейшему князю К. А. Горчакову. Следующей продажей стал дом на Каменноостровском пр., 8, принадлежавший его супруге, после продажи которого последовала покупка имения «Слепцово» в Зарайском уезде Рязанской губернии. Супруга всецело ему доверяла, ни о чем не подозревая. Чтобы вознаградить супруга за труды, подарила 100 тыс. руб. на покупку дома на Б. Конюшенной, 9. Еще 100 с лишним тысяч ушло на отделку интерьеров**.

6 декабря 1903 г. В. А. Слепцову было присвоено звание полковника. Но в скором времени домашние стали замечать у него отклонения в поведении. Они и ранее проявлялись в чрезмерной раздражительности и возбудимости, тяге к непомерным тратам, показному богатству, фантазиям. Но никто из родных не придавал этому серьезного значения. Но так было до поры, пока психические отклонения не стали явными. Супруга была вынуждена собрать консилиум врачей-психиатров, которые после осмотра больного и освидетельствования его умственных способностей пришли к выводу, что он одержим сумасшествием. 18 декабря 1903 г. Слепцов был доставлен в Дом призрения душевноболь-

* ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 8761.

** ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 10862.

ных императора Александра III в Удельной, а через несколько дней переведен в Клинику для душевнобольных при Военно-медицинской академии. Жена была назначена над ним опекуницей. Скончался В. А. Слепцов 14 октября 1907 г., погребен на кладбище Александрово-Невской лавры*.

Александра Сергеевна Слепцовой пришлось решать все имущественные вопросы по долгам мужа. От брака со Слепцовым родилось пятеро детей. Первый ребенок в полтора года скончался от скарлатины, второй родился недоношенным и тоже скончался. Оставались сыновья Борис и Валериан и дочь Мария. Еще при жизни отца сыновья с отличием закончили 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, позже Александровский лицей. Мать делала всё, чтобы вынужденные лишения серьезно не отразились на образе жизни детей. Долгов от мужа осталось очень много, но не в ее характере было опускать руки. Дом на Большой Конюшенной оказался заложным по трем векселям. С роскошной квартирой пришлось расстаться, переехав с детьми в квартиру поменьше на Николаевскую, 73. Пришлось сократить и каждодневные расходы. Но Александра Сергеевна меньше всего думала о своих личных потребностях, жила только интересами детей.

Еще при жизни мужа, в 1904–1906 гг., Слепцовой как опекунице был разрешен перезалог имущества. Получив дополнительную ссуду из Городского кредитного общества, она сразу погасила срочные платежи. Ей разрешено было получить из Госбанка хранящиеся там процентные бумаги, снять облигации со счетов Московского купеческого и Волжско-Камского банков. Всё также пошло на покрытие долгов**.

Надо отдать должное деловой хватке Александры Сергеевны, доставшей ей от Кудрявцевых. Она в течении последующих лет смогла погасить все долги мужа. Домами на Николаевской, 73, и Большой Конюшенной, 9, владела до 1918 г. Пока, к сожалению, не удалось узнать, что стало с семьей в дальнейшем.

В послереволюционные годы в доме находились различные учреждения: техническое бюро, склад водопроводных

* ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 1531.

** ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 6845.

и электрических принадлежностей, магазин Всесоюзного электротехнического треста заводов слабого тока; в 1950–1960-х гг. — восьмилетняя школа № 202 Дзержинского р-на. В 1990-х собственником дома являлось ООО «Транспортные системы». В 2001 г. особняк признан объектом культурного наследия. Здание перепродавалось несколько раз, покупатели скрывались, возбуждались уголовные дела. В 2016 г. дом опять был выставлен на торги. На совсем короткое время весной того же года интерьеры особняка Слепцова стали обживать молодежные структуры, но в мае судебные приставы, изгнав всех из здания, опечатали его. И оно опять замерло. Надолго ли и что будет дальше с домом — увы — неизвестно!

Н. Г. Кузьмина

ТИПОГРАФИЯ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Типография основана в 1827 г. в Петербурге как «Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии» и находилась в ведении Инженерного департамента. С 1882 г. вошла в состав отдела при Государственном совете и была переименована в Первую государственную типографию. Здания типографии находились на углу Инженерной улицы и Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова)*. В 1910–1912 гг. на этом месте построен выставочный корпус Русского музея, т. н. корпус Бенуа. Места для развития типографии в центре было явно недостаточно.

В конце XIX в. Петербургская сторона считалась городской окраиной с деревянными домами и огородами. Этому немало способствовало и отсутствие постоянного сообщения с остальной частью города. С постройкой в 1903 г. Троицкого моста началось развитие этого района. В январе 1907 г. для постройки нового здания типографии был приобретен участок земли на Петербургской стороне между Гатчинской и Ораниенбаумской ул. и Геслеровским пер. (с 1946 г. — Геслеровский пр., ныне (с 1952 г.) Чкаловский пр.).

При планировании постройки типографии за образец была взята Парижская национальная типография, как наиболее удачное решение правильной планировки цехов: в центре печатный, а вокруг все остальные (переплетный, наборный и вспомогательные). Руководствуясь указанной мыслью, проект типографии разработал приглашенный для постройки здания придворный архитектор Л. Н. Бенуа. Леонтий Николаевич Бенуа (1856–1928) — архитектор Придворной певческой капеллы, Великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости, доходного дома Первого Российского страхового общества, Московского купече-

* Типография Печатный Двор им. А. М. Горького. 2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Л., 1947. С. 7.

ского банка (Невский пр., 46), Дворца выставок (корпус Бенуа) и др.

Открытие новопостроенной Государственной типографии состоялось в 1910 г. Кроме основных производственных цехов и складов, в состав комплекса входили: жилой корпус (по Ораниенбаумской ул.), краснокирпичный фасад которого трактован в формах безордерной неоклассики*; помещения общественного назначения — Здание рабочих организаций, главный объем которого занимал Театральный зал (по Гатчинской ул.). Для быстрого выполнения срочных работ организовано было общежитие для высококвалифицированных рабочих в дворовом корпусе Здания рабочих организаций.

Главное трехэтажное здание на углу Гатчинской ул. и Геслеровского пер. занимали административные помещения, мастерские, склады и магазин. В композиции краснокирпичных фасадов с их четким равномерным ритмом ясно выражен производственный характер сооружения. Рационалистические принципы соединились здесь с классицистическими приемами.

Фасад по Гатчинской ул. имеет симметрично-осевое построение. Центральная часть выделена четырехколонным портиком с фронтоном. Протяженные крылья и корпус, обращенный к проспекту, организованы строгим единообразным ритмом лопаток, размещенных в два яруса**. Нижний этаж отделен тягой от двух верхних, раскрытых широкими окнами с дугообразными перемычками. Упрощенный ордер является частью конструктивной структуры. Лопатки-контрфорсы вместе с прогонами и поперечными балками связаны в единую жесткую систему. В главном здании Государственной типографии трансформированы приемы «кирпичного стиля», получившего широчайшее распространение в промышленной архитектуре. При определенной близости зрелому модерну его решение в большей степени связано с неоклассицизмом***.

* Штиглиц М. С. Памятники промышленной архитектуры Санкт-Петербурга. СПб., 2005. С. 125.

** Кравченко К. Памятники промышленной архитектуры. URL: <http://kirill-kravchenko.narod.ru/> (дата обращения: 1.11.2016).

*** Ревзин Г. И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века // Архив архитектуры. Вып. 2. М., 1992. С. 67.

Основной печатный цех, расположенный во дворе, перекрыт большепролетными металлическими конструкциями и является двухсветным, для максимального использования дневного света. Вспомогательные сооружения — электростанцию и котельную с трубой, «чей облик мог вызвать диссонанс с окружающей жилой застройкой, разместили в глубине участка и скрыли от посторонних глаз»*.

Каменные работы и оборудование зданий выполняли самые известные петербургские фирмы. Металлические конструкции, в том числе перекрытия печатного цеха, системы отопления и вентиляции, а также два электрических турбогенератора поставил и смонтировал Петербургский металлический завод. Металлические перекрытия Театрального зала в Здании рабочих организаций выполнил завод Сан-Галли. Устройство водопроводов и канализации осуществило АО «Карл Зигель и К^о». Метлахскую плитку для пола поставила фирма «А. К. Пурьшев»**.

Типография стала крупнейшим полиграфическим комплексом в России. Мало таких типографий насчитывалось и в Европе. По количеству рабочих типография превосходила все существовавшие тогда полиграфические предприятия Санкт-Петербурга. В 1913 г. здесь трудилось более 1 тыс. человек***.

В 1922 г. в честь 5-й годовщины Октябрьской революции типография получила название «Печатный двор»****, как говорилось, «унаследованное от первой русской типографии в Москве»*, основанной в XVI в. первопечатником Иваном Федоровым. В 1920-х гг., в условиях голода и разрухи, типография выпустила 30 млн экземпляров печатных произведений, в их числе — произведения В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, А. М. Горького.

В 1929 г. в типографию приехал Алексей Максимович Горький. В те дни печатались его романы «Мать», «Жизнь Клима Самгина»

* Михайлов Н. В. Печатный двор. На службе книге и отечеству: 1827–2005. СПб., 2005. С. 98.

** Дела о заключении договоров. 1908–1911 гг. // РГИА. Ф. 1216. Оп. 1. Д. 25–146.

*** Михайлов Н. В. Печатный двор. На службе книге и отечеству: 1827–2005. СПб., 2005. С. 111.

**** Там же. С. 23.

* Сафьян Б. И., Марвиц З. Б. Орденоносный «Печатный двор». Очерк истории типографии имени А. М. Горького. М., 1969. С. 23.

Перед отъездом он оставил запись в книге посетителей: «На такой грандиозной фабрике книг, каков „Печатный Двор“, особенно хорошо видать культурное значение работы печатников». В 1936 г. типографии было присвоено имя А. М. Горького, а после Великой Отечественной войны во дворе установлен ему памятник. На главной лестнице здания рабочих организаций установлено панно «Буревестник» в честь одноименного произведения А. М. Горького.

В 1930-х гг. на углу Геслеровского пер. и Ораниенбаумской ул., возведено новое пятиэтажное здание книжной базы — распределительного пункта для книжной продукции «Леногиза»*. К 1940 г. сооружен новый четырехэтажный производственный корпус, главным фасадом выходящий в Геслеровский пер., на первом этаже которого разместились ротационный цех, «решенный в приемах конструктивизма»**. Рядом и ним построили небольшое одноэтажное служебное здание проходной типографии. Архитектором книжной базы Госиздата и четырехэтажного производственного корпуса «из монолитного железобетона был Я. Д. Тартаковский»***. Вступило в строй здание для цеха культтоваров и материального склада по Ораниенбаумской улице. Т. о., комплекс типографских сооружений занимал замкнутое пространство по трем магистралям: Гатчинской и Ораниенбаумской ул. и Геслеровскому пер.

В типографии «Печатный двор» огромными тиражами выпускались сочинения политических деятелей, в том числе И. В. Сталина, В. И. Ленина, а также сочинения А. М. Горького, А. С. Пушкина, В. Шекспира и других классиков. Количество рабочих на «Печатном Дворе» «в 1940 году к окончанию реконструкции достигло 3500 человек»****.

Во время Великой Отечественной войны здесь печатали сочинения В. И. Ленина, а также брошюры, листовки, газеты, вой-

* Путеводитель по Ленинграду 1933. Л., 1933. С. 317.

** Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Петроградский район. СПб., 2004. С. 358.

*** Кисилевский М. В. Годы первых пятилеток // Полиграфия. 1977. № 10. С. 12.

**** Сафьян Б. И., Марвиц З. Б. Орденоносный «Печатный двор». Очерк истории типографии имени А. М. Горького. М., 1969. С. 43.

сковую документацию, своим оборудованием помогали комплектовать походные типографии. Во второй половине 1942 г. производство пришлось законсервировать, т. к. из-за бомбежек здания книжной базы и основного печатного цеха были разрушены, отсутствовало водоснабжение и электричество. Часть рабочих и оборудования была эвакуирована в г. Молотов (Пермь). После победы типографию восстановили.

В 1960–1970 гг. книжную фабрику наградили Орденом Трудового Красного Знамени, Орденом Октябрьской Революции (в 1977 г. к 150-летию основания). В 1960-х гг. ввели в строй цех цветной печати, появилась возможность печатать разноцветные репродукции, иллюстрации, открытки и другую продукцию.

С 1997 г. здания типографского комплекса стали памятником промышленной архитектуры. Общая площадь комплекса 52 211 кв. м*.

В 2007 г. отметили 180-летие и началось сокращение производства. В 2006 г. ФГУП «Печатный двор имени А. М. Горького» было акционировано, в 2011 г. ОАО «Печатный двор» прекратило существование в результате присоединения к московскому объединению ОАО «Первая образцовая типография» (ПОТ). Росимущество перевело активы Печатного двора на московскую фирму ЗАО «СПб-Принт». В 2012 г. начался вывод производства из корпусов типографии**, и цеха стали пустеть. Комплекс стал офисным центром со складскими и производственными помещениями.

В настоящее время в бывших помещениях работают спортивные клубы, в здании проходной открыто кафе «Амстердам», а на 1-м этаже корпуса, выходящего на Чкаловский пр., находится продовольственный магазин «Идея», а в здании книжной базы — строймаркет «Метрика». Помещение бывшего театрального зала (столовой в советское время) занимает спортивная школа, а в бывшем основном печатном цехе устроено поле для мини-футбола.

В 2012–2013 гг. сделан ремонт в стиле лофт с сохранением некоторых конструктивных деталей оформления. Здания заселяли люди творческой направленности (художники, музыканты и др.).

* Theproperty: Коммерческая недвижимость. URL: <http://theproperty.ru> (дата обращения: 26.08.2016).

** Деловой Петербург. URL: <http://www.dp.ru> (дата обращения: 27.08.2016).

Один из этажей бывшей типографии полностью занял арт-центр «Печатный двор» — 12 залов. Здесь находится фотостудия «Котофот», которая может не только сделать качественные фото, но и научить, как правильно фотографировать. Находится здесь и «Сталкер» — творческая студия для художников. Также в арт-центра «Печатный двор» есть несколько профессиональных школ (Pandora, Just Dance и др). Для отдыха посетителей предусмотрен стометровый зал с отдельной барной зоной. Это поистине огромное пространство оборудовано удобными диванами, столиками. Имеется звуковое и световое оборудование, изображение демонстрируется на исполинском шестиметровом экране. Множество мероприятий, акустических концертов, праздников и вечеринок — это лишь небольшой довесок к творческой составляющей арт-центра «Печатный двор»*.

С 2012 г. здание по Гатчинской ул., д. 26 занимает «Невский институт языка и культуры» — частное образовательное учреждение высшего образования, основанное в 1992 г. В институте проводятся различные мероприятия, открытые лекции**, научные форумы. Ежегодно проводится научная конференция «Невские чтения». На базе и при участии Невского института языка и культуры в 2009–2011 гг. трижды проходил Петербургский фестиваль языков***.

Таким образом, типография в этих стенах проработала более 100 лет, а если посчитать с основания, то более 180 лет. Сейчас здания арендуют магазины, аптеки, спортивные клубы, арт-центры. Логичнее было бы использовать весь комплекс одному юридическому лицу. Например, устройство кампуса, в который вошел бы институт языка и культуры, гостиница для студентов, спортивный и оздоровительный комплекс, а также музей Колтовской слободы и музейная экспозиция типографии «Печатный двор».

* Куда сходить в Санкт-Петербурге. URL: <http://www.zdo2go.ru> (дата обращения: 28.08.2016).

** Невский институт языка и культуры. URL: <http://niyak.spb.ru> (дата обращения: 3.11.2016).

*** Петербургский фестиваль языков. URL: <http://festivalo.ru/> (дата обращения: 1.11.2016).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ *

Аксельрод Владимир Ильич — кандидат педагогических наук, методист Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных, заместитель председателя Санкт-Петербургского союза краеведов

Воронин Виктор Вадимович — начальник отдела государственного учета объектов культурного наследия КГИОП

Глушкова Людмила Викторовна — директор социального проекта по бесплатному обучению Французского университета, член клуба знатоков ВООПИиК

Голованова Анна Викторовна — старший научный сотрудник СПб ГБУК «ГМП „Исаакиевский собор“»

Груздева Ангелина Григорьевна — учитель физики, краевед

Журавская Алла Николаевна — методист научно-просветительского отдела Государственного комплекса «Дворец конгрессов»

Золотинкина Ирина Анатольевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного Русского музея

Капитонова Анна Игоревна — член президиума СПб ГО ВООПИиК

Кашаверская (Чуруксаева) Юлия Ивановна — исследователь Санкт-Петербурга

Кирикова Людмила Александровна — старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга»

Кириков Борис Михайлович — кандидат искусствоведения, почетный член РААСН, член Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве СПб

* Данные приводятся на время проведения конференции.

Князькина Альбина Вячеславовна — краевед, экскурсовод, председатель Совета РОО «Институт Петербурга»

Кормильцева Ольга Михайловна — кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Козлов Дмитрий Викторович — экскурсовод СПб ГБУ «Краеведческий музей г. Ломоносов»

Коренцвит Виктор Абрамович — член ревизионной комиссии ВООПИиК, научный сотрудник ООО «Паллада»

Кузьмина Нина Георгиевна — Союз работников культуры

Лисовский Владимир Григорьевич — доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при РАХ, член президиума СПб ГО ВООПИиК

Логунова Марина Олеговна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга»

Марголис Александр Давидович — кандидат исторических наук, председатель СПб ГО ВООПИиК, член Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве СПб

Микишатъев Михаил Николаевич — старший научный сотрудник НИИТИАГ РААСН

Нестерук Елена Валериевна — член Совета РОО «Институт Петербурга»

Николаева Тамара Ивановна — заслуженный работник культуры РФ

Ролиг Екатерина Валерьевна — председатель Ораниенбаумского отделения ВООПИиК

Руднева Ирина Владимировна — аттестованный эксперт Министерства культуры РФ по культурным ценностям

Сапрыкина Людмила Юрьевна — краевед, экскурсовод, член Совета РОО «Институт Петербурга»

Семыкина Людмила Васильевна — кандидат биологических наук, исполнительный директор благотворительного фонда «Дети города»

Соболева Инна Аркадьевна — публицист, кинодраматург, член Союза кинематографистов России и Союза профессиональных литераторов РФ

Тихонов Игорь Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, заведующий Музеем истории СПбГУ, член президиума СПб ГО ВООПИиК

Трускинов Эрнст Валентинович — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник ВИР имени Н. И. Вавилова

Ухналев Андрей Евгеньевич — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательского институт теории и истории архитектуры и градостроительства

Чепель Александр Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, директор МИКиКО СПбГМТУ, член Совета РОО «Институт Петербурга»

Штиглиц Маргарита Сергеевна — доктор архитектуры, профессор СПГХПА имени А. Л. Штиглица

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИР — Всероссийский институт растениеводства
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГБУК — Государственное бюджетное учреждение культуры
ГДР — Германская Демократическая Республика
ГДТЮ — Городской Дворец творчества юных
ГИОП — Государственная инспекция по охране памятников
ГМИ — Государственный музей истории
ГМП — государственный музей-памятник
Губоткомхоз — Губернский отдел коммунального хозяйства
ИЖСА — Институт живописи, скульптуры и архитектуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИКОМОС (ICOMOS: International Council of Monuments and Sites) — Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест
КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры
ЛГО — Ленинградское городское отделение
ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛОССА — Ленинградское отделение Союза советских архитекторов
МВД — Министерство внутренних дел
МИКиКО — Музей истории кораблестроения и кораблестроительного образования
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НВФ — научно-вспомогательный фонд
НИА — научно-исследовательский архив
НИИТИАГ — Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ООО — общество с ограниченной ответственностью
РААСН — Российская академия архитектуры и строительных наук
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РАХ — Российская академия художеств
РГБ — Российская государственная библиотека
РЖУ — региональное жилищное управление
РО — региональное отделение
РОО — региональная общественная организация
РПЦ — Русская православная церковь
СПбГМТУ — Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПГХПА — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия
Ст.ст. — старый стиль
ТЭЦ — Теплоэлектроцентраль
ФГУП — Федеральное государственное унитарное предприятие
ЮНЕСКО (UNESCO: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Научное издание

ТРЕТЬИ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ответственный редактор *А. И. Нащокина* · Верстка *Л. А. Козловой* · Корректор *Ю. А. Смирнова*
· Предпечатная подготовка *Ю. А. Макусинского*

Подписано в печать 01.10.2018 · Формат 60×90^{1/16} · 20 усл. печ. л. · 000 уч.-изд. л. · Тираж 000 экз. · Заказ Ч-0000-00 · Оригинал-макет подготовлен в ООО «Издательский дом „Коло“» · 197198, Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206 · www.kolohouse.ru · Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография» · Филиал «Чеховский Печатный Двор» · 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1 · www.chpd.ru · sales@chpd.ru · 8 (499) 270-73-59

